

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

Том 25 № 1 (2020)

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

Заместитель главного редактора

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов

Ответственный секретарь

Васильева Н.В., кандидат педагогических наук, Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов

Бодор Филипп, профессор факультета гуманитарных наук, Университет Бордо III имени Мишеля де Монтеня (Франция)

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Жаккар Жан-Филипп, профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литературы, Женевский университет (Швейцария)

Киссель Вольфганг Стефан, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет (Германия)

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Мораччи Джованна, профессор факультета современных языков, литературы и культуры, Университет Габриэля Д'Аннунцио в городах Кьети и Пескара (Италия)

Московкина И.И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Харьковский государственный университет (Украина)

Олджай Туркан, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Стамбульский университет (Турция)

Флейшман Лазарь, профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет (США)

Чао Сун, кандидат филологических наук, директор Центра русского языка и литературы, Хейлундзянский университет (Харбин, КНР)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес: ak-aurus@mail.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 24.03.2020. Выход в свет 31.03.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,50. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

VOLUME 25 NUMBER 1 (2020)

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Kovalenko A.G., Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Volkova I.I., Doctor of Philology, Professor, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Vasilyeva N.V., PhD of Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EDITORIAL BOARD

Bazanova A.E., Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Buadorre Philippe, Professor, Department of Humanities, Bordeaux Montaigne University (France)

Golubkov M.M., Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University

Jaccard Jean-Philippe, Professor, Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva (Switzerland)

Kikhney L.G., Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov

Kissel Wolfgang Stephan, Professor, Leading Research Fellow of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, University Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen (Germany)

Moracci Giovanna, Professor, Department of Modern Languages, Literature and Culture, University of Gabriel D'Annunzio of Chieti and Pescara (Italy)

Moskovkina I.I., Professor, Head of Department of Russian Literature, Kharkov State University (Ukraine)

Olcai Türcan, Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Istanbul University (Turkey)

Fleishman Lazar, Professor, Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University (USA)

Chao Sun, Professor, Head of Russian Language and Literature Centre, Heilongjiang University (China)

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed by DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: ak-taurus@mail.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. История русской литературы

- Гарипова Г.Т.** Семиогенезис мифа о «новой экзистенции» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» 7
- Абдокова М.Б.** Портрет и пейзаж в публицистической прозе Бориса Зайцева: стиль и этос 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. Современный литературный процесс

- Карасик В.И.** Самоидентификация в современной иронической поэзии 33
- Ибадова Н.Э., Голубков М.М.** Проблематика и жанровое своеобразие романа Юрия Полякова «Гипсовый трубач» 46
- Хайрулин Т.П.** «Нагрязнула зима истории...»: концепция времени в стихотворениях В. Кривулина 58
- Alasgarova G.** Why has sci-fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990? (Почему научно-фантастическая литература потеряла свою популярность в Азербайджане после 1990 года?) 68

КОМПАРАТИВИСТИКА. Русская литература за рубежом (Китай)

- Линь Гауньцун, Солнцева Н.М.** Хунхуз в литературной рецепции 82
- Арзамасцева И.Н., Ян Липин.** Искусство фарфора в творчестве Е.Я. Данько: «Ваза Богдыхана», «Фарфоровая чашечка» и «Китайский секрет» 91
- Ван Мэнцзяо, Пономарева Т.А.** «Домолчаться до стихов»: «молчание» в жизни и творчестве М.С. Петровых 101

КОМПАРАТИВИСТИКА. Зарубежная литература

- Косова Ю.А., Пономаренко Е.Б., Сиари Ж.** Личное и социальное в автобиографическом письме Анни Эрно 111
- Ок А.** Literary representation of Jewish departure in “The Saga of Muziris” by Sethu (Литературная репрезентация отъезда евреев в «Саге о Музирисе» Сетху) 131

ЖУРНАЛИСТИКА. История и теория СМИ

- Шевцов Н.В.** «Библиотека для чтения» – первый массовый журнал в России 137
- Проскурнова Е.Л.** Причины снижения популярности и перспективы развития информационного телевидения 146
- Отт В.С., Грабельников А.А.** Новые тенденции в формировании образа России французской прессой в контексте Чемпионата мира по футболу – 2018 155
- Карпий С.В., Ашур Х.Ю.Д.** «Эфир» и «вещание»: этимология, сущность, характеристика понятий 163

ЖУРНАЛИСТИКА. Новые медиа

- Kinfu Z.T., Fadeeva A.A.** Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization (Особенности функционирования медиапространства Казахстана в условиях глобализации) 168
- Якубович Е.В.** Научная тематика в цифровой реальности 177
- Patel K., Binjola H., Siddiqui T.** Indian social media politics: new era of election war (Индийская политика социальных медиа: новая эра избирательных процессов) 184

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Гун Цинцин, Коваленко А.Г.** Новая книга о творчестве Б. Пильняка. Рецензия на монографию Л.Н. Анпиловой «Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х гг.». СПб.: Нестор-История, 2019. 214 с. 193

ХРОНИКА

- Смыкова М.В.** Вузовский проект «Я – Экоманифест» в системе цифровых коммуникаций 198

CONTENTS

LITERARY STUDIES. History of Russian literature

- Garipova G.T.** Semiotic codes of the “new existence” myth in the novel “The Diary of Satan” by L. Andreev 7
- Abdokova M.B.** Portrait and landscape in Boris Zaitsev’s publicistic writings: style and ethos 17

LITERARY STUDIES. Contemporary literary process

- Karasik V.I.** Self-identification in modern ironic poetry 33
- Ibadova N.E., Golubkov M.M.** Problematics and genre originality of Y. Polyakov’s novel “Gypsum Trumpeter” 46
- Khairulin T.P.** “The winter of history came suddenly...”: the concept of time in the poems of Victor Krivulin 58
- Alasgarova G.** Why has sci-fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990? 68

COMPARATIVE LITERARY STUDIES. Russian literature abroad (China)

- Lin Guanqiong, Solntseva N.M.** Honghuzi in the literary reception 82
- Arzamastseva I.N., Yang Liping.** The art of ceramics in the works of E.Ya. Danko: “Vase of Chinese Khan”, “Ceramic Cup” and “Chinese Secret” 91
- Wang Mengjiao, Ponomareva T.A.** “Keep silence to poetry”: “silence” in M.S. Petrovykh’s life and writing. 101

COMPARATIVE LITERARY STUDIES. Foreign literature

- Kosova Yu.A., Ponomarenko E.B., Siary G.** The individual and the social in Annie Ernaux’s autobiographical writing 111
- Ok A.** Literary representation of Jewish departure in “The Saga of Muziris” by Sethu 131

JOURNALISM. History and theory of media

- Shevtsov N.V.** “Biblioteka dlya Chteniya” – the first mass magazine in Russia 137
- Proskurnova E.L.** The reasons for the decline in popularity and prospects for the development of linear television 146
- Ott V.S., Grabelnikov A.A.** The image of Russia in the French print media: a new tone in the context of the 2018 FIFA World Cup 155
- Karpiy S.V., Ashour H.Y.J.** “Ether” and “broadcasting”: etymology, essence, characterization of concepts 163

JOURNALISM. New media

- Kinfu Z.T., Fadeeva A.A.** Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization 168
- Yakubovich E.V.** Scientific topics in digital reality 177
- Patel K., Binjola H., Siddiqui T.** Indian social media politics: new era of election war 184

REVIEWS

- Gong Qingqing, Kovalenko A.G.** A new book about the work of B. Pilnyak. Review of L.N. Anpilova’s monograph “Russian version of expressionism: Prose of Boris Pilnyak of the 1920s”. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 214 p. 193

CHRONICLE

- Smykova M.V.** High school project “I am Ecomanifest” in the system of digital communications 198

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-7-16
УДК 821.161.1

Научная статья

Семиогенезис мифа о «новой экзистенции» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны»

Г.Т. Гарипова

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Никитская, 1

Статья посвящена анализу проблемы идентификации семиотических составляющих авторского неомифа о «вочеловечившемся Сатане» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» в системе анализа междисциплинарной метаморфной модели инструментариями экзистенциального метода. Новизна данного исследования определяется анализом семиотической составляющей концептов «Человек – Сатана» в контексте понятия «живая онтологическая телесность» в системе междисциплинарной метаморфной модели Зальтмана. В качестве объекта исследования были избраны лингвокультурные концепты «Человек – Сатана» как ключевые символы метаморфной модели «вочеловечившийся Сатана», отражающие важнейшие категории и установки антропологической и религиозно-философской концепции писателя.

Ключевые слова: Л. Андреев, семиотика, экзистенциализация, неомифологизация, онтология живой телесности, метаморфная модель, семантическая текучесть

Введение: методологические ориентиры

Серебряный век в русском литературном процессе XX века концентрирует в пространстве своего художественного сознания все культурное наследие мира, одновременно представляя из себя самостоятельное интертекстуальное поле для последующего развития литературы. Подобная концентрация привела к исключительной значимости контекста произведения, наполненного всеми возможными смыслами и кодами (религиозными, мифологическими, историческими, психологическими, собственно-литературными и т. д.), чья семиотическая эстетизация сопровождается усилением особого качества философизации художественного текста – неомифологизации (сопровождающейся процессами демифологизации и ремифологизации). Философская насыщенность авторских неомифов достигается посредством художественной реинтерпретации в современном контексте классических мифов (сюжетов, мотивов, образов, символов и т.д.), которые в неклассической парадигме художественности уже с начала XX века соотносятся с особой моделью художественной экзистенциальности. Синтетизм становится концеп-

© Гарипова Г.Т., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

туальным критерием русского литературного процесса не только в области интерференции мифосознания и экзистенциального типа художественного сознания, но и всей литературной парадигмы в целом. Бинарность художественного сознания предопределяет полифонизм как качество литературного текста обозначенного периода. По мнению В.В. Заманской, *«экзистенциальное сознание исследует бытие человека в онтологических, экзистенциальных, метафизических плоскостях. Экзистенциальный метод претендует на роль метода познания реальности и создания художественной модели мира. <...> Мы рассматриваем экзистенциальное сознание как универсальную субстанцию художественного и философского мышления. <...> Мы стремимся реконструировать универсальный процесс экзистенциализации сознания и обозначить этапы его динамики как единого философско-художественного феномена. <...> Лишь такое интегрированное пространство позволит адекватно оценить парадигму художественного мышления XX столетия, выразившую его сумрачное мироощущение»* [4. С. 39–40].

Констатируя экзистенциальную основу русского неомифологизма, мы имеем в виду глубинную соотнесенность онтологических и антропософских проблем как основы художественности XX века, обозначенной Х. Ортегой-и-Гассетом под знаком «метафорического мышления»: *«метафора служит не только наименованию, но и мышлению. В этом заключается вторая – более глубокая и существенная – функция метафоры в познании... Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления»* [8. С. 73–74]. Именно подобное понимание метафоры-сознания, метафоры-мышления было положено в основу междисциплинарной метаморфной модели Зальтмана (ZMET), техника которой основана на извлечении из бессознательного метафорических образов, оказывающих влияние на семантическое осмысление входящей информации. По словам Дж. Зальтмана, *«почти все, что влияет на то, что мы говорим и делаем, происходит ниже уровня сознания. Вот почему нам нужны новые методы, чтобы добраться до скрытых (неосознаваемых) знаний и мыслей и получить то, о чем люди не знают и не догадываются на уровне сознания, но на самом деле – они это знают»* [цит. по: 9]. В художественном тексте данный метод позволяет на рецептивный уровень вывести скрытые значения онтологических мифокодов, определяющих психологический и ментальный генезис экзистенциального сознания писателя и его героев. Дополнительным основанием для анализа миромоделирующих констант авторского неомифа может стать семиотический метод извлечения из ономастических метафор смыслов бессознательного, позволяющий выявить мифологические составляющие (мифологемы, философемы, историсофемы) метапоэтики художественных текстов XX века.

Настоящее исследование ориентировано на прояснение семиотических составляющих мифопоэтического кода романа Л. Андреева «Дневник Сатаны» с опорой на использование инструментов экзистенциального метода познания «новой экзистенции». Такая методологическая интеграция дает альтернативные возможности семиотического перепрочтения художественных неомифов в экзистенциальном контексте. По мысли исследователя мифопоэтики Серебряного века И.А. Кребель *«масштаб языковой работы соразме-*

рен экзистенциальному, эстетическому опыту мысли, бытийственному опыту мира мыслителя, опыту созидания им космоса, опыту оживления стертых оболочек словесных значений, смыслового содержания знака, устранения дистанции между денотатом и сигнификатом» [5. С. 74].

Семиотический процесс «срывания масок»

Роман Леонида Андреева «Дневник Сатаны» (1919) относят к жанру «философского романа», а также «интеллектуального», «модернистского» и т. д. На наш взгляд, наиболее обоснованными являются жанровые дефиниции романа как «неомифологического» (И. Московкиной, Е. Каманиной и др.) и «экзистенциального» (В. Заманской). Обозначенные в романе два «параллельных мира» – реальное, материально-физическое (*пространство человеческого тела*) и иррациональное, экзистенциальное (*«сознательная пространственность» Сатаны*) – в процессе своей трансференции образуют третий мир игры, в центре которого уже не только Homo ludens, реализующийся в образе Магнуса и Марии, но и Сатана-ludens. Взаимобратимость героев романа из «параллельных миров» в литературоведении определяется системой двойничества (И.В. Бушмина), «зеркальности» (О.Ю. Осьмухина), «масочности» (С.Г. Исаев). Все эти принципы основаны на игровом эстетизме, концептуальном для романа, поскольку «оборотничество» героя связано с актуализацией типа Homo ludens. Игровая природа образной системы во многом предопределила и игровую структуру языка романа. По мнению Э.Ф. Шафранской, «художественная литература – это игра с читателем, метафорический текст, лаборатория возможного и невозможного, практика манипуляций» [11. С. 2].

Исследуя сферу личностного, иррационального, раскрывая психологию бессознательного ощущения трансцендентного в человеке, Леонид Андреев в «Дневнике Сатаны» не создает конкретно-определенных, четко обозначенных художественной реальностью образов-символов (образцом создания таковых является семантико-символическое моделирование «мироподобности» текста русскими символистами). Посредством семантического акта, используя словесную ткань, Л. Андреев творит обозначенную образом вочеловечившегося Сатаны «автономную созерцательность» нового экзистенциального порядка, сквозь призму которой и происходит восприятие онтологического состояния человеческого мира и внутренней «сознательности» человека в этом Хаосе земной жизни. Семиотическое пространство романа представляет собой яркий образец онтологизированной «семантической текучести» (А.Ф. Лосев), позволяющей выстроить определенную символизацию художественных смыслов (аксиологических, персонологических) в рамках семантического акта извлечения метасмыслов через метаморфные образы.

В основе художественной структуры романа лежит многоплановая, развивающаяся и ветвящаяся в систему разного уровня персоналий антитеза, в начале обусловленная внешней дихотомией *Сатана – Человек*, затем в результате метаморфозы перерастающая во внутреннюю Я-антиномию (*Я-человек – Я-Сатана*). И в призме исповедальной речевой семантики (жанр дневника) Я-антиномия «вочеловечившегося Сатаны» становится средоточием антро-

пософской концепции писателя, раскрытие которой происходит в соответствии с разворачивающимся процессом «срывания масок» – *очеловечивание Сатаны и извлечение дьявольской сути Человека*. Генезис скрытых смыслов обуславливается вечными проблемами, укладывающимися в бердяевский комплекс: «Русскому народу свойственно философствовать... о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье» [3]. Роман «Дневник Сатаны», с одной стороны являющийся библейским антимифом, с другой представляет собой попытку эстетического создания экзистенциально заданного «телесного кода» (*миф о себе в процессе самоотчета-исповеди*, по Бахтину). Непримириемое двоемирие субстанций земного и небесного объединяются в пространстве человеческого тела.

В семантической структуре лексемы *человек* выделяются два уровня – внешний (*персона, тело*) и внутренний (*личность, душа*). Л. Андреев выстраивает «телесный код» своего героя как на лексико-семантическом, так и на морфологическом и словообразовательном уровнях. Вводя в оборот новую производную от слова *человек* – глагол *вочеловечился*, писатель мастерски высвечивает значение *пространственности* (поддержанное прямой дефиницией тела лексемой *помещение*). При этом ни разу не используется качественная характеристика образа, выявляемая в процессе другой префиксальной словообразовательной трансформации *вочеловечился*. Поскольку префикс *в-(во-)* актуализирует семы *пространственность* и *внутренний*, то качественная антиномичность образа вочеловечившегося Сатаны, исходя из его составляющих «*Человек – Сатана*» снимается. В этом плане актуально использовать понятие «онтология живой телесности», соотносимое по теории В.И. Моисеева с «аксиомой внутрицелостности», рождаемой в системе андреевских метаморфоз, когда «с внутреннего мира живого существа на его тело в некоторой степени переносятся мироподобные характеристики. <...> Во-первых, следует напомнить, что внутренний мир – это целый малый мир в рамках структур субъектных онтологий. Миры – как большой мир, так и малые миры – обладают особыми характеристиками, которые присущи только мирам. Такие характеристики я буду называть мироподобными характеристиками. Это, например, обладание своим пространством и временем, определение в качестве причины самого себя (что на латинском языке называется *causa sui*), когда только мир может определять себя собою к той или иной активности, и т. д. <...> Так вот, аксиома внутрицелостности утверждает, что, в силу соединения с внутренним миром, тело живого существа принимает на себя в некоторой степени его мироподобные характеристики <...> чем более мощным является внутренний мир, тем в большей мере он обладает мироподобием и тем в большей степени с этого внутреннего мира переносятся мироподобные характеристики на бытие живого тела. Перенос мироподобных характеристик на живое тело можно выразить и как повышенную целостность тела» [6].

В процессе трансформаций «внутреннего мира» Сатаны и «живого тела» Вандергуда возникает новая форма «живой онтологии телесности», обладающей в соответствии с «аксиомой целостности» абсолютно новой *existence*. Сатана, выбрав тело Вандергуда только как «помещение» и желая оставить-

ся самим собой, глубоко ошибается в возможности сохранения своей «зеркальной автономности». Целостность новой «живой телесности» приобретает и абсолютно новое бытие живого тела. Сатана, *вочеловечившись*, обречен на *очеловечивание*. Решая задачу художественного исследования «сознательности» Абсолюта Зла в «телесном коде» Человека в прямом (физическом) смысле, а не человека в призме проявления сатанизма, писатель изменяет привычно закономерную философскую ситуацию, реорганизуя антитезу *Бог – Сатана* в монаду Я-антиномия, лежащую в подтекстовом пласте бинарности *Человек – Сатана*. Но все-таки, на наш взгляд, при отсутствии в сюжетной структуре вектора *Бог* – это роман о Боге, а также о пути Сатаны, на котором он испытывается Богом. Семиотическое извлечение скрытых смыслов в метаморфной метафоре «вочеловечившегося Сатаны» позволяет концептуализировать «смысл» Бога не как анти-Сатаны, но как анти-Человека: «...ты, человеке, вместил в себя Бога и Сатану – и как страшно томятся Бог и Сатана в этом тесном и смрадном помещении!.. Это наполняет жизнь вечности смятением и мукой, и печаль души безысходна» [1. С. 364].

Такие выводы складываются и на основе анализа художественно доминирующего семантического пласта, в котором акцент делается на семиотике знака-образа *Человек*. Самой многочисленной из словообразовательных парадигм текста романа является поликомпонентная группа однокоренных слов с доминирующей и объединяющей семой *человек*. Необходимо выделить и другую, оппозиционную парадигму лексем (контекстуальных синонимов), образующих такую же иерархическую линию, со значением (для нас также доминирующим исходя из главного образа) *Сатана*. Все составляющие этой парадигмы – неоднокоренные слова, объединенные смысловой доминантой: воплощение зла, не-Человек или анти-Бог. Представленные парадигмы объединяются в иерархическую систему, в которой первая парадигма «*Человек – Человеке – Человечный – Человеческое – Человечность – Вочеловечивание – Вочеловечившийся – Вочеловечь – Вочеловечился*» основана на принципах словообразовательного гнезда (дериваты образованы префиксальным и суффиксальным способом), а вторая «*Сатана – Дьявол – Люцифер – Вельзевул – Черт – (коллега) Мефисто – Свињи-бесы – Каин*» на степени качественно-количественного приближения к Абсолюту Зла (производные имеют характер семиотических знаков-образов, соотносимость которых в рамках одной парадигмы оправдана мифогенезисом значения «сатанинское»). Характер структурно-семантических модификаций для этих антиномических словообразовательных гнезд разный. В первой парадигме лексема *человек* является нейтральной и, как правило, используется лишь для обозначения внешней субстанции (*физического тела*) со значением пространства для внутреннего Я (личности). Исходный образ вочеловечившегося Сатаны состоит из тела человека и Я – духа Сатаны, хотя это и условно, поскольку суть метаморфозы основана на слиянии телесного бессознательного *Оно* человека и сознательного *Я* Сатаны. Причем в «оборотничестве» нравственно-этическая составляющая *Я* Сатаны трансформируется в бессознательное человеческое, определяемое влиянием материального тела на внутреннюю «сознательность».

Срабатывает логика «аксиомы внутрицелостности». Вторая лексема *челове* используется в романе только в качестве устаревшей формы обращения, что придает речи вочеловечившегося Сатаны особую патетику (смену презрительности на уважительность) по мере непосредственного знакомства с людьми (в частности, Магнуса). Сатана тем самым признает за человеком статус равного игрока в затеянной им большой онтологической игре и уравнивает себя и человека (Магнуса) во внутренних ипостасях – проявленности Абсолюта. Следующие три лексемы (*человечный, человеческое, человечность*) являются оценочными, но по ходу развития романа они еще и определяют внешний «портретный» облик главного героя – *человеческое* тело, в самой черной глубине *человечности, человеческое* безумие, ее *человечность* (внешняя форма, скрывающая Дух Сатаны). Но аксиологическая целостность образа вочеловечившегося Сатаны достигается законченностью языковых форм авторского неологизма, а точнее суммой собственно-авторских словообразовательных производных – *вочеловек, вочеловечение, вочеловечился, вочеловечившийся*. Семиотические значения образа главного героя через «извлечение» семантики денотатов данного словообразовательного гнезда центрируют всю идейно-содержательную и образную систему романа. Л. Андреев актуализирует два смысла лексем – прямой и переносный. Исходя из чего, сатанинское и человеческое начала проявляются только в соотносительности с лексемой *человечный*, в семном значении которого выделяется ряд «*достойный, отзывчивый, гуманный*» [7. С. 807].

Что касается второй парадигмы, то здесь сложно говорить о специфике оценочности, скорее всего, она построена по принципу «второй номинации», поскольку все компоненты дефинированы ономастиком «*анти-Бог*».

Маргинальное состояние «трансформированного тела» и «разъятой сознательности» определяет образы и вочеловечившегося Сатаны, и Марии, и Магнуса, и даже Тони – вочеловечившегося черта. В первом случае оно явственно локализуется в сокровенное *Я*, колеблющееся в своих определениях между экзистенциальными составляющими, определяющими в своем триединстве «аксиологию внутрицелостности» главного образа, представляющего иерархическую вершину данной семантической парадигмы.

Я – вочеловечившийся Сатана
Я-Сатана *Я-человек*

При этом *Я* – опорное слово этой системы, поскольку выполняет структурообразующую роль в сюжетном движении (*процесс очеловечивания вочеловечившегося Сатаны*), в композиционной организации (*психоаналитическое разворачивание самоотчета-исповеди*), в метафоризации новой «живой телесности» и «новой экзистенции». *Я* обладает широким набором валентностей и объединяет в целое образа вочеловечившегося Сатаны остальные его составляющие по двум онтическим уровням:

<p>Человек Вандергуд Миллиардер Ничтожество</p>	<p>Я-</p>	<p>Сатана Дьявол Тень Вечность</p>
---	-----------	--

Семантико-синтаксическое целое ономастических дефиниций «новой живой телесности» – *Я-человек* и *Я-Сатана* – соотносимо с символическим значением предиката «Я (*есть*) кто-то», логически функционирующего как философская «экзистенциальная» апория. Более того, если «представить элементарный акт метафизической мысли в виде суждения “Я есмь нечто”, то бесконечность содержания таится здесь во всех трех моментах: тайна личности, несказуемое подлежащее сказанного **Я**; смысл *есть*, образующий сокровенную бытийную основу самой логической связи и неисповедимые глубины субстанциональности, кроющейся во всяком **нечто**. Таковы три “корня бытия”, или троякое раскрытие изначальной онтологической тайны: *нуменальное или ипостасное Я, несказуемое подлежащее Я-сказуемого, собственное имя этого местоимения...; нечто, не-Я, бытийный субъект всего высказывания...; само бытие как связь, как связанное единство логически и онтологически расчлененных субъектов...*» [2. С. 62].

Вот и открылась истина, в поисках которой вочеловечился Сатана – между ними лежит логика самого Бытия, а поскольку Бытие есть творение Бога и сам Бог как прообраз всего сущего, то таков замысел божественного откровения: «...*Я снова ищу слов и сравнений, беру в руки плоть, от которой убегает истина!.. Вочеловечь самого Бога, если ты его осилишь, Иаков... Бог! А я только Сатана, скромный, неосторожный, вочеловечившийся Черт!*» [1. С. 337].

Вообще среди русских символистов, к которым в своей эстетике и этико-философском мироощущении приближался поздний Л. Андреев, была актуальной мысль о диалектической трактовке причинно-следственных взаимодействий между *Я* и *не-Я*, исходя из фундаментальной ценностно-смысловой оппозиции «природно-космическое (*идеальное*) – социальное (*материальное*)». Так, в романе «Дневник Сатаны» антиномический ряд *вочеловечившийся Сатана – Магнус* выявляется только в отношении к идеям «земного» социума. Магнус проявляет свою истинную личностную суть, высмеивая теорию Сатаны-Вандергуда о всеобщем человеческом счастье: «...*вы недостаточно знакомы с миром наших изобретателей Наилучшего Средства Для Счастья Человечества... оставьте заботы о счастье человечества...*» [1. С. 334]; «...*и я искренне рад, что вы бросили наконец эту дешевую игру в любовь и человечество... у вас так много других забав!*» [1. С. 347]. Парадокс: Магнус – человек, мыслящий человеческое счастье в *Ненависти* к человечеству, в противопоставлении великого себя миру; вочеловечившийся Сатана – в *Любви*, во включенности себя в мир людей. Метаморфоза двойного уровня определяет этическую суть образов: Сатана оказывается носителем божественного начала, выраженного в высшей заповеди Любви (идеологически – к человечеству, сюжетно – к Марии), Магнус есть воплощение сатанинской ненависти к Любви и Богу. Так демифологизируется смысл библейского сюжета – Сатана принимает качества Искупителя и становится жертвой Человека-предателя (гипотетически может быть прочитан как библейский Иуда), выступающего в роли Искупителя. Не случайно в характеристике Магнуса преобладает «мрачная» лексика – *суровый (голос, лицо, взгляд, облик), надменный, злой, скрытный*, но при этом подчеркнуто – *несчастный*. Андреев в призме

семантических характеристик вскрывает и психологическую и нравственно-этическую суть образа – зло и ненависть Магнуса порождены несчастьем, которое он не хочет преодолеть в себе и в человечестве.

Заключение

Л. Андреев создал свой неомиф о Сатане, искушаемом Человеком. Смыслы этого самоотчета-исповеди беспредельно невыразимы, как сами Человек, Сатана, Бог. Писатель видит мир как единство противоположных начал. Реализуется эта идея в тексте как в системе сюжетного, идейно-тематического структурирования, так и посредством лексико-семантического моделирования образов (за счет синтезирования антонимов экзистенциального плана – *вочеловечившийся Сатана*). В соответствии с установками «аксиомы внутрицелостности» утрачивается антитетичность и противоположности интерферируются в «онтологию живой телесности». Сюжетной доминантой романа становится процесс «сотворения новой экзистенции (*вочеловечившийся Сатана*)», но мировоззренческой доминантой – проблема «сотворения нового мира». Личностной задачей «*нового Сверхчеловека*», Абсолютность которого подчеркнута включенностью в его новое «*бытие телесности*» сатанинского Духа, становится «изобретение счастья Человечества». Однако в процессе гносеологического сотворения «нового земного рая» выявляется суть реального внутреннего мира человека, обусловленная социальностью дегуманизованного мира. В результате сюжетной трансформации религиозной мифологемы «сотворение мира по замыслу Бога» в социальный мирообраз «*пересотворение мира по замыслу Человека-Сатаны*» выявляется этический катарсический нонсенс – спасение (попытка!) божественного мира по замыслу Сатаны-игрока. *Сатана-искуситель* (архетипический концепт греха) персоналогически трансформируется в жертву – *Сатану-искупителя* (демифологизация архетипического концепта религиозно-христианской триады Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух). По аналогии с первообразом искупителя Иисуса Христа, физически страдающего во имя будущего счастья Человечества, андреевский Искупитель «*вочеловечившийся Сатана*», духовно страдающий во имя той же цели, есть единение человеческой, земной «телесности» и небесной «духовности» (*ономастически «антибожественной» с выходом на семиогенезис «божественной духовности»*).

Так, в начале XX века рождается система художественной сюжетизации «зеркальной игры», по которой игрок оказывается сам игрой в руках другого игрока другой «большой игры», как правило, со статусом «онтологической модели мира». Такая акцентация на нравственно-этических константах экзистенциального бытия, лишаящего, как правило, мораль своего ценностного значения и концентрирующего на уровне онтологических модусов *смерть, свобода, страх* и т. д., выдает, на наш взгляд, даже в позднем Андрееве реалиста, стремящегося в недрах «мира как такового» найти человека, не принимающего этот «обезбоженный мир», этот «обезличенный мир» и несущего в него идею Бога о человеческом рае добра и любви – условиях трагического неодинокства. Пусть даже этот человек – Сатана.

Список литературы

- [1] Андреев Л. Дневник Сатаны: inferнальные метаморфозы в изложении русских писателей / сост. В. Шаповалов. Ташкент: Шарк, 1993. 426 с. (Тени Люцифера).
- [2] Ахутин А.В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69.
- [3] Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- [4] Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
- [5] Кребель И.А. Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетейя, 2010. 592 с.
- [6] Моисеев В.И. Онтология живой телесности. Лекция 8. URL: <http://www.neoallunity.ru/lec/lec8.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).
- [7] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 11-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1975. 847 с.
- [8] Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
- [9] Романюха С. Метаморфная модель Зальтмана ZMET – история и суть методологии. 2010. URL: <http://psyfactor.org/lib/zmet.htm> (дата обращения: 26.10.2019).
- [10] Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка: статьи. М.: Сов. писатель, 1965. 301 с.
- [11] Шафранская Э.Ф. Контекстуальная семантика заглавия романа Михаила Шишкина «Взятие Измаила» // *Respectus Philologicus*. 2016. № 30 (35). С. 2–10.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 декабря 2019

Дата принятия к печати: 20 декабря 2019

Для цитирования:

Гарипова Г.Т. Семиогенезис мифа о «новой экзистенции» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-7-16>

Сведения об авторе:

Гарипова Гульчира Талгатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Research article

Semiotic codes of the “new existence” myth in the novel “The Diary of Satan” by L. Andreev

Gulchira T. Garipova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
1 Nikitskaya St, Vladimir, 600000, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the problem of identification of semiotic components of the author's neo-myth about the “humanized Satan” in L. Andreev's novel “The Diary of Satan” in the system of analysis of interdisciplinary metamorphic model by the tools of existential method. The novelty of this research is determined by the analysis of the semiotic component of the concepts of “Man – Satan” in the context of the concept of “living ontolo-

gical corporeality” in the system of interdisciplinary metamorphic model of Zaltman. The object of the research was the linguistic and cultural concepts of “Man – Satan” as the key symbols of the metamorphic model of “humanized Satan”, reflecting the most important categories and settings of the anthropological and religious-philosophical concept of the writer.

Keywords: L. Andreev, semiotics, existentialization, neo-mythologization, ontology of living corporeality, metamorphic model, semantic fluidity

References

- [1] Andreev, L. (1993). *Dnevnik Satany: infernalnye metamorfozy v izlozhenii russkikh pisatelej* [The diary of Satan: infernal metamorphoses in the presentation of Russian writers]. Tashkent: Shark Publ.
- [2] Ahutin, A.V. (1990). Sofija i chjort (Kant pered licom russskoj religioznoj metafiziki) [Sophia and the devil (Kant in the face of Russian religious metaphysics)]. *Voprosy filosofii* [Question of philosophy], (1), 51–69.
- [3] Berdjaev, N. (2008). *Russkaja ideja* [The Russian idea]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ. Retrieved from http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1948.shtml (accessed: 10.12.2019).
- [4] Zamanskaja, V.V. (2002). *Jekzistencialnaja tradicija v russskoj literature XX veka: Dialogi na granicah stoletij* [Existential tradition in Russian literature of the twentieth century: Dialogues on the borders of centuries]: textbook. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ.
- [5] Krebel, I.A. (2010). *Mifopojetika Serebrjanogo veka: Opyt topologicheskoy refleksii* [Mythopoetics of the Silver age: the Experience of topological reflection]. Saint Petersburg: Aletejja Publ.
- [6] Moiseev, V.I. (2019). *Ontologija zhivoj telesnosti* [Ontology of living corporeality]. *Lecton 8*. Retrieved from <http://www.neoallunity.ru/lec/lec8.pdf> (accessed: 10.12.2019).
- [7] Ozhegov, S.I. (1975). *Slovar' russskogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. 11th ed. Moscow: Rus. jaz. Publ..
- [8] Ortega-i-Gasset, H. (1990). Dve velikie metafory [Two great metaphors]. *Teorija metafory* [Metaphor theory] (pp. 68–81). Moscow: Progress Publ.
- [9] Romanjuha, S. (2010). *Metamorfnaja model Zaltmana ZMET – istorija i sut metodologii* [Zaltman's metamorphic model ZMET – the history and essence of the methodology]. Retrieved from <http://psyfactor.org/lib/zmet.htm> (accessed: 26.10.2019).
- [10] Tynjanov, Ju. (1965). *Problema stihotvornogo jazyka* [The problem of poetic language]: Articles. Moscow: Sov. Pisatel Publ.
- [11] Shafranskaja, Je.F. (2016). Kontekstualnaja semantika zaglavija romana Mihaila Shishkina “Vzjatje Izmaila” [Contextual semantics of the title of Mikhail Shishkin's novel “The Taking of Ishmael”]. *Respectus Philologicus*, 30(35), 2–10.

Article history:

Received: 2 December 2019

Revised: 15 December 2019

Accepted: 20 December 2019

For citation:

Garipova, G.T. (2020). Semiotic codes of the “new existence” myth in the novel “The Diary of Satan” by L. Andreev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-7-16>

Bio note:

Gulchira T. Garipova, Doctor of Philosophy (in Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-17-32
УДК 821.161.1

Научная статья

Портрет и пейзаж в публицистической прозе Бориса Зайцева: стиль и этос

М.Б. Абдокова

Общероссийская общественная организация «Союз писателей России»,
региональное отделение Карачаево-Черкесской Республики
Российская Федерация, 369000, Черкесск, Первомайская ул., 49

Research article

Portrait and landscape in Boris Zaitsev's publicistic writings: style and ethos

Marina B. Abdokova

All-Russian Public Organization "Union of Writers of Russia",
Regional Office of the Karachay-Cherkessia Republic
49 Pervomajskaya St, Cherkessk, 369000, Russian Federation

В статье анализируется жанрово-стилевая этимология публицистических текстов (эссе, очерков и критических заметок) выдающегося представителя русского литературного зарубежья XX в. Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972). Стилеобразующие средства выразительности исследуются в контексте изучения этико-философских принципов писателя. В качестве образно-поэтических и жанрово-композиционных слагаемых «изобразительной палитры» художника впервые рассматриваются его портретные и пейзажные зарисовки. Одним из действенных методов постижения стиля и этоса писателя является раскрытие полижанровых подтекстов, отражающих творческое мировидение Б. Зайцева, в котором эстетика тесно сопряжена с метафизикой, а это, в свою очередь, определяет смежно-дисциплинарный инструментарий изучения «литературной живописи», актуализирует параллели с невербальными видами искусства (живопись, музыка). Интертекстуальная феноменология публицистических текстов Б. Зайцева не ограничивается искусной, виртуозно-технической изобразительностью. Природа утонченной предметно-фигуративной «живописи», как следует из проведенного анализа, базируется на духовной созерцательности писателя и отражает редкую для искусства XX столетия гармонию художественного и трансцендентного.

Ключевые слова: Б. Зайцев, стиль, этос, портрет, пейзаж, литературная живопись, публицистика

© Абдокова М.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The article represents genre-style etymology of Boris Konstantinovich Zaitsev (1881–1972) publicistic legacy (that includes essays, profiles and critical notes). Style-forming expressions of this outstanding representative of 20th century Russian literary abroad are analyzed within the context of his ethical and philosophical principles. Zaitsev's portrait and landscape sketches are considered for the first time as figurative-poetic and genre-compositional components of the artist's "visual palette". One of the effective methods of comprehending the style and ethos of the writer is the disclosure of multi-genre subtexts that reflects the creative worldview of B. Zaitsev, in which aesthetics is closely intertwined with metaphysics, and this, in turn, determines the adjacent disciplinary tools for the study of "literary painting", actualizes parallels with non-verbal art forms (painting, music). The intertextual phenomenology of B. Zaitsev's publicistic texts is not limited to the artful, masterly and technical depiction. The nature of refined subject-figurative "painting", as follows from the analysis, is based on the spiritual contemplation of the writer and reflects a rare for the art of the 20th century harmony of the artistic and transcendent.

Keywords: Boris Zaitsev, style, ethos, portrait, landscape, literary painting, publicism

Введение

Бориса Константиновича Зайцева – крупнейшего литературного «летописца» нескольких исторических эпох русского бытия – справедливо называют последним «литературным рыцарем Серебряного века». Художественная проза писателя входит в русский литературный канон как явление общенационального масштаба. И это при том, что основные художественные тексты Зайцева стали доступными на исторической родине через многие годы после смерти писателя. Художник, проживший огромную жизнь, большую ее часть был оторван от страны, в которой родился и сформировался как личность и утонченный мастер слова. При этом именно Россия – с ее историей, искусством, религией – главный *поэтический* образ и неизбывный духовный ориентир Б. Зайцева, который и в преклонении перед «святыми чудесами» европейской культуры оставался глубоко национальным выразителем красоты «мира сего» как предвестия красоты «миров иных». Сохраняя поразительную чистоту стиля (вне эклектических уклонений в манифестарное направление и полистилистику), Зайцев сочетает в своей поэтике магистральные измерения русского литературного космоса, а именно – своеобразный художественный «фабержизм» Л. Толстого и религиозно-национальный этос Ф. Достоевского.

Созерцательно-исповедальный угол зрения, способность смотреть «из времени в вечность» отличают автора «Золотого узора» и «Путешествия Глеба» от многих его выдающихся коллег в русской литературе XX в. В одной из дневниковых записей А. Платонов заметил, что художественное творчество – это «бесконечная радость», «гимн искусства под склонившимися небесами» [1. С. 11]. Согласившись с первым определением, Зайцев вряд ли принял бы второе. Его этос зиждется на том, что «небеса», горний мир – это не мечта о «земном рае», а средоточие абсолютной Истины, в постижении которой и заключается смысл искусства.

Обладая ярким даром словесного «живописания», Зайцев не удовлетворяется виртуозно выполненными литературными пленэрами и безукоризнен-

ными фотографическими копиями. Его интересовали не столько предметы окружающего мира (в своей самодостаточной замкнутости), а их таинственные сопряжения, одновременно схваченные взыскательным зрением и слухом, тактильным, едва ли не кинетическим по своей осязательности восприятием. Так резонируют отдельные тона в многомерной цветовой палитре и обертональные отражения звуков в живой природе. В многочисленных пейзажных зарисовках и целой галерее выдающихся литературных портретов Зайцева (книги о Чехове, Тургеневе, Жуковском и др.) привлекает не только филигранная нюансировка рисунка и своеобразно мягкая «живописная лесировка», но легко узнаваемый *угол зрения* художника: хорошо известные энциклопедические факты, документально-хронографический материал, даже «неподвижная» вещность материального мира – все это трансформируется, одухотворяется, обрастает подлинно поэтической судьбой.

Лишь в последние годы отечественный читатель получил возможность познакомиться с грандиозным по объему литературно-публицистическим наследием Б. Зайцева. Было бы преувеличением отнести большинство критических работ писателя к строго научной литературоведческой аналитике. По преимуществу это короткие, иногда «телеграфно сжатые» эссе, в которых автор делится своим пониманием *поэтической тайнописи*, даже если речь идет о проблемах, далеких от искусства и литературы. Для понимания стиля и этоса писателя многие публицистические заметки представляют ценность, так как содержат в себе эскизные проекции крупных (в том числе беллетристических) работ и нередко дополняют, своеобразно расширяют образно-содержательное пространство масштабных мемуарных композиций.

Очень редко в критической публицистике предмет исследования как бы сливается, гармонично соединяется с самим анализом. В жанре литературного портретирования Зайцев безусловный новатор; его сверхзадача – преодоление естественных (время, пространство, география) границ между «портретистом» и «портретируемым». Неслучайно в диалоге с Н. Городецкой писатель замечает: «Надо, чтобы тот, о ком пишешь, стал в некотором роде своим человеком. Чтобы его судьба стала почти вашей, вашим личным делом, чтобы для вас внутренне стало важно, как у него разрешится тот или иной вопрос... Творчество становится понятнее, если знаешь жизнь автора. *Но и жизни его не постигнешь, если пренебречь творчеством*» (курсив наш. – М.А.) [2. С. 550–551].

Обсуждение

Даже беглый обзор внушительного публицистического наследия писателя позволяет вычлнить в качестве неких жанрово-стилевых констант своеобразные формы литературного портрета и пейзажа. Недостаточно объяснить этот феномен лишь тем, что автор, как уже говорилось, обладал неординарным изобразительным даром. Изображаемое для него – не цель и средство, а исходная, «атомарная» точка в постижении целостной картины мироздания. В этом смысле Зайцев не только и не столько «изображает», сколько *преображает*. Читатель видит «предмет» анализа через призму духовного созерцания критика и благодаря этому открывает в нем свойства

поэтической первозданности, проникает в его скрытую (онтологическую) сущность. По мысли С. Дурылина, «искусство живописи, в величайших своих достижениях, есть *тайна видения*» [3. С. 617]. Правда и в том, что художник *видит* не только то, что случайно является ему в зримых очертаниях окружающего мира, но – и это отличает избранных – то, что он *желает* увидеть.

Вот лишь несколько примеров портретного живописания, в которых «предметное узнавание» внешнего образа достигается посредством воссоздания надматериального измерения, в котором «вещное» модулирует в бытийное, а художественный мир тесно сопряжен с трансцендентным. Не используя средства внешней (декоративной) описательности, Зайцев реконструирует духовно-исторический континуум, в котором знакомые черты оживают и открываются в многомерности своего «необщего выраженья». Короткое эссе «Пушкин (перечитывая его)» – в плане передачи того, что условно можно назвать «эмблематикой пушкинского образа», сообщает читателю не меньше, чем живописные полотна Кипренского и Тропинина. Предваряя цитату из «Моцарта и Сальери», Зайцев замечает: «Пушкин не был ни мистиком, ни мечтателем, наоборот, это страстно-жизненная натура, но в искусстве своем обладал он волшебством одухотворения, “поднятия” и просветления (а значит, было это и в нем самом). Вот этот дух стройности и дает радость – бездумную. Почерк без нажима, быстрый, суховатый, рисующий всегда как будто силуэт, это и есть Пушкин» [4. С. 240]. В этом «контурном» живописании замечательны не только афористичные эпитеты и, собственно, содержательный смысл наблюдений, но и *высокая скорость* (подвижность), с которой разворачивается «словесный рисунок». Порывистость, внутренние цезуры и характерный (беглый) тип движения – все это делает портретный набросок Зайцева необыкновенно рельефным.

Совершенно иной тип реконструкции «портретного интерьера» используется в эссе «Смерть Тургенева», которое – и автор, судя по всему, рассчитывает на возможность такой метаморфозы в восприятии читателя – можно было бы озаглавить «Тургенев и Смерть». Примечателен один из ключевых эпизодов композиции, которую в целом, без страха впасть в жанрово-стилистическое преувеличение, можно назвать «маленьким реквиемом»: «...Петрарка, верующий человек, всегда мучился страхом смерти. Он о ней думал ежедневно, и ложась спать, ложился как бы в гроб. *Тургенев* (курсив наш. – М.А.) *не был верующим (и считал это своим несчастьем), но с Петраркой имел много общего – между прочим, и в чувстве смерти*» [5. С. 264]. В этом «двойном портрете» духовный образ Тургенева – писателя, оказавшего огромное воздействие на художественное становление Зайцева, – дается отнюдь не «на фоне» случайно выбранной исторической фигуры. Само сопряжение этих имен говорит о многом. Пространственно-перспективный объем «палитры» (Петрарка – Тургенев) почти неизмерим. Собственно, в этой (отнюдь не хронографической или национально-географической) неизмеримости Зайцев находит ключ к постижению духовного образа автора «Первой любви», который, не будучи очерченным явственно, как бы проступает из перспективной глубины «картины» (сиречь: литературного Бытия).

В огромной литературе, посвященной А. Блоку, немало значительных, ярких, весьма подробных описаний его жизни, характера, внешнего облика. При этом зачастую даже в самых детализированных «портретах» ускользает самое главное – трагическая обреченность, которую поэт разделил со своей отчизной. Зайцев не единожды подступает к осмыслению этого почти неуловимого, едва ли не самого таинственного образа-явления в истории русской литературы. Размышляя о судьбе поэта в мемуарном очерке, посвященном десятилетию со дня его кончины, он пишет: «Блока никто не убивал на дуэли, как полагалось для русских поэтов прошлого века. Он умер (правда, в тяжких физических мучениях) у себя на постели. Умер сравнительно молодым, но уже совершенно разбитым духовно. Оставлял жизнь не победителем, а побежденным. *Судьба его очень значительна и сурова* (курсив наш. – М.А.). Блок один из трагических обликов русской литературы, и сейчас почему-то (вне сравнения дарований, значения) вспоминается мне рядом с ним Гоголь, его томления последних лет, страшные видения... Жил среди видений – иногда прельстительных, иногда ужасных – и Блок. Что-то пытался в них угадать, что-то полюбить, что-то принять за Истину, – но не удалось. Некие черные волны его залили. – *Мир душе его*» [6. С. 374]. Общая тональность размышлений автора, выражаясь языком музыкальной терминологии, – «густоминорна». Есть нечто сумеречно-рембрандтовское в «тональной палитре» Зайцева. Своеобразное сгущение тона нарастает в каждой фразе. Тем ослепительнее вспышка света, озаряющая всю композицию в своеобразном «ныне отпускаеши», в самом конце: «Мир душе его...» Эта неожиданная вспышка света словно высветляет лицо умирающего поэта, открывая в нем лик страждущего человека, уповающего на Истину и покой, превращая «приговор» в молитву. «Лик есть осуществленное в лице подобие Божие», – писал священник П. Флоренский [7. С. 23]. Нет никаких сомнений, что Зайцев, прибегая к своеобразной живописно-«люминесцентной» метафизике в завершении очерка, высветляет черты именно *этого* подобия.

Жанр короткой журнальной заметки ничуть не сдерживал писателя во всем, что касается выразительных средств. Напротив, как и в крупных биографических композициях, он комбинирует самые разнообразные «живописные техники», уподобляя повествовательный тон различным – соответствующим духу изображаемого – способам фиксации «живой природы». Так, есть что-то абрисно-графическое, монохромно аскетичное в ярком «панегирике» шахматисту Александру Алехину. Строфика текста, композиционный строй эссе напоминают партию-блиц, но главное «живописное» достоинство небольшого журнального опуса заключается в феноменальной сжатости, предельной конденсации образно-тональной палитры. Афористичность доводится до предела содержательной насыщенности и экспрессии. Многие, кому приходилось читать весьма объемные жизнеописания великого русского гроссмейстера, обнаружат в «афоризмах» Зайцева не только удивительные по многомерности наброски его внешнего облика, но и портрет его судьбы. Короткая реплика – «*Алехин принадлежит к племени русских конквистадоров времен революции*» [8. С. 439] – говорит о герое повествования больше, чем некоторые биографии. В «шахматном» эссе в качестве основного живопис-

но-изобразительного тона доминирует не восторженность, как может показаться на первый взгляд, а эйфория. Благодаря этой эмоциональной «текстуре» в портрете-приношении запечатлевается одно из главных свойств Алехина-шахматиста и Алехина-личности – способность неординарно мыслить и при этом осознанно рисковать, его рыцарское благородство.

Портретная галерея Б. Зайцева необъятна по своему персональному составу. Потребовалось бы специальное исследование, чтобы рассмотреть все «типажи» и систематизировать используемый писателем художественный инструментарий. Не ставя такой цели, можно все же обозначить некоторые важные свойства «малой» портретной живописи писателя, что поможет в будущем обосновать целостное, морфологически обусловленное представление о его живописно-изобразительной поэтике. При всем, что отличает «портретных» героев Зайцева, который всегда чуток в передаче стиливых особенностей самих первообразов, все они предстают как персонажи интимных, исповедальных диалогов с автором. Это касается и тех лиц, с которыми писатель общался непосредственно, и тех, кого он открывал для себя, постигая культуру, историю, искусство разных эпох, стран, эстетических направлений. Пушкин и Лесков, Данте и Петрарка, Тургенев и Достоевский оживают как современники читателя наряду с Буниным и Алдановым, Ремизовым и Замятиным, Рахманиновым и Пастернаком. Нет никаких сомнений, что Б. Зайцев, будучи глубоко верующим человеком, хорошо знал традицию религиозной «житийной литературы», и она нашла своеобразный отклик в большинстве его биографических, «портретных» работ. В этой традиции писателя интересовали не только и не столько агиографический и вероучительный аспекты, но – и это имеет определяющее значение – процесс таинственного перехода от «жизни в миру» к бытию вне линейного измерения с его «разделительными» границами – датами, вехами, периодами и т. д. Отблески горнего мира видит и чувствует лишь тот, кто верит в него и ищет его даже там, где обыденному взору предстает лишь прозаическая повседневность жизни. Зайцев – с его утонченно эстетической и в то же время обостренно *духовной* постановкой глаза и слуха – и в «прозе жизни» обнаруживает поэзию.

Восхитительные по своей импрессионистической тонкости «ПЛЕНЭРЫ» Б. Зайцева не имеют ничего общего с натурофилософским обожествлением природы. Здесь, как и в портретных зарисовках, действует закон духовного созерцания, позволяющий видеть то, что ускользает даже от очень взыскательного взгляда. «Дивясь божественным природы красотам»¹, писатель акцентирует внимание не на «ярких картинках», не на природных стихиях в их величии и силе, а на духовно-эмблематических образах окружающего мира, данных человеку как напоминание об утраченном Рае. Только этим можно объяснить то, что картины природы даже в публицистических повествованиях Зайцева никогда не «замкнуты на себе». Они как бы *высветляют* пространство, в котором душа обретает свойство чувствовать то, что обычно скрыто и невидимо. Очевиден религиозно-эсхатологический подтекст подобного метода чувствования, базирующийся на твердом убеждении в том, что «реальность материи не менее фантастична, чем реальность духа» [9. С. 21].

¹ «Из Пиндемонти» А.С. Пушкина.

Натурные очерки Зайцева трудно использовать в качестве путевых «Бедкеров». Предметная фактология в них присутствует, но не является сколько-нибудь самоценной. Писатель не препарировывает, а созерцает скрытую реальность «говорящих» и в его духовном восприятии – неизменно-вечных ландшафтов. В этом смысле весьма примечательны короткие очерки, посвященные Италии и Финляндии. «Для многих из моего поколения, – пишет Зайцев, – Италия не просто страна: “лучший мир”, куда можно уйти от серости, обыденности или ужаса» [10. С. 187]. Показателен финал небольшого очерка «Страна св. Франциска»: «Хорошо жить в Ассизи. Смерть грозна и страшна везде для человека, но в Ассизи принимает очертания особые – как бы радужной арки в Вечность...» [11. С. 186]. Этому, едва ли не стихотворному по своей пластике, завершению очерка предшествует неторопливый, своеобразно «приглушенный», «тихий» рассказ странника-художника. В самом типе развертывания рассказа передается характерность «молчаливого ландшафта», его бытийная тишина.

«Не видать. Влево низкая кайма берега, темно-синеющие леса. А впереди, вдалеке на горизонте льдисто-серебряная, узенькая полоска моря, да над ней белыми завитками и клубами фантастические облака. Север! Вот куда мы заплыли...» [12. С. 207] – так открывается экспозиция очерка «Финляндия. К родным краям», который по богатству красок и образов стоит в одном ряду с описаниями Левитана и Рахманинова. Сравнение с живописью и музыкой неслучайно. Звук и краска, рисунок и мелодия – основные выразительные средства палитры Зайцева. Архитектоника очерка сродни небольшим живописным эскизам, выполненным за один сеанс, и в еще большей степени воплощает композиционное пространство музыкально-«прелюдийного» характера. В своем архитектурном чувстве Зайцев близок Рахманинову, который в сочинениях малой формы – «Прелюдиях», «Этюдах-картинах», «Музыкальных моментах» – добивается подлинно стихотворной ритмопластики. Грани между поэзией, музыкой и живописью здесь как бы стираются.

Пейзажное воплощение картин Русского Севера в микроскопическом по масштабам и неизмеримом по образной поэтике очерке «Валаам» резонирует не только величественные картины природы: «На бурной и дикой Ладоге, в северной ее части, небольшой остров. Гранит и луда его образуют. По каменным этим породам, Бог весть когда созданным, тонкий слой земли – как бы осадок вековой пыли. На нем выросли чудесные леса...» [13. С. 212]. Не опрощая повествование грубым стилизаторством, Зайцев говорит о валаамской природе на языке, который вобрал в себя силу, удивительный, по особому сдержанный и узнаваемый в своем *аскетичном рисунке* «орнаментализм» северных сказов. Характерная фразировка, «тяжесть» отдельных слов и в целом – неординарная акцентуация «строфического» (как бы стихотворно размеренного) повествования не оставляют в этом сомнений. Г. Адамович писал, что «тайна писательства заключается в ощущении *веса слова* (курсив наш. – М.А.). Не только в составлении фразы, где тяжесть имеет огромное значение и при одаренности пишущего интонационно приходится туда, где требует поддержки смысл. Не только в умении согласовать это распределение веса с видимо-естественным течением речи. Но еще и в том, больше

всего в том, что *слово падает* на точно предчувствуемом (нельзя сказать – отмеренном) расстоянии, не давая ни перелета, ни недолета, описывая ту кривую, которая ему предназначена...» [14. С. 202].

Сказочный колорит северных пейзажей Зайцева, как уже говорилось, далек от стилевых имитаций. Но есть все основания полагать, что, живописуя картины северорусской природы, автор включил в свои пейзажи (как некую духовно осязаемую натуру) дух народного языка, воспринимаемого в качестве органичной части сурового и величественного ландшафта. Если народ (в самых сокровенных религиозно-поэтических ощущениях окружающего мира) – это всегда «гений места», то профессиональный художник, в разумении Б. Зайцева, совершает грубую ошибку, игнорируя этот опыт или механически инсталлируя его.

Заключение

Как справедливо отмечает Ф. Степун, «для стиля Зайцева характерен задумчивый, подернутый грустью лиризм. <...> Печаль его светла...» [15. С. 182]. Добавим, что это не имманентное свойство сугубо психологической этимологии. Писатель объясняет характер своего мировидения в короткой максиме: «Доброта – голос Бога, говорящего через человека...» [16. С. 463]. В светлом лиризме Зайцева почти отсутствуют сентиментальные, меланхолические ноты. Медитативность, на которую обращают внимание многие критики, позволяет писателю как бы отстраняться от изображаемого, быть «в тени» собственного произведения. С особенной отчетливостью это проявляется в пейзажных зарисовках, приближающих, как бы возвращающих писателя к истокам его души – к Родине.

Поэтика изобразительности в русской литературе не сводится к сугубо ремесленной проблематике. В большей степени это сфера сопряжения эстетики и метафизики. Осмысление жанрово-стилевых подтекстов публицистической прозы Б. Зайцева, лишь намеченное в современном литературоведении, может способствовать объяснению феномена уникальной жизнестойкости русской литературы, которая по слову Ф. Степуна не определима «в своих лучших достижениях кантовской формулой “целесообразности без цели”. Целью русского искусства всегда было усовершенствование жизни...» [17. С. 63]. Стиль и этос литературной живописи Б. Зайцева всецело подчинен этой сверхидее.

ENG

Introduction

It is truly said that Boris Konstantinovich Zaitsev – the largest literary chronicler of the several Russian history eras – is the latest knight of Silver age. The prose written by this master is a significant part of the Russian literary canon and is a world scale phenomenon. Meanwhile Zaitsev's basic texts became available in Russia only many years later after his death. He who lived a long life, most part of it being cut off from his native land, where he was born and formed as a person and as a refined master of word art.

Hereat Russia – and exactly Russia with its history, art and religion is the main *poetical* character and Zaitsev's constant spiritual guide. Even in his worship of “saint miracles” of European culture he remained deeply nationally coloured representative of this world beauty (realised like other realms' beauty). Zaitsev in his poetics combines two main Russian ontological literary lines: Fabergé-like L. Tolstoy style and religious ethos of Dostoyevsky. But also he retains a phenomenal purity and clarity of his own style, not deviating eclectically into declarative “-isms” or empty polystylistics.

The author of “Golden Tracery” and “Gleb's Travel” differs from many of his eminent colleagues in the Russian 20th century literature with his meditatively confessional point of view and ability to see “from here and now to eternity”. A. Platonov noticed in one of his diary lines: “Creative work is endless joy and a hymn to art unto the canted Heaven” [1. P. 11].

Agreeing with the first definition, it is unlikely that Zaitsev could accept the second. His ethos is built upon the statement that Heaven, the divine world is not a dream of “earthly Paradise”, but the focus of Absolute, and to perceive it is the point of art.

Having the bright dowry of word “painting”, Zaitsev is not pleased by virtuously made literary plenaries or immaculate photo-like copies. He was more interested in mystical conjugations, momentarily grasped both by eye and ear, having tactile, even kinetic perception, rather than things of the outer world (in their all-sufficient restraint). So separate tones in multidimensional palette and overtone reflections in the living nature resonate with each other. In numerous landscape sketches and in the full gallery of Zaitsev's outstanding literary portraits one can be attracted not only by filigreed subtlety of drawing and peculiar soft picturesque glazing, but also by the easily identifiable point of view of this master: well-known encyclopedic facts, documentary-chorographical material and rather this motionless and “thingish” world: all is transformed, spiritualized and acquires its poetical destiny.

The Russian reader has had an opportunity to become familiar with literary publicistic legacy of Zaitsev, which is immense in its size, just in two last decades. It will be a great exaggeration to attribute the most part of Zaitsev's critical writings to the rank of strict scientific literary analytics. Most of all we have short, telegram-like essays, where the author shares his understanding of *poetical cryptography*, even if he deals with problems far from art and literature.

Numerous publicistic notes of the writer have a great value for understanding his style and ethos because they are often sketch projections of his major (even belletristic) works and they also complete and extend figurative and meaningful space of Zaitsev's large-scaled memoir compositions.

It is rarely met in critical publicistics that the subject of the research is harmonically incorporated with the analysis itself. Zaitsev certainly is a pioneer in literary portrait genre; his most important task is to overcome natural borders (time, space, location) between the portraitist and his subject. It is not a coincidence that he says in his conversation with N. Gorodetskaya: “One needs that the person whom you are writing about has become familiar and native to you in some way.

Their fate should become your fate, your individual case. Their every problem and its solution should become inwardly important for you... Oeuvre gets clearer for you if you know the author's life. *But you cannot conceive even his life without his works*" [2. Pp. 550–551].

Discussion

Even an overview on the vast publicistic legacy by the writer allows distinguishing the peculiar literary portrait and landscape forms as a sort of genre and style constants. It is insufficiently to explicate this phenomenon by the unordinary figurative dowry of Zaitsev. The thing which he describes is not an objective or an instrument for him, but the initial point in comprehension of the integral creation's picture. In this sense Zaitsev does not figure the object, but *transfigure* it. This object is seen through the critic's spiritual contemplation prism, and, due to it, a reader discovers the features of the work's poetical primeval constituent and penetrate into its latent ontological essence. On Durylin's thought, "the art of painting in its greatest achievements is a mystery of seeing". The truth is that an artist *sees* not only these things which are presented to him accidentally in visible lines. But – and it is honor of the chosen – the artist sees that *he wishes he saw*.

Here are only a few examples of the pictorial portraiture in which the recognition of an outer image is reached by the remaking of the sub-material dimension, which "thingish" part modulates to the ontological one and the world of art is tightly connected with the transcendental world. Zaitsev do not use the means of the outer (decorative) pictorial art, but he reconstructs the spiritual-historical continuum in which the familiar features are making themselves alive and open the multidimensionality of their "uncommon countenance". The brief essay "Pushkin (Rereading Him)" – in respect of the communication by the great poet an image emblematic – tells to the reader nevertheless than the pictures by Kiprensky and Tropinin. Predicting the quotation from "Mozart and Salieri" Zaitsev notes: "Pushkin was not a mystic or a dreamer; on the contrary, he is a passionate life nature. But in his art he had the wonder of vivification, consolation and clarification (so it was in himself). It is this spirit of harmony that gives joy – thoughtless. The manner of writing without pressure, fast, dry, always drawing as if a silhouette, this is Pushkin" [4. P. 240]. In this "contour" painting, not only the aphoristic epithets and, in fact, the substantive meanings of observations are remarkable, but also the high mobility with which the "verbal drawing" unfolds. Impetuosity, internal censorship and characteristic (white) type of movement – all this makes the portrait sketch by Zaitsev unusually embossed.

A completely different type of reconstruction of the "portrait interior" is used in the essay "The Death of Turgenev", which – and the author seems to be counting on the possibility of such a metamorphosis in the reader's perception – could be entitled "Turgenev and Death". Noteworthy is one of the key episodes of the composition, which as a whole, without fear of falling into genre-stylistic exaggeration, can be called a "little Requiem": "...Petrarch, a religious man, always suffered from the fear of death. He thought about it every day, and when he went to bed, he lay down as if in a coffin. *Turgenev* (our italics. – *M.A.*) *was not a believer (and considered it his misfortune), but with Petrarch had much in common*

among other things, and in the sense of death” [5. P. 264]. In this “double portrait” the spiritual image of Turgenev – a writer who had a huge impact on the artistic development of Zaitsev – is given “against the background” of not a randomly selected historical figure. The very pairing of these names speaks volumes. The space-perspective volume of the “palette” (Petrarch – Turgenev) is almost immeasurable. Actually, in this (by no means chronographic or national-geographical) immeasurability Zaitsev finds the key to understanding the spiritual image of the author of “First Love”, which, not being clearly outlined, emerges from the perspective of the depth of the “picture” (that is, literary Being).

In the huge literature about A. Blok there are a lot of significant, bright, very detailed descriptions of his life, character and appearance. At the same time, often, even in the most detailed “portraits” escapes the most important thing – the tragic doom that the poet shared with his homeland. Zaitsev has repeatedly approached the understanding of this almost elusive, almost the most mysterious image – a phenomenon in the history of Russian literature. Reflecting on the fate of the poet in a memoir dedicated to the tenth anniversary of his death, he writes: “No one killed Blok in a duel, as was customary for Russian poets of the last century. He died (though in severe physical agony) in his bed. Died relatively young, but already completely broken spiritually. Leaving life not victorious, but defeated. *His fate is very significant and severe* (our italics. – M.A.). *Blok is one of the tragic images of Russian literature*, and now for some reason (beyond comparison of talents and meaning) I remember next to him Gogol, his longings of last years, terrible visions... Blok also lived among visions – sometimes seductive, sometimes terrible. He tried to guess something in them, to love something, to accept something as the Truth – but he failed. Some black waves flooded him. *Peace to his soul*” [6. P. 374]. The general tone of the author's thinking, in the language of musical terminology is “in deep minor key”. There is something twilight Rembrandt-like in Zaitsev's “tonal palette”. A peculiar thickening of the tone increases in each phrase. The brighter the flash of light becomes, illuminating the entire composition like peculiar “Nunc dimittis” at the very end of “Peace to his soul...” This unexpected flash of light seems to illuminate the face of the dying poet, revealing in it *the image* of a suffering man who hopes for Truth and peace, turning the “sentence” into a prayer. “The image is the likeness of God realized in the face”, wrote the priest P. Florensky [7. P. 23]. There is no doubt that Zaitsev, resorting to a kind of picturesque-“luminescent” metaphysics at the end of the essay, highlights the features of *this* similarity.

The genre of a short magazine article did not hold the writer back in all that concerns expressive means. On the contrary, as in his major biographical compositions, he combines a wide variety of “pictorial techniques”, likening the narrative tone to different – corresponding to the spirit of the depicted – ways of fixing the “living nature”. So, there is something outline-graphic, monochrome austere in the bright “eulogy” to chess player Alexander Alekhine. The stanzaical form of the text and the compositional structure of the essay resemble a blitz party, but the main “pictorial” advantage of a small magazine opus is the phenomenal compactness, the ultimate condensation of the figurative-tonal palette. Aphoristic style of writing is brought to the limit of content intensity and expression. Many who

have read the very voluminous great Russian grandmaster's biographies, will find in the "aphorisms" by Zaitsev not only amazing multidimensional sketches of his appearance, but also a portrait of his fate. Short remark – "*Alekhine belongs to the tribe of Russian conquistadors from the time of the revolution*" [8. P. 439] – says more about the hero of the story than some biographies. The "chess" essay – as the main pictorial tone – is dominated not by enthusiasm, as it may seem at first glance, but by euphoria. Thanks to this emotional "texture", the portrait-offering captures one of the main features of Alekhine-chess player and Alekhine-personality – the ability to think extraordinary and at the same time consciously take risks, and also his chivalrous nobility.

The portrait gallery of B. Zaitsev is immense in its personal composition. It would require a special study to consider all the "types" and systematize the writer's artistic tools. Without setting such a goal, it is possible, nevertheless, to identify some important properties of the "small" portrait painting of the writer, which will help in the future to justify a holistic, morphologically conditioned idea of his pictorial and pictorial poetics. For all that distinguishes the "portrait" characters of Zaitsev, who is always sensitive in the transfer of stylistic features of the prototypes themselves, they all appear as characters of intimate, confessional dialogues with the author. This also applies to those persons with whom the writer communicated directly and those whom he discovered, comprehending the culture, history, art of different eras, countries, aesthetic trends. Pushkin and Leskov, Dante and Petrarch, Turgenev and Dostoevsky come to life as contemporaries of the reader along with Bunin and Aldanov, Remizov and Zamyatin, Rachmaninoff and Pasternak. There is no doubt that B. Zaitsev, being a deeply religious man, was well aware of the tradition of religious "hagiography literature" and it found a peculiar response in most of his biographical, "portrait" works. In this tradition, the writer was interested not only and not so much in the hagiographic and doctrinal aspects, but – and this is of crucial importance – the process of the mysterious transition from "life in the world" to being outside the linear dimension with its "dividing" boundaries-dates, milestones, periods, etc. The glimpses of the heavenly world are seen and felt only by those who believe in it and seek it even where the ordinary eye sees only the prosaic everyday life. Zaitsev – with his refined aesthetic and at the same time sharpened *spiritual* setting of the eye and ear – and in the "prose of life" finds poetry.

Admirable in its impressionistic subtlety, B. Zaitsev's "plein air" sketches has nothing to do with the natural-philosophical deification of nature. Here, as in portrait essays, there is a law of spiritual contemplation that allows you to see what escapes even the most discerning eye. "Marveling at the divine beauty of nature"¹, the writer focuses not on "bright pictures", not on the natural elements in their greatness and power, but on the spiritual and emblematic images of the surrounding world, given to man as a reminder of the lost Paradise. Only this can explain the fact that the pictures of nature, even in the publicistic narratives of Zaitsev are never "closed on themselves". They seem to *illuminate* the space in which the soul acquires the property of feeling what is usually hidden and invisible. The religious-eschatological implication of this method of feeling is obvious,

¹ "From Pindemonti" by A.S. Pushkin.

based on the firm belief that “the reality of matter is no less fantastic than the reality of spirit” [9. P. 21].

It is difficult to use Zaitsev's nature essays as travel “Baedekers”. Objective fact is present in them, but it is not of any value in itself. The writer does not dissect, but contemplates the hidden reality of the “speakers” and in his spiritual perception – the everlasting landscapes. In this sense, the short essays on Italy and Finland are very remarkable. “For many of my generation”, writes Zaitsev, “Italy is not just a country: a “better world” where you can escape from the dullness, routine or horror” [10. P. 187]. The finale of the short essay “The Country of St. Francis” is significant: “It is Good to live in Assisi. Death is terrible, and terrible everywhere for a person, but in Assisi it takes the shape of a special-like a rainbow arch into Eternity...” [11. P. 186]. This, almost poetic in its plastic completion of the essay, is preceded by a leisurely, peculiar “muted”, “quiet” story of the wanderer-artist. The very type of unfolding of this story conveys the character of the “silent landscape”, its existential silence.

“One can't see anything. To the left is a low border of the coast, dark-blue forests. And ahead, in the distance, on the horizon, an icy-silver, narrow strip of sea and above it white curls and clouds fantastic. North! That's where we sailed...” [12. P. 207] – thus opens the exposition of the essay “Finland. To the Native Land”, which is rich in colors and images, is on a par with the opuses of Levitan and Rachmaninoff. The comparison with painting and music is not accidental. Sound and paint, drawing and melody are the main expressive means of Zaitsev's palette. The architectonics of the essay are akin to small pictorial sketches made in one session and even more embody the compositional space of a musical “prelude” character. In his architectonic sense, Zaitsev is close to Rachmaninoff, who in works of small form – “Preludes”, “Etudes-paintings”, “Musical moments” – achieves a truly poetic rhythmoplasty. The lines between poetry, music and painting are blurred here.

The landscape embodiment of the paintings of the Russian North in the microscopic scale and immeasurable figurative poetics essay “Valaam” resonates not only the majestic pictures of nature: “On the stormy and wild Ladoga, in the Northern part of it, is a small island. Granite and mica forms it. On these stone rocks, God knows when created, is a thin layer of earth – like a sediment of age-old dust. On it grew wonderful forests...” [13. P. 212]. Not simplifying narrative by rough stylization, Zaitsev speaks about Valaam nature in a language that has absorbed the power, amazing, especially restrained and recognizable in his *ascetic drawing* “ornamentalism” of Northern tales. The characteristic phrasing, the “heaviness” of individual words and, in general, the extraordinary accentuation of the “strophic” (as if measured in verse) narrative leave no doubt about this. G. Adamovich wrote that “the secret of writing lies in the feeling of *the weight of the word* (our italics. – M.A.). Not only in the composition of the phrase, where the weight is of great importance and, with the talent of the writer, intonationally is necessary where the meaning requires support. Not only in the ability to reconcile this weight distribution with the apparently natural flow of speech. But also in most that *the word falls* on the exactly-anticipated (not to say measured) distance, giving no more, no less, describing that curve, which he intended...” [14. P. 202].

The “skaz” color of the Northern landscapes of Zaitsev, as already mentioned, is far from stylistic imitations. But there is every reason to believe that painting pictures of North Russian nature, the author included in his landscapes (as a kind of spiritually tangible nature) the spirit of the national language, perceived as an organic part of the harsh and majestic landscape. If the people (in the most intimate religious and poetic feelings of the surrounding world) are always the “genius of the place”, then the professional artist, in the mind of B. Zaitsev, makes a gross mistake by ignoring this experience or mechanically installing it.

Conclusion

As F. Stepun rightly notes, “Zaitsev's style is characterized by a pensive, sad-veiled lyricism. < ... > His sadness is bright...” [15. P. 182]. Let us add that this is not an immanent property of purely psychological etymology. The writer explains the nature of his worldview in a short maxim: “Kindness is the voice of God speaking through man...” [16. P. 463]. In light lyricism of Zaitsev there are almost no sentimental and melancholic notes. Meditativeness, which many critics pay attention to, allows the writer to withdraw from the portrayed, to be “in the shadow” of his own work. This is especially evident in the landscape sketches that bring the writer closer, as if returning to the origins of his soul – to the Homeland.

The poetics of pictorial art in Russian literature is not limited to purely craft problems. To a greater extent, this is the sphere of combining aesthetics and metaphysics. The comprehension of genre and style subtexts of B. Zaitsev's publicistic prose, only outlined in modern literary criticism, can contribute to the explanation of the phenomenon of the unique vitality of Russian literature, which according to F. Stepun is not defined “in its best achievements by Kant's formula ‘expediency without purpose’. The goal of Russian art has always been to improve life...” [17. P. 63]. The style and ethos of literary painting by B. Zaitsev is entirely subordinate to this super idea.

Список литературы

- [1] *Платонов А.* Об искусстве // Фабрика литературы: литературная критика, публицистика. М.: Время, 2011. 720 с.
- [2] *Зайцев Б.Н.* Городецкая в гостях у Б.К. Зайцева // *Отблески вечного*. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [3] *Дурылин С.* Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
- [4] *Зайцев Б.* Пушкин (перечитывая его). // *Зайцев Б.* *Отблески вечного*. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [5] *Зайцев Б.* Смерть Тургенева // *Зайцев Б.* *Отблески вечного*. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [6] *Зайцев Б.* Александр Блок (к десятилетию смерти – из воспоминаний) // *Зайцев Б.* *Отблески вечного*. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [7] *Флоренский П., священник.* История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017. 623 с.
- [8] *Зайцев Б.* Алехину // *Зайцев Б.* *Отблески вечного*. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [9] *Иустин (Попович), преподобный.* Философские пропасти / пер. с серб. М. Яценко; под ред. Е. Якушкиной. М.: Издательские совет РПЦ, 2005. 288 с.

- [10] Зайцев Б. Италия // Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [11] Зайцев Б. Страна св. Франциска // Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [12] Зайцев Б. Финляндия. К родным краям // Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [13] Зайцев Б. Валаам // Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [14] Адамович Г. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 14. Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2016. 624 с.
- [15] Степун Ф. Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию // Степун Ф. Встречи. М.: Аграф, 1998. 256 с.
- [16] Зайцев Б. Наш опыт // Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- [17] Степун Ф. Большевизм и христианская экзистенция: избранные сочинения. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 декабря 2019

Дата принятия к печати: 29 декабря 2019

Для цитирования:

Абдокова М. Портрет и пейзаж в публицистической прозе Бориса Зайцева: стиль и этос // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 17–32. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-17-32>

Сведения об авторе:

Абдокова Марина Борисовна, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Карачаево-Черкесское региональное отделение). E-mail: abdokov-georg@mail.ru

References

- [1] Platonov, A. (2011). Ob iskusstve [On the art]. *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika i publicistika* [Literary factory: Literary criticism and publicism]. Moscow: Vremya Publ.
- [2] Zajcev, B.N. (2018). Gorodeckaya v gostyah u B.K. Zajceva [Gorodeckaya visiting B.K. Zajcev]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [3] Durylin, S. (2014). Stat'i i issledovaniya 1900–1920 godov [1900–1920: articles and studies]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
- [4] Zajcev, B. (2018). Pushkin (perechityvaya ego) [Pushkin (rereading his works)]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [5] Zajcev, B. (2018). Smert' Turgeneva [Death of Turgenev]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [6] Zajcev, B. (2018). Aleksandr Blok (k desyatiletiju smerti – iz vospominanij) [Aleksandr Blok (from the recollections – to the 10th death anniversary)]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [7] Florenskij, P. (2017). *Istoriya i filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ.
- [8] Zajcev, B. (2018). Alekhinu [To Alekhin]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [9] Iustin (Popovich). (2005). *Filosofskie propasti* [Abysses of philosophy]. Moscow: Izdatel'skij sovet RPC Publ.
- [10] Zajcev, B. (2018). Italiya [Italy]. *Otbleski vechnogo* [Reflections of the eternal]. Saint Petersburg: Rostok Publ.

- [11] Zajcev, B. (2018). Strana sv. Franciska [The land of St. Francis]. *Otbleski vechnogo [Reflections of the eternal]*. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [12] Zajcev, B. (2018). Finlyandiya. K rodnym krayam [Finland. To the native land]. *Otbleski vechnogo [Reflections of the eternal]*. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [13] Zajcev, B. (2018). Valaam [Valaam]. *Otbleski vechnogo [Reflections of the eternal]*. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [14] Adamovich, G. (2016). *Sobranie sochinenij: v 18 t. T. 14. Kommentarii (1967). Esseistika 1923–1971 [Complete works: in 18 volumes. Vol. 14. Commentaries (1967). Essays 1923–1971]*. Moscow: Dmitrij Sechin Publ.
- [15] Stepun, F. (1998). Borisu Konstantinovichu Zajcevu – k ego vos'midesyatletiyu [To 80th birthday anniversary of Boris Konstantinovich Zajcev]. *Vstrechi [Meetings]*. Moscow: Agraf Publ.
- [16] Zajcev, B. (2018). Nash opyt [Our experience]. *Otbleski vechnogo [Reflections of the eternal]*. Saint Petersburg: Rostok Publ.
- [17] Stepun, F. (2017). *Bol'shevizm i hristianskaya ekzistenciya: Izbrannye sochineniya [Bolshevism and Christian existence: Selected works]*. Moscow, Saint-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ.

Article history:

Received: 15 December 2019

Revised: 20 December 2019

Accepted: 29 December 2019

For citation:

Abdokova, M.B. (2020). Portrait and landscape in Boris Zaitsev's publicistic writings: Style and ethos. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 17–32. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-17-32>

Bio note:

Marina B. Abdokova, Doctor of Philology, Professor, member of the Union of Writers of Russia (Karachay-Cherkessia Regional Office). E-mail: abdokovgeorg@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45
УДК 821.161.1

Научная статья

Самоидентификация в современной иронической поэзии

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

В статье рассматриваются современные иронические поэтические миниатюры, представляющие собой сложные тексты, в которых можно выделить несколько уровней самопрезентации субъекта. Проанализированы тексты стихотворной афористики и иронической интернет-поэзии. Ключевым приемом построения таких текстов является парадоксальное соположение противоположных положений дел. Эти тексты насыщены аллюзиями. Установлено, что в иронических миниатюрах самоидентификация субъекта носит оценочный характер и связана с констатацией ограниченности человеческих возможностей, критикой абсурдности бытия и несовершенством мироздания.

Ключевые слова: ироническая поэзия, лирическая миниатюра, самопрезентация субъекта, креатив, интернет-поэзия

Введение

Отличительной характеристикой российской современности является поэтический ренессанс. Отсутствие институциональной цензуры привело к тому, что каждый автор может опубликовать в интернете свои стихотворные и прозаические произведения. Пользователи Рунета комментируют эту продукцию, которая находит свою аудиторию и своих критиков. Можно констатировать, что возник новый жанр сетевого дискурса – креатив [3], в рамках которого получило развитие стремление большого числа наших современников выразить свое отношение к миру и себе в художественной форме. Возникновение и развитие креативных текстов в интернете соответствует возрастанию игрового начала в современной коммуникации [2; 6; 7; 9; 11].

Качество этих произведений бывает разным. Как и в прежние времена, преобладают любительские тексты, сопоставимые с записями в альбомах, каракулями на партах, рифмованными опусами в заводских многотиражках и экспромтами на банкетах. Они не претендуют на статус настоящей поэзии, их назначение – вызвать улыбку незнакомого читателя. Заметим, что подобно тому, как ушли в небытие официальные гражданские песни и патетические панегирики, исчезли стихотворения, которые писались опытной рукой

© Карасик В.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

по заказу и по плану. При этом на общем фоне посредственных и неумелых, хотя и искренних, поделок появляются весьма интересные тексты, заслуживающие внимания филологов. Таковы в частности иронические миниатюры, авторы которых вносят определенный вклад в построение современной российской поэтической картины мира.

В основу данной работы положено предположение о том, что поэтическая самоидентификация в иронической поэзии представляет собой явление массовой культуры, которое тяготеет к парадоксам и распадается на определенные типы.

В качестве материала для анализа были взяты современные иронические миниатюры, размещенные в интернете. Эти короткие стихотворения распадаются на определенные виды: по количеству строк – на одностишия, двустишия и четверостишия; по канону оформления – на пирожки (написанные обычно четырехстопным ямбом без знаков препинания и рифмы), порошки, отличающиеся от пирожков усеченной четвертой строкой и наличием рифмы, полупирожки (двустышия), депрессяшки – написанные трехстопным хореем ироничные жизненные наблюдения; по авторству – на стихотворения, стиль автора которых является узнаваемым либо неузнаваемым, подписанные настоящим именем автора либо сетевым псевдонимом – ником; по ориентации на сложившиеся жанры – имитации частушек, лимериков, хокку, античных эпиграмм и др.

Ироническая стихотворная афористика

Ироническая поэзия базируется на солидной традиции в мировой и отечественной литературе. Это авторские шуточные стихотворения, эпиграммы и пародии, с одной стороны, и фольклорные произведения определенных жанров, в частности русские частушки, с другой. В ряде случаев трудно провести четкую грань между юмористическими и ироническими текстами. Назначение таких произведений – выразить мягкую критическую оценку человеческим порокам, нелепым обстоятельствам и несообразности бытия.

Самоидентификация в широком смысле понимается как признание тождественности субъекта самому себе (я есть я) и неизменность субъекта (я тот же, что и был) [1; 4; 5; 8; 12]. Художественная самоидентификация уточняет такую трактовку: в герменевтике традиционно противопоставляются автор, повествователь и персонаж. Заслуживает внимания концепция Р. Бартла, исследователя виртуальной игровой реальности, который противопоставляет такие ипостаси субъекта: игрок, аватар, персонаж и персона [10]. Игрок понимается как реальный субъект, аватар – как знак, замещающий субъекта, персонаж – как знак, наделенный некоторыми качествами субъекта, персона – как субъект, перевоплощенный в мире игры. Можно дополнить эти трактовки противопоставлениями субъекта из мира театра: режиссер, актер, марионетка. Принцип диалогичности, по М.М. Бахтину, требует осмыслить художественного субъекта как неразрывную взаимосвязь себя и Другого. В таком случае самоидентификация разворачивается в тексте как осмысление субъектом отношения участников ситуации к нему (известный тезис о том, что роль короля определяется поведением свиты). Применительно к ирониче-

скому тексту самоидентификация может быть определена как сочетание модусных индикаторов: я-персонаж, поведение которого представляется нелепым, претенциозным, заслуживающим сочувствия и др.; я-повествователь, предлагающий адресату ситуацию, которая достойна мягкой критики; я-автор, оперирующий мотивами, сюжетом и фабулой.

Весьма популярны гарики Игоря Губермана, иронические четверостишия, в которых обычно выражена позиция философа-наблюдателя:

Из лет, надеждами богатых,
навстречу ветру и волне
мы выплываем на фрегатах,
а доплываем – на бревне.

Повествователь показывает ситуацию с узнаваемыми атрибутами: большой корабль в начале пути и оставшееся от него бревно после крушения – в итоге. Стоящий за повествователем автор имитирует высокий стиль элегии, используя стандартные метафоры и контрасты. Читатель понимает, что доплывшему до берега герою гордиться, по-видимому, нечем.

Как молод я был! Как летал я во сне!
В года эти нету возврата.
Какие способности спали во мне!
Проснулись и смылись куда-то.

Элегический стиль первых трех строк контрастирует с резким понижением тональности в заключительной строке. Используя известный прием снижения батос, автор констатирует банальную мысль о невозвратности прошедших лет, иронически изображая приемы построения элегий.

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул
и вышел с омерзением.

В приведенной миниатюре герой показывает двуплановость своего имиджа – для других и для себя. Повествователь использует образ человека, который смотрит в зеркало, сразу же замечая отчетливую систему взглядов в персонаже (набит мировоззрением). Авторское построение этого текста перекликается с психоаналитической ломкой имиджа.

Изведав быстрых дней течение,
я не скрываю опыт мой:
ученье – свет, а неучение –
уменье пользоваться тьмой.

Текст представляет собой развернутую пародию на известную сентенцию «Ученье свет, а неученье тьма». Повествователь показывает, что демонстрация своих знаний может быть неуместной, что эффективным оказывается умение манипулировать теми, кто не обладает знаниями, и что к этим выводам привел его жизненный опыт, обнаруживший уязвимость непреложных истин. Автор формулирует парадоксальный афоризм, который вступает в противоречие с общим мнением.

Интересны иронические наблюдения Владимира Вишневого:

Палач не знает роздыха!..
Но все же, черт возьми,
Работа-то на воздухе,
Работа-то с людьми.

Герой оценивает работу палача как практику утомительной, но приятной и полезной деятельности. В коллективном сознании деятельность палача воспринимается без симпатий. Попытка вызвать к нему сочувствие содержит ироническую интенцию. Эта интенция усиливается последующим объяснением. Повествователь использует штампы «работа на воздухе, работа с людьми». Сравним этот текст с мягким юмором в лирической эпиграмме С.Я. Маршака:

У одного советского министра
Спросила мать, живущая в деревне:
– Ты кем сейчас работаешь, сынок?
Он ей назвал свой пост и учреждение,
Но мать, не успокоившись, спросила:
– А это в помещении, сынок?
– Да, у себя, в служебном кабинете.
– Ах, в помещенье? Ну и хорошо.

Понятно, что для людей, занятых тяжелым трудом в поле, работа в помещении представляется желанным видом деятельности. Автору нужно было привести этот нарратив как идеологический аргумент в пользу общества, в котором выходцы из любой глубинки могли достигнуть высших государственных постов.

Заслуживают внимания ироничные примеры самоидентификации в одностипиях В. Вишневого:

Я ухажу, как минимум, в легенду.
Уговорили, так и быть – стреляйте...
Мы в детстве все недоиграли в прятки...

Повествователь рисует образ героя единственным штрихом, показывая претенциозность, либо абсурдную нелепость поведения, либо смешную несостоятельность своего персонажа.

В ином ключе показаны характеристики героя, повествователя и автора в иронических миниатюрах Леонида Либкинда:

Она была, как все – неповторима.
«Скорей бы в шкаф уже!» – мечтал любовник.
Я честно вам сказал не то, что думал.

Герой характеризует себя как неразборчивого, вызывающего жалость и парадоксально прямолинейного человека, повествователь приводит обстоятельства, в которых оказался персонаж, автор улыбается, показывая нам распространенные качества людей.

Мастером этого жанра является и Наталья Резник:

Хотелось бы чуть-чуть всемирной славы...
Не надо инсценировать раздумья.
Всей правде обо мне прошу не верить.

Повествователь сталкивает противоположные понятия, в результате чего возникает веселый оксюморонный эффект. Найдены точные характеристики поведения некоторых людей (чуть-чуть всемирной славы, инсценировать раздумья, не верить всей правде), одностишия становятся зеркалом, в котором мы видим себя в разных жизненных ситуациях: нам всем свойственна некоторая степень тщеславия, желания продемонстрировать свой интеллект и стремления выглядеть лучше, чем мы есть.

Иронические миниатюры в интернет-поэзии

Обратимся к творчеству авторов, разместивших свои произведения в интернете в жанре «депрессяшки».

я себя сегодня
хорошо веду
но наверно поздно
раз уже в аду
© Sansonnet

Персонаж дает себе двойную оценку – положительную и отрицательную, повествователь иронизирует по поводу того, что время упущено, тема относится к распространенному сожалению о сделанных в жизни ошибках. Автор имитирует детские стихотворения (такова парадигма трехстопного хорей) и доводит содержание до абсурда: бессмысленно вести себя хорошо в аду.

в чем то вы неправы
в чем то я неправ
говорил спокойно
кроликам удав
© Михаил Гаевский

Приведенный нарратив иронически пародирует жанр дискуссии. Признание взаимной неправоты как ход аргументации обычно является приемом, направленным на достижение взаимопонимания. Но персонажами этой ситуации выступают удав и кролики, и мы понимаем, что их беседа завершится плачевно для одной из сторон в диалоге. Автор высмеивает такую аргументацию как лицемерный и в то же время игровой способ сохранения лица. Заслуживает внимания ключевое слово «спокойно».

это кто царевне
написал на лбу
не будите лихо
спящее в гробу
© vsprugis

Характерной особенностью современной иронической поэзии является ее высокая аллюзивность. Спящая в гробу, обычно хрустальном, царевна – персонаж сказок. Главный герой должен разбудить ее своим поцелуем. Но вместо этого он оставляет кощунственную надпись, которая соотносится с речением «Не будите лихо, пока спит тихо». Повествователь показывает, что, проснувшись, царевна принесет много бед герою. Автор же разыгрывает своеобразный спектакль перед читателями, его вопрос является риторическим. Мы понимаем, что таковы современные принцы.

два лингвиста споря
творог иль творог
мордами друг друга
били об порог
© борго

В иронических миниатюрах иногда мы видим аллюзии к профессиональной деятельности представителей разных областей знания. Контраст между тематикой спора (ударением в слове) и поведением спорщиков вызывает улыбку. Повествователь говорит нам о том, что порой мы переходим допустимую грань в спорах о вещах, не заслуживающих столь бурных эмоций. Автор использует снижение как прием достижения юмористического эффекта.

В ряде случаев в депрессиях осмысливаются распространенные стереотипы:

я не улыбаюсь
потому что мне
стыдно быть счастливым
одному в стране
© bublík

Принято считать, что граждане России неулыбчивы. Это справедливо в том плане, что улыбка в нашей стране – это знак не дежурной вежливости, а искреннего расположения к знакомому человеку. Иностранцы могут посчитать отсутствие улыбки признаком агрессивности или депрессии. Такой ошибочный стереотип показан в приведенном четверостишии. Персонаж ведет себя в соответствии с представлениями иностранцев, повествователь показывает нелепость такого понимания положения дел, а автор сталкивает два способа поведения – ощущение счастья и стыда.

Для ироничных миниатюр характерна стилизация. Например:

под водой ракушки
камушки на дне
да еще ванюшка
что перечил мне
© Елена Кузьмина

Лирический настрой в начале четверостишия резко диссонирует с продолжением текста. Мы понимаем, что весьма вероятно расправа героини с неугодным ей возлюбленным. Первые две строки похожи на распространенные приемы построения частушек: упоминание характерных признаков реальности, при этом начало частушки принципиально не связано с ее завершением. Сравним:

Из колодца вода льется,
Пузырится, пенится.
Пусть подруга от тебя
Никуда не денется.

Этот прием часто используется в иронической поэзии:

У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо.
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.
© Игорь Иртенев

Фольклорное начало иронически диссонирует с информацией о наркоманах (колеса – жаргонное наименование таблеток). В цитируемой миниатюре о лежащем на дне Ванюшке обратим внимание на уменьшительную форму имени, глагол «перечить» и союз «что», характерный для фольклорных текстов.

Встречаются аллюзии к Библии:

делай то что должен
тяжко не вздыхай
вон шагают свиньи
бисер доставай
© ЗАК

В этом четверостишии обыгрывается известный фразеологизм из Библии «метать бисер перед свиньями» – тщетно пытаться объяснить что-либо тем, кто не в состоянии нас понять. При этом в начале текста формулируются призывы вести себя должным образом. Но последующее развитие фабулы превращает призыв в иронический комментарий. Персонаж якобы пытается поучать кого-то, затем резко меняет тональность и смысл и высмеивает тщету поучения. Повествователь показывает комизм подобных трансформаций. Обратим внимание на сочетание «шагают свиньи», глагол «шагать» используется применительно к людям. Автор обращает наше внимание на жанр призыва как таковой.

В жанре «порошки» мы сталкиваемся с парадоксальным развитием событий:

я подарю тебе кавычки
поставь их там а хочешь тут
о боже как тебе кавычки
идут
© Кисычев

Знак препинания не может быть подарком. Но герой вживается в разыгрываемую мизансцену, и на наших глазах подарок превращается в нечто вещественное, подобное украшению. Повествователь иронизирует по поводу мироустройства как такового. Автор показывает превращение воображаемого мира в реальность, но сохраняет улыбку наблюдателя, понимающего различие между игрой и реальностью.

Самоидентификация в иронических миниатюрах отражает практику общения в интернете, каждый может выбрать себе логин в качестве имени:

я сократил себя до буквы
оставил только мягкий знак
чтоб ты меня не называла
никак
© estъ

Герой хочет стать незаметным, но повествователь показывает, что такая хитрость невозможна, поскольку для логина годится любой символ.

Некоторые «порошки» носят философский характер:

я не хочу все время падать
как в повторяющемся сне
но что еще мне остается
я снег
© колик

Герой пребывает в двух ипостасях одновременно – это человек, которого преследует постоянное падение во сне, и снег, падающий на землю. Такое расслоение сознания свидетельствует не о его патологическом расщеплении, но о глубоком осмыслении множественности бытия. Можно увидеть в этой миниатюре переключку с известным шедевром древнекитайской литературы о мудреце Чжуанцзы, который не мог понять, то ли ему приснилось, что он стал бабочкой, то ли бабочке снилось, что она стала человеком. Повествователь показывает совмещение планов бытия, автор с улыбкой констатирует парадоксальность мироустройства и иронизирует по поводу стремления прямолинейно мыслящих людей сводить все непонятное к патологии.

В сознании наших современников стирается грань между фантастикой и реальностью:

поднялся сплюнул отряхнулся
и крикнул вязкой темноте
не те пошли армагеддоны
не те
© НиРо

Герой участвует в финальной битве добра со злом, предшествующей концу света согласно Откровению Иоанна. В этой миниатюре мы наблюдаем сплав нескольких планов повествования. Персонаж получает сильный удар, сбивающий его с ног, демонстрирует презрение к противнику (плевок – знак презрения), отряхивается, такова ситуация уличной драки между мальчишками. Вторая строка содержит прямую аллюзию к библейским текстам (*осязаемая тьма* – одна из казней египетских – Исход, 10:21; *Итак, если свет, находящийся в тебе, тьма, то какова же тьма?* – Матф., 6:23). Словосочетание «вязкая темнота» точно передает характеристику той субстанции, с которой борется герой. Его насмешливый выкрик очень интересен. Фраза «*Не те пошли армагеддоны*» соотносима с презрительной обиходной оценкой любых объектов, которые не выдерживают сравнения с тем, что было раньше. Множественное число для обозначения апокалиптической битвы превращает ситуацию в абсурд. Повествователь рисует образ несгибаемого борца, который противостоит вселенским силам зла. Автор же иронически характеризует эти силы зла, которые сравниваются со шпаной из подворотни.

седых детей несло по кругу
на спинах взмыленных кобыл
про них нетрезвый карусельщик
забыл
(анон.)

Автор с грустной иронией создает образ наблюдателя, констатирующего неумолимый бег времени. Повествователь показывает нам детскую карусель, которая на большой скорости безостановочно вертится. Найден запоминающийся образ. Седые дети – это мы, а нетрезвый карусельщик – воплощение судьбы.

Ироническое повествование о себе может носить публицистический характер:

бывало пашешь в переходе
весь день с протянутой рукой
а в это время хулиганы
гвоздем царапают твой джип
© Kurt

Герой попрошайничает, собирая милостыню в подземном городском переходе, это приносит ему большие деньги – у него дорогой автомобиль, и нищий при этом жалуется на хулиганов. Повествователь сталкивает две позиции – нищенство, которое должно вызывать жалость и сочувствие, и богатство, полученное нечестным способом. Автор иронически изображает реалии нашего времени и демонстрирует себя как обличителя несправедливого жизненного устройства.

Вызывают улыбку описание типов людей:

в моей тюрьме сломали стены
охрана мертвая лежит
и кто теперь меня накормит
и кто позволит погулять
© dingo

В качестве героя показан узник, которому хорошо в тюрьме. Повествователь показывает нам психотип раба. Автор напоминает читателям, что свобода не является бесспорной ценностью для определенных людей, и навязывать ее им бессмысленно.

Повествование о себе превращается в символ предельно широкого порядка. Такова следующая миниатюра в жанре «пирожок»:

я кубик рубика покрасил
со всех сторон в зеленый цвет
и как то сразу все сложилось
и успокоилось во мне
© Дарья

Механическая головоломка, изобретенная венгерским инженером Эрне Рубиком, представляет собой, как известно, куб с разноцветными кубиками, которые нужно путем множества поворотов привести в такое состояние, когда их цвета совпадают на стороне большого куба. Это сделать нелегко, и поэтому герой находит радикальное решение проблемы и это его успокаивает, но убивает суть головоломки. Повествователь осуждает людей, которые, пытаются все упростить. Автор иронически демонстрирует нам этот сюжет как символ нашего поведения в разных жизненных ситуациях.

Парадоксальность является ведущим смысловым приемом построения иронических миниатюр:

здесь территория свободы
и если вздумаешь сбежать
мы все равно тебя поймаем
и заново освободим
© jordana

Герой обращается к пленнику с абсурдной угрозой, предупреждая его о невозможности побега. При этом смысл поимки беглеца состоит в том, чтобы выпустить его на волю. Повествователь показывает нам этот перевернутый мир, в котором у человека нет свободы вообще. Перед нами игра кошки

с мышкой, и всем известно, чем такая игра оканчивается. Иронически выдвинуто в сильную позицию патетическое утверждение «Здесь территория свободы». Этот текст напоминает читателю известные лозунги из антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»: «Свобода – это рабство», «Война – это мир», «Незнание – это сила». Автор иронизирует по поводу подобных утверждений о свободе и других ключевых ценностях современной цивилизации.

Заслуживают внимания иронические миниатюры, имитирующие определенные речевые жанры. Таков текст, который иллюстрирует высказывания, именуемые веллеризмами, по имени героя Ч. Диккенса Сэма Веллера (например, «Понятно», *сказал слепой мужчина своей глухой собаке*):

желудок крокодила может
переварить буквально все
сказал смотритель зоопарка
в вольер кидая кирпичи
© Алексей Бойко

Суть веллеризма состоит в контаминации высказывания, которое само по себе не вызывает возражений, с описанием действия, превращающим это высказывание в абсурд. Повествователь конструирует такое развитие событий, автор приводит нас к выводу о нарастающей степени абсурдности бытия. Обратим внимание на то, что подобный прием является ключевым при построении популярных в наше время иконических текстов – демотиваторов, пародирующих призывы к правильному поведению (например, картинка с изображением жареных улиток на сковородке и подписью: «*Не спеши, улитка, ползущая на вершину Фудзи*» – имитируется жанр мудрых японских жизненных поучений).

Некоторые миниатюры представляют собой комментарий к пословице:

илья готовил сани летом
телегу ладил он зимой
так и возился постоянно
кататься он не успевал
©evz29

Обыгрывается известная пословица «Готовь сани летом, а телегу зимой». В качестве персонажа выступает человек, живущий по правилам, повествователь показывает нам ошибочность такого отношения к жизни, призывая тем самым ценить данный момент, автор же иронически улыбается над поучениями как таковыми.

Ироническое переосмысление сюжета может осуществляться с помощью монтажного приема из кинематографии:

я перематываю пленку
вот ты уходишь от меня
вот ты со мной вот наша встреча
вот ты от бабушки ушел
© Tania

Перед нами сказка о Колобке. Героем этого нарратива выступает, по видимому, лиса, которой не удалось полакомиться Колобком. Понятно, что речь идет о неудавшемся романе. Повествователь показывает развитие событий в их обратном варианте. Обратим внимание на распространенное в ин-

тернете неправильное написание слова «ушел», отсылающее нас к «олбанскому языку», намеренному искажению орфографии для юмористического эффекта. Автор иронически комментирует этот сюжет, напоминая нам о том, что порой в основе романтических отношений лежит желание получить кого-либо в собственность.

Преобразование прецедентного текста прослеживается в новом жанре «полупирожки»:

так повелось рожденный ползать
всем объясняет как летать
© Bazzlan

В приведенном тексте иронически комментируется хрестоматийная строка из «Песни о соколе» М. Горького: «Рожденный ползать – летать не может». Повествователь показывает, что жизнь устроена нелогично и несправедливо, автор призывает нас иронически воспринимать такое положение дел: «*Так повелось*». Ответ на вопрос, кто виноват в этом положении дел, мы должны дать себе сами.

Заключение

Ироническая поэтическая миниатюра представляет собой сложный текст, в котором можно выделить несколько уровней самопрезентации субъекта. В тройственной схеме «персонаж – повествователь – автор» противопоставляются типизируемая ситуация, набор приемов выдвижения той или иной идеи и идея произведения. Обобщение человеческих характеров приводит к нейтрализации различия между местоимениями «я» и «мы» в лирической миниатюре. Ключевым приемом построения таких текстов является парадоксальное соположение противоположных положений дел. Эти тексты насыщены аллюзиями и пародиями. Как правило, в иронических миниатюрах самоидентификация автора и героя связана с констатацией ограниченности человеческих возможностей, критикой абсурдности бытия и несовершенством мироздания.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Список литературы

- [1] *Абушенко В.Л.* Идентичность // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Книжный дом, 2001. С. 400–404.
- [2] *Иссерс О.С.* Лингвокогнитивные игры в пространстве интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 101–120.
- [3] *Карасик В.И.* Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44.
- [4] *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
- [5] *Николаев В.Г.* Идентичность // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 238–239.

- [6] *Петренко С.Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 26 с.
- [7] *Ремчукова Е.Н.* Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.
- [8] *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / Ин-т философии РАН. М.: Academia, 1995. С. 19–37.
- [9] *Рогачева Н.Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.
- [10] *Bartle R. A.* Designing virtual worlds. Berkeley: New Riders Publishing, 2003. 741 p.
- [11] *Deumert A.* The performance of a ludic self on social network(ing) sites // *The Language of Social Media: Identity and Community on the Internet* / ed. by P. Seargeant, C. Tagg. New York: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 23–45.
- [12] *Spears R.* Personal and Social Identity // *New Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. Vol. 3* / ed. by Maryanne Cline Horowitz. N.Y.: Charles Scribner's sons, 2005. 2005. P. 1086.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 ноября 2019

Дата принятия к печати: 4 декабря 2019

Для цитирования:

Карасик В.И. Самоидентификация в современной иронической поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 33–45. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45>

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. eLIBRARY SPIN-код: 6068-6478. E-mail: vkarasik@yandex.ru

Research article

Self-identification in modern ironic poetry

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation

The article deals with modern Russian ironic poetic miniatures; they are complex formations containing several levels of subject self-representation. Two types of such texts have been analyzed – aphoristic poetry and ironic internet miniatures. They are very popular and make a new genre of net discourse in the Russian sector of the Internet (creatives). The main technical device of such texts creation is paradoxical contamination of contradictions. Such poems are saturated with allusions and parodies. Self-identification in such texts is inseparably connected with critical evaluation of human opportunities limitation, absurdity of existence and imperfection of the world.

Keywords: ironic poetry, lyrical miniature, self-presentation, creative, internet poetry

Acknowledgments. This research was conducted at the Pushkin State Russian Language Institute with financial support of the Russian Foundation of Basic Research (RFBR, the project No. 19-012-00609A).

References

- [1] Abushenko, V.L. (2001). Identichnost' [Identity]. In A.A. Gricanov (Ed.), *Novejshij filosofskij slovar'* (pp. 400–404). 2nd ed. Minsk: Knizhnyj dom Publ.
- [2] Issers, O.S. (2012). Lingvokognitivnye igry v prostranstve interneta: ot smeshnogo do ser'eznogo [Linguistic and cognitive games in internet space: from fun to serious]. In T.A. Gridinoy (Ed.), *Lingvistika kreativa – 2: collective monograph* (pp. 101–120). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ.
- [3] Karasik, V.I. (2018). Kreativny v setevom diskurse [Creatives in network discourse]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, (5), 29–44.
- [4] Malahov, V.S. (1998). Neudobstva s identichnost'yu [Identity issues]. *Voprosy filosofii*, (2), 43–53.
- [5] Nikolaev, V.G. (1998). *Identichnost'. Kul'turologiya. XX vek [Identity. Culturology. XX century]: encyclopedia: in 2 vols. (vol. 1, pp. 238–239)*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
- [6] Petrenko, S.N. (2017). *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti XX – nachala XXI veka [Genre models of post-folk folklore in Russian postmodern literature of the last quarter of the XX – beginning of the XXI century]* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Volgograd.
- [7] Remchukova, E.N. (2013). Massovyj lingvokreativ: preodolenie standarta [Mass linguistics: bridging standard]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, (2), 83–89.
- [8] Rikyor, P. (1995). Povestvovatel'naya identichnost' [Narrative identity]. *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektsii i interv'yu* (pp. 19–37). Moscow: Academia Publ.
- [9] Rogacheva, N.B. (2011). *Struktura i funkcionirovanie vtorichnyh rechevyh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (based on the material of Russian and English languages)]* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Saratov.
- [10] Bartle, R.A. (2003). *Designing virtual worlds*. Berkeley: New Riders Publishing.
- [11] Deumert, A. (2014). The performance of a ludic self on social network(ing) sites. In P. Seargeant & C. Tagg (Eds.), *The Language of Social Media: Identity and Community on the Internet* (pp. 23–45). New York: Palgrave Macmillan.
- [12] Spears, R. (2005). Personal and Social Identity. In Maryanne Cline Horowitz (Ed.), *New Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. (vol. 3, p. 1086)*. New York: Charles Scribner's sons.

Article history:

Received: 22 November 2019

Revised: 25 November 2019

Accepted: 4 December 2019

For citation:

Karasik, V.I. (2020). Self-identification in modern ironic poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 33–45. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45>

Bio note:

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Russian Language Institute. eLIBRARY SPIN-code: 6068-6478. E-mail: vkarasik@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57
УДК 821.161.1

Научная статья

Проблематика и жанровое своеобразие романа Юрия Полякова «Гипсовый трубоч»

Н.Э. Ибадова, М.М. Голубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена анализу проблематики и жанрового своеобразия трехчастного романа Ю. Полякова «Гипсовый трубоч». Роман, написанный в стиле гротескного реализма, многоплановый, содержит много вставных новелл исторического, детективного, лирического характера. Такая жанровая форма служит замыслу писателя разоблачить порочные явления окружающей реальности. Этой же цели служит широкий арсенал мастерски используемых поэтических приемов: окказиональных слов и словосочетаний, авторских неологизмов, развернутых гипербола и литот, неожиданных сравнений. Роман изобилует афоризмами. В названиях большинства глав произведения использованы прецедентные феномены. Отношение автора к героям проявляется в «говорящих» фамилиях, ярких портретных зарисовках. Предметно-бытовые детали, эпиграммы придают живость повествованию. Роман посвящен творческим людям, и в тексте много места занимают размышления и споры о назначении искусства, о том, каким должно быть настоящее искусство. Отдавая дань уважения служителям Музы, автор повествует о вдохновении, нелегком творческом труде и муках созидания.

Ключевые слова: гротескный реализм, прецедентные феномены, творчество, вставные новеллы, афоризмы, сценарий

Введение

Русская сатира традиционно характеризуется масштабным осмыслением сущности человеческого бытия. «Ведь наше время вызывающе сатирично, буквально сочится чудовищным гротеском!» [15. С. 526]. Современный литературный процесс развивает эту традицию, в частности в жанре гротескного реализма, лидером которого является Юрий Поляков. Стремление к осмыслению недостатков и несуразностей жизни подтолкнули его к созданию захватывающего сатирического романа «Гипсовый трубоч», заслужившего много критических статей и рецензий. А. Большакова в своем капитальном исследовании «Феноменология литературного письма. О прозе Ю. Полякова» проанализировала прозу Полякова в контексте основных идейно-эстетических проблем и тенденций новейшей русской литературы, выделив «стиль мышления Юрия Полякова (удивительный сплав лиризма, иронии и трагизма!)» [2.

© Ибадова Н.Э., Голубков М.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

С. 39]. В. Куницын оценил поляковский «не только литературный талант, но и стиль, соединявший в себе веселый лаконизм и трезвую наблюдательность отличного психолога» [7. С. 137]. Д. Кротова, отмечая исключительную широту проблематики «Гипсового трубача», тем не менее считает, что это роман о творчестве и искусстве [6. С. 129–141]. Н. Казаков усмотрел мастерство Полякова в том, что «через призму иронии он может рассматривать практически все базовые концепты этнокультурного сознания» [5. С. 360–372]. М. Маслин подчеркивает, что нет лучшей, чем у Полякова, «литературно-художественной иллюстрации бахтинским понятиям “карнавал” и “карнавализация”» [8. С. 355]. В. Бондаренко отмечает непредсказуемость финалов в произведениях Полякова, которые он называет «мужской прозой о любви» [4. С. 318–341]. А. Неверов считает, что «сюжеты и герои Полякова прочно связаны с сегодняшней действительностью, являются ее отражением» [9. С. 189–192]. Высокую оценку прозе Полякова дал П. Басинский: «В прозе Полякова вы найдете метафизику сложнейших отношений личности и общества, диалектику души человеческой, преломленной в самых актуальных общественных проблемах» [1. С. 204–212]. Н. Переясловым было справедливо подмечено, что главное в прозе Полякова заключено «не столько в самих перипетиях их сюжетов, сколько – в тех второстепенных, казалось бы, деталях, которые, составляя собой побочный фон повествования, как раз и придают ему на самом деле по-настоящему жизненную полноту и узнаваемость» [10. С. 238–258].

По словам автора, роман «в известной степени является возвращением на новом витке к поэтике <...> романа “Козленок в молоке”» [17. С. 151]. Действительно, в «Гипсовом трубаче» очевидна преемственность формы более раннего произведения с элементами литературной игры, пародийности.

Замысел и воплощение

В то же время совершенно очевидно, что структура «Гипсового трубача» гораздо сложнее. Она соответствует задаче писателя создать насыщенную картину нашей действительности в широком социоисторическом ракурсе. Читателю предлагается авторское прочтение истории страны с революционно-сталинских времен до наших дней.

«В сущности, я писал сатирическую энциклопедию нашей нынешней жизни», – отмечает Ю. Поляков [17. С. 341] и называет свое произведение «свободным романом с некоторой джазовой раскованностью, с боковыми линиями, вариациями, вставными новеллами» [17. С. 187]. Такая жанровая форма наиболее адекватна цели писателя подвергнуть разоблачающему осмеянию, традиционному для русской литературы, явления нашей действительности. Среди них бюрократизм, чиновничья травля талантов, стремление к материальным благам любой ценой, трусливость обывателей, ограниченность и бездушие власть имущих. Роман многоплановый, интригующий, веселый и грустный. В нем комическое пародирование связывает детективную и историческую линии повествования, украшено лирическим этюдами и любовными переживаниями.

Идея написать роман «Гипсовый трубач» возникла у автора за пятнадцать лет до выхода его первой части в 2008 г. Через год вышла вторая, а в 2012 г.

произведение обрело окончательную форму. Первоначально Ю. Поляков собирался написать рассказ о любви между молодыми людьми, работавшими в пионерском лагере. В течение этого времени Ю. Поляков написал и опубликовал повесть «Небо падших», романы «Козленок в молоке», «Замыслил я побег», «Грибной царь». А «Гипсовый трубоч» ждал своего часа, созревая в творческой лаборатории автора. Писателю пришлось поработать даже над сценариями своих произведений в обществе известных мастеров кинематографа: Е. Габриловича, С. Говорухина, П. Карякина, В. Меньшова.

Этот опыт и лег в основу замысла о совместной работе писателя и режиссера, реализовавшегося в свободном соединении в тексте романа фактов чужих биографий, своих нереализованных замыслов, придуманных и услышанных историй. Автор стремился показать своему читателю, «...из какой восхитительной пены умнейших мыслей, тонких наблюдений, удивительных историй, острых шуток, рискованных каламбуров, отчаянных откровений рождаются скупые строчки сценария» [16. С. 434]. Кроме этого, автора волновал вопрос, как происходит «совмещение в одной человеческой судьбе двух эпох – советской и постсоветской» [17. С. 198].

Работая в Доме ветеранов кино с Е. Габриловичем над очередным сценарием по своему произведению и наблюдая жизнь стареющих артистов, писатель собрал богатейший интересный материал. К тому же, накопившейся за время после написания «Козленка в молоке» «социальной злости» [17. С. 199], по признанию писателя, было уже достаточно для нового сатирического произведения.

Все эти замыслы автора слились и воплотились в трехтомном романе «Гипсовый трубоч», являющимся сложным синтезом реализма и постмодернизма, в котором «сюжет прихотливо витает меж разговоров, воспоминаний, вставных новелл» [17. С. 199]. В этой прозаической форме автор развивает традицию использования вставных сюжетов в основной текст романа. Мировая литература знает много примеров включения в произведение вставных новелл: «Новеллино» М. Гвардато, «Дон Кихот» М. Сервантеса, «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса» Г. Филдинга, «Приключения Пелигрини Пикля» Т. Смоллета и др. Среди классических примеров русской литературы следует отметить «Мертвые души» Н. Гоголя, многие произведения Ф. Достоевского. Из произведений XX в. очевидно жанровое родство «Гипсового трубоча» с «Голубой книгой» М. Зощенко. «Голубая книга» – сатирическое произведение, представляющее собой сборник бытовых новелл и исторических анекдотов, которыми также богат текст «Гипсового трубоча». Но «Голубая книга» не является романом.

В романе Ю. Поляков мастерски воссоздает историю страны через личные судьбы людей. Большинство из них принадлежит к творческой интеллигенции, а главными героями являются кинорежиссер и литератор. В основе сюжетообразующей линии романа находится приезд режиссера-энтузиаста Жарынина и писателя Кокотова, мечтающего о литературных лаврах, в Дом ветеранов культуры «Ипокренино» для того, чтобы написать сценарий по мотивам рассказа Кокотова «Гипсовый трубоч». «...режиссер и литератор пишут сценарий, спорят, ссорятся, сочиняют и отмечают варианты сюжета,

выдумывают судьбы персонажей, распоряжаются их страстями, жизнями и смертями» [16. С. 434]. Но их совместный творческий процесс прерывает реальная жизнь со своими проблемами. Соавторы втягиваются в борьбу против рейдерского захвата последнего пристанища старых деятелей культуры, всю жизнь посвятивших служению Музе и отдавших свои квартиры за право прожить свои последние дни в «Ипокренино», расположенном в старинном дворянском имении.

На протяжении романа Жарынин и Кокотов вместе с обитателями Дома ветеранов рассказывают друг другу истории, реальные и выдуманные, делятся своими воспоминаниями. Эти вставные части пышно ответвляются от сюжетного ствола. Значительную часть ответвлений составляют собственно тексты произведений Кокотова. Это и рассказ «Гипсовый трубач», давший название будущему фильму, синопсис к нему, отрывки из других рассказов писателя, сюжеты и замыслы еще не написанных им произведений.

Структура и поэтика

Роман разделен на главы, в названиях большинства которых использованы различные прецедентные феномены: точные или перефразированные заглавия произведений искусства – литературных источников, песен, фильмов, картин. Например, «На дне» (одноименная пьеса М. Горького), «Страдания немолодого Кокотова» (ср. с названием романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера»), «Степь да степь» (ср. с названием русского романа «Степь да степь кругом...»), «Алиса в Зазеркалье» (ср. с названием фильма «Алиса в Зазеркалье»), «История пугачевского бунта» (ср. с «Историей пугачевского бунта» А.С. Пушкина), «Скотинская мадонна» (ср. с названием картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна») и др.

Вдохновителем замысла создания киносценария и соавтором Кокотова является Дмитрий Антонович Жарынин – «странный режиссер в берете с петушиным пером» [16. С. 434], энергичный, шумный, бесцеремонный, волевой, с очень живыми глазами, острый на язык. Он вполне обеспечен, занимается ресторанным бизнесом, то есть предельно типичен для современного делового человека. Когда-то он, «молодой Феллини», снял скандальный фильм «Двое в плавнях», который был запрещен к показу. Через всю жизнь он пронес упоительное счастье – быть знаменитым. Но тогда Жарынину не хватило сильной творческой воли преодолеть возникшие преграды, и «...коварная Синемопа (муза кино) отвернулась от него навсегда» [14. С. 633]. Он не пошел против власти, ради трудового стажа устроился на работу руководителем заводского драмкружка, слишком поздно осознав, что «гонимость, а не талант и тем более не трудовой стаж, – вот что делает настоящую славу» [12. С. 101]. После этого он фильмы уже не снимал и понимал, что никогда уже не снимет, но жажда творчества заставляла его периодически работать над киносценарием в соавторстве с каким-нибудь писателем. Представляя в своем воображении мельчайшие детали эпизода, Жарынин в творческом экстазе каждый раз восклицал: «Как я это сниму, как сниму!..» [12. С. 367]. «Покурлесив, поважничав, насладившись пиром первичных озарений, Жарынин обрывал творческий процесс. <...> Бодрый, свежий, душевно омытый,

Дима возвращался в ресторан» [14. С. 651]. Борец за справедливость и инициатор кампании по защите обиженных и ограбленных стариков, он вступил в смертельную схватку с Ибрагимбыковым. Режиссер очень тяжело переживал поражение в суде, был раздавлен несправедливостью. «Он лишь бессильно закрыл глаза и некоторое время лежал молча. <...> “Кругом подлость, и предательство, и измена...” – зажмурившись от слез, прошептал Жарынин» [11. С. 472].

Обязательный для поэтики Ю. Полякова прием говорящих фамилий обнаруживает авторское отношение к своему герою: Жарынин не может жить вне искусства, не испытывать жар творческого созидания. «Бодрее, мой друг! Мы творим вечное!» – торопил он Кокотова [12. С. 366]. Об энергичности натуры «игровода» говорит даже музыка его сотового телефона – вагнеровский «Полет Валькирий». Эта величественная композиция является воплощением небесной героики, могущества нерастраченных сил, упоения жизнью. По признанию Ю. Полякова, «Жарынин – мой любимец, один из тех буйных талантливых неудачников, которые так часто встречаются среди русских людей, запропавших в искусстве, где хватка и сцепка значат больше, чем дар» [16. С. 434]. В уста Жарынина писатель вложил и свои суждения по вопросам внутренней и международной политики. «О, как я их сниму! – изнемогая от бессильного гнева, твердил игровод. – О-о! Убью аллегорией!» [14. С. 472].

Иначе выстроен образ Андрея Львовича Кокотова, автора рассказа «Гипсовый трубач». «Ничего особенного: мужчина средних лет, шевелюристый. <...> Губы – узкие, сардонические. Щеки – пухлые. Подбородок – обидчивый. Глаза – карие, грустные, почти обреченные...» [11. С. 6]. Он зарабатывает деньги литературной халтурой, пишет с «кроличьей плодовитостью» [11. С. 174] любовные романы из серии «Лабиринты страсти» под женским псевдонимом Аннабель Ли.

Захлестнувший Россию книжный ширпотреб, производимый, в частности, и ленивым, вялым, меланхоличным Кокотовым, сатирически высмеивается автором, противопоставляющим сверхмечту литератора пошлой реальности небольшого заработка. Он «знал множество хитрых способов впрямь трепетное, как лань, и пугливое, как газель, вдохновенье в ломовую телегу литературной необходимости» [11. С. 26]. Правда, небольшой успех он все-таки имел, заслужив звание лауреата премии имени Виталия Бианки.

В жизни героев романа почти нет любви, автор, казалось бы, противоречит самим же выбранному жанру, но в этом как раз и проявляется грустно-иронический взгляд его на своих несчастливых персонажей. Не любит никого и Кокотов: «Он тратил себя на другое, им овладела иная страсть, почти болезнь, которая будет посильнее плотской. Имя этого недуга – сочинительство» [12. С. 22]. Рассказ «Гипсовый трубач» Кокотов написал, лишая себя сна и тратя время на создание женских романов. Своим существованием литератор вызывает жалость своего антипода Жарынина, которому Кокотов признается, что жизнь его «омерзительна!» [12. С. 69]. Контрастность персонажей подчеркивается печальной песней Сольвейг Э. Грига на мобильном телефоне литератора: «... заплакала Сольвейг» [14. С. 489]. К счастью, одноклассница Нина Валюшкина сохранила верность первой любви и буквально вырвала писателя из лап смерти.

Поляков изобличает различные фонды типа Сороса, которые щедро раздают гранты писателям-графоманам, чьи заслуги состоят в создании не высокохудожественных текстов, а мифов, унижающих собственный народ. Такие литераторы являются проводниками определенной идеологии и напрочь лишены патриотизма.

Особенности сатиры

Литература знает немало литературных пар: Шерлок Холмс и доктор Ватсон, Дон Кихот и Санчо Панса, Обломов и Штольц. Ю. Поляков показал нам дружбу-противостояние решительного Жарынина и трусоватого Кокотова. Порой по отношению к Кокотову режиссер ведет себя как тиран, понукает его, повелевает им и даже позволяет себе рукоприкладство. Соавторы совершенно непохожи друг на друга, но за несколько дней работы они привязались друг другу. Недаром после краткосрочного отъезда Жарынина в Москву жизнь Кокотову показалась унылой и бессмысленной. И позднее, лежа в немецкой клинике, он вспоминал недельное сотрудничество с режиссером как самое яркое событие своей жизни. Соавторов объединяла потребность творчества, без которой они не мыслили свое существование. Это их сблизало: у Кокотова «от милых строчек родного текста пошла по телу теплая радость» [12. С. 118], он гордился собой, когда его охватывал «озноб творческого всемогущества» [14. С. 463]. Писатель ценит это и в других, потому и заворожил его китайский продавец чая, на лице которого он увидел «тот творческий восторг, какой случается, например, у пианиста, окончательно утнувшего в Шопене» [11. С. 18]. Так он открыл для себя «творческий напиток» – китайский чай «Зеленая обезьяна». Режиссер также испытывал экстаз от совместной работы над сценарием фильма: по лицу Жарынина «пробежала творческая судорога» [11. С. 57].

Пока творческие персонажи создавали сценарий, директор Дома ветеранов жулик Огуревич растратил все сбережения ветеранов в расчете на быстрое обогащение, а еще раньше обменял пожертвования стариков на фантики, которыми обманывали народ еще в перестройку, – «чемадурики». Его увлечение паранормальными методиками исцеления обнаруживало в нем проходимца, которых много тогда было в стране и даже на телевидении.

Постепенно панорама сатирических персонажей романа расширяется и выходит за пределы Дома ветеранов. Перед входом в кабинет высокого чина Скурятина Жарынин и Кокотов наблюдали, как посетителям надевали на руки дорогие часы, потому что просителей с обычными часами он не принимал. Это вызывает у персонажей критические обобщения: «... вместо того, чтобы торить дороги, они разворовывают казну, скупают в Европе замки, разводят пчел, открывают никому не нужные музеи, пишут книжки о роли водопровода в мировой истории» [14. С. 473]. Предметно-бытовая деталь при создании образа присутственного места становится у писателя основным художественным средством, явно отсылающим читателя к известным гоголевским приемам: даже бронзовая богиня Фемиды, украшавшая вход в здание суда, как заметили персонажи, была без традиционной повязки на глазах! Приговор их был неутешителен: «...тащиться в суд, чтобы за пятьдесят тысяч дол-

ларов доказать, что у тебя украли тридцать. <...> Русский суд – долгий и неправый!» [11. С. 354].

В дальнейшем сатирическое расширение касается у Ю. Полякова средств массовой информации, нашедшем отражение в эпизоде вечернего выпуска новостей о судьбе «Ипокренино». Старики, надеявшиеся на справедливость, были сильно разочарованы, потому что «тихая гавань престарелых талантов» оказалась под реальной угрозой захвата. «Наглый телевизор стал», – возмущается официантка [11. С. 9]. Досталось и телеведущим: образом капризного, самовлюбленного и продажного Имоверова Ю. Поляков высмеял современных звезд экрана.

Помимо сатирического расширения, в романе можно выделить и сатирическое углубление в прошлое: временная перспектива не снижает критической остроты описания деталей советского быта. Детство Кокотова прошло в заводском общежитии, в котором «...коллективная субботняя стирка рождала в извилистых коридорах непроглядные, почти колдовские туманы, пахнущие хозяйственным мылом» [12. С. 20]. Во времена горбачевской борьбы с алкоголизмом мама Кокотова запаслась водкой, и пыльные бутылки «Пшеничной» залежались на антресолях. Постепенно с увеличением художественного пространства романа сатирические приемы Ю. Полякова приобретают интенсивность, «тяготея местами к политической сатире», – отмечает Л.Н. Турбина [18. С. 108].

Стиль Юрия Полякова отличается нарочито подчеркнутым использованием поэтических приемов. Писателю-филологу свойственно комическое словотворчество: любителя пива называет «законным животоносцем» [12. С. 7], мантию судьи – «слезонепробиваемым жилетом» [14. С. 481], кинематограф – «лучигришем», сценариста – «писодеем», режиссера – «игроводом», продюсера – «игрохапом», зрителей в театре – «зенкопялами», корыстного критика – «игрорубом» [11. С. 250–252].

В «Гипсовом трубаче» Ю. Поляков не отказывается от хорошо отработанных им в более ранних произведениях приемов использования:

- окказиональных слов («Бальзаковна» [12. С. 19], «дамократия» [14. С. 544]);
- окказиональных словосочетаний («Эго Москвы» [14. С. 516], «горячая линия “Ротики эротики”» [12. С. 8]);
- окказиональной аббревиатуры (МОПС – «Международная община писателей и сценаристов» [11. С. 319]);
- развернутых гипербола и литот («...алименты, такие крошечные, словно вычитались они из жалованья лилипута, зарабатывающего на жизнь перетаскиванием крупногабаритных грузов» [12. С. 18]);
- неожиданных сравнений («крошечное махровое полотенце, ветхое, словно обрывок музейного савана» [12. С. 95]).

Сатирическое повествование в романе дополняется говорящими фамилиями героев: писатель Кокотов, режиссер Жарынин, рейдер Ибрагимбыков, директор Дома ветеранов Огуревич, ветеран Болтянский, профессор Шепталь, чиновник Скурятин, адвокат Морекопов. Роман изобилует авторскими афоризмами («Богатство – это узаконенное преступление»), которые вместе с гипер-

болой, эпитетом, метафорой, сравнением усиливают эмоциональное воздействие на читателя: «...большая и длинная, как обожравшийся удав, адидасовская сумка» [12. С. 38]; «...жена звенит бриллиантами, как люстра в Большом театре» [12. С. 65]; «кино без действия – как женская грудь без силикона» [12. С. 116]; «...мода, как известно, ходит по кругу, подобно ослу, привязанному к колышку» [12. С. 138]; «Судьба непредсказуема, словно домохозяйка за рулем» [12. С. 15]; «Лучше ордер в руках, чем слава в веках» [12. С. 26]; «Влюбляются физические лица, а разводятся юридические» [12. С. 56]; «Предательство обладает такой разрушительной силой, по сравнению с которой атомное оружие – китайская петарда» [12. С. 170].

Ироничный режиссер Жарынин постоянно цитирует афоризмы, которые он приписывает французскому поэту и дипломату, лауреату Нобелевской премии по литературе Сен-Жон Персу. «Старость, как справедливо заметил Сен-Жон Перс, – это сарказм Бога» [12. С. 138]. «Великий Сен-Жон Перс говорил, что каждая прошедшая мимо незнакомка – это часть великого несбывшегося» [12. С. 97], «Некоторым хорошая память заменяет ум» [12. С. 100], «Мир тесен, как новый полуботинок» [12. С. 69], «...искусство – это именно бахрама жизни» [12. С. 120], «Любопытство <...> первый шаг к потере невинности...» [12. С. 146], «...искусство – это безумие, запертое в золотую клетку замысла!» [12. С. 158], «Искусство существует именно для того, чтобы наказывать зло, ибо жизнь с этой задачей не справляется» [14. С. 426], «Правда <...> – продукт скоропортящийся и длительному хранению не подлежит!» [11. С. 66]. Иногда автор приписывает этому французскому поэту и свои суждения: «...судьба подобна вредной соседке по коммуналке, то и дело подсыпающей в твою кастрюлю персидский порошок» [12. С. 106].

В «Гипсовом трубаче» важной составляющей романа являются стихи. Например, эпиграмма на «антинародное телевидение» [11. С. 8], сочиненная комсомольским поэтом Бездынько, построена как каламбур:

«От страны достанутся
Останки нам,
Если заморочат Русь
Останкиным!» [11. С. 13].

Заключение

Роман пронизан щемящим чувством утраты былых ценностей. Поспешно избавляясь от социалистической идеологии, был уничтожен истинный патриотизм, являющийся «иммунной системой народа» [15. С. 247]. Символический образ «Ипокренина», последнего приюта деятелей советской культуры, как и сама Россия, по мнению автора романа, нуждается в защите от предпринимателей новой формации.

Неожиданностью жестокого финала произведения Ю. Поляков выражает свое отношение к несуразности человеческого бытия, особенно в России: «Парадоксальность финала <...> соответствует нашей странной жизни», – отмечает автор [17. С. 472]. Нынешнее время – время оборотней и симулякров. Так, Ибрагимбыков оказался безработным актером, Жарынин – психически больным человеком, внук уважаемого ветерана Болтянского – инициатором продажи «Ипокренина». Обладающий несомненным даром предвиде-

ния писатель предостерегает читателей от скорого опасного торжества оборотничества над живым и подлинным. Все на самом не таково, каким хочет казаться. Наверное, это и есть тот «культурный код эпохи», который искал Витька Акашин, герой романа «Козленок в молоке».

Список литературы

- [1] *Басинский П.Г.* Юрий Поляков: небеса для падших // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 204–212.
- [2] *Большакова А.Ю.* Апофегей всероссийского масштаба // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015, С. 39–49.
- [3] *Большакова А.Ю.* Феноменология литературного письма: о прозе Юрия Полякова. М.: Наука, 2005. 319 с.
- [4] *Бондаренко В.Н.* Одинокий беглец на длинные дистанции // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 318–341.
- [5] *Казаков Н.А.* Приближаясь к неоднозначности жизни... // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 360–372.
- [6] *Кротова Д.В.* Искусство и творчество как предмет художественного осмысления в романе Ю.М. Полякова «Гипсовый трубоч» // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015. С. 129–141.
- [7] *Куницын В.Г.* Феномен Юрия Полякова // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 122–150.
- [8] *Маслин М.А.* Роман как национальная беседа // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 350–359.
- [9] *Неверов А.С.* Между небом и землёй // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 189–192.
- [10] *Переяслов Н.В.* Рабы вагинальной реальности // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 238–258.
- [11] *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубоч: дубль два. М., 2010. 476 с.
- [12] *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубоч, или Конец фильма. М., 2010. 448 с.
- [13] *Поляков Ю.М.* Государственная недостаточность. М., 2014. 608 с.
- [14] *Поляков Ю.М.* Конец фильма, или Гипсовый трубоч. М., 2012. 672 с.
- [15] *Поляков Ю.М.* Лезгинка на Лобном месте: публицистика. М., 2014. 605 с.
- [16] *Поляков Ю.М.* По ту сторону вдохновения: сборник. М., 2017. 480 с.
- [17] *Поляков Ю.М.* Созидательный реванш: сборник интервью. М., 2015. 608 с.
- [18] *Турбина Л.Н.* Юрий Поляков – кому быть живым и хвалимым, или культурный код эпохи в романе «Гипсовый трубоч» // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015. С. 108–112.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 ноября 2019

Дата принятия к печати: 6 декабря 2019

Для цитирования:

Ибадова Н.Э., Голубков М.М. Проблематика и жанровое своеобразие романа Юрия Полякова «Гипсовый трубач» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 46–57. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57>

Сведения об авторах:

Ибадова Нармина Эльшад кызы, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: narmina.msu@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: mgolubkov@mail.ru

Research article

Problematics and genre originality of Y. Polyakov's novel "Gypsum Trumpeter"

Narmina E. Ibadova, Michail M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of problems and genre originality of Y. Polyakov's three-part novel "Gypsum trumpeter". The novel, written in the style of grotesque realism, is multifaceted, it contains many insert stories of historical, detective, and lyrical nature. Such a genre form serves the writer's intention to expose the vicious phenomena of the surrounding reality. The same goal is served by a wide arsenal of skillfully used poetic devices: occasional words and phrases, author's neologisms, detailed hyperbolas and litotes, unexpected comparisons. The novel abounds in aphorisms. The precedent-setting phenomenon is used in the titles of most chapters of the work. The author's attitude to the characters is shown in the "talking" surnames, bright portrait sketches. Subject-household details, epigrams give vivacity to the narrative. The novel is devoted to creative people, and in the text a lot of space is occupied by reflections and disputes about the purpose of art, about what real art should be. Paying tribute to the servants of the Muse, the author tells about inspiration, hard creative work and the torments of creation.

Keywords: the grotesque realism, precedent-setting phenomena, creativity, insert novels, aphorisms, script, collaborators, art, "talking" surnames

References

- [1] Basinskij, P.G. (2014). Yuriy Polyakov: Nebesa dlya padshih [Yuriy Polyakov: Heaven for the fallen]. *Moya vseleynaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition]* (pp. 204–212). Moscow.

- [2] Bol'shakova, A.Yu. (2015). Apofegej vserossijskogo masshtaba [Apofegay of the all-Russian scale]. *Ispytanie realizmom: Materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii "Tvorchestvo Yuriya Polyakova: Tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)"* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference "Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)"]: Bibliographic index (pp. 39–49). Moscow.
- [3] Bol'shakova, A.Yu. (2005). *Fenomenologiya literaturnogo pis'ma: O proze Yuriya Polyakova* [Phenomenology of literary writing: on the prose of Yuri Polyakov]. Moscow.
- [4] Bondarenko, V.N. (2014). Odinokij beglec na dlinnye distancii [Long distance lone runaway]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 318–341). Moscow.
- [5] Kazakov, N.A. (2014). Priblizhayas' k neodnoznachnosti zhizni... [Approaching the ambiguity of life...]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 360–372). Moscow.
- [6] Krotova, D.V. (2015). Iskustvo i tvorchestvo kak predmet hudozhestvennogo osmysleniya v romane Yu.M. Polyakova "Gipsovyj trubach" [Art and creativity as a subject of artistic interpretation in the Yu.M. Polyakov's novel "Gypsum trumpeter"]. *Ispytanie realizmom: materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii "Tvorchestvo Yuriya Polyakova: Tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)"* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference "Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)"]: Bibliographic index (pp. 129–141). Moscow.
- [7] Kunicyn, V.G. (2014). Fenomen Yuriya Polyakova [The phenomenon of Yuri Polyakov]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 122–150). Moscow.
- [8] Maslin, M.A. (2014). Roman kak nacional'naya beseda [The novel as a national conversation]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 350–359). Moscow.
- [9] Neverov, A.S. (2014). Mezhdru nebom i zemlyoj [Between heaven and earth]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 189–192). Moscow.
- [10] Pereyaslov, N.V. (2014). Raby vaginal'noj real'nosti [Slaves of vaginal reality]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 238–258). Moscow.
- [11] Polyakov, Yu.M. (2010). *Gipsovyj trubach: Dubl' dva* [Gypsum trumpeter: Take two]. Moscow.
- [12] Polyakov, Yu.M. (2010). *Gipsovyj trubach, ili Konec fil'ma* [Gypsum trumpeter, or The end of the film]. Moscow.
- [13] Polyakov, Yu.M. (2014). *Gosudarstvennaya nedostatochnost'* [State insufficiency]. Moscow.
- [14] Polyakov, Yu.M. (2012). *Konec fil'ma, ili Gipsovyj trubach* [The end of the film, or Gypsum trumpeter]. Moscow.
- [15] Polyakov, Yu.M. (2014). *Lezginka na Lobnom meste* [Lezginka on the Forehead]. Moscow.
- [16] Polyakov, Yu.M. (2017). *Po tu storonu vdohnoveniya* [On the other side of inspiration]. Moscow.
- [17] Polyakov, Yu.M. (2015). *Sozidatel'nyj revansh* [Creative revenge]. Moscow.
- [18] Turbina, L.N. (2015). Yuriy Polyakov – komu byt' zhivym i hvalimym, ili kul'turnyj kod epohi v romane "Gipsovyj trubach" [Yuriy Polyakov – who should be alive and

praised, or the cultural code of the era in the novel “Gypsum trumpeter”]. *Ispytanie realizmom: Materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii “Tvorchestvo Yuriya Polyakova: tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)”* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference “Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)”]: Bibliographic index (pp. 108–112). Moscow.

Article history:

Received: 20 November 2019

Revised: 24 November 2019

Accepted: 5 December 2019

For citation:

Ibadova, N.E., & Golubkov, M.M. (2020). Problematics and genre originality of Y. Polyakov’s novel “Gypsum Trumpeter”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 46–57. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57>

Bio notes:

Narmina Elshad kzy Ibadova, Ph.D. student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: narmina.msu@mail.ru

Michail M. Golubkov, Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of the History of the Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mgolubkov@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-58-67
УДК 821.161.1

Научная статья

«Нагринула зима истории...»: концепция времени в стихотворениях В. Кривулина

Т.П. Хайрулин

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

Статья посвящена проблеме историзма в текстах ленинградского неофициального поэта и критика Виктора Кривулина. Новизна исследования заключается в попытке рассмотреть поэтическую историософию Кривулина в контексте «религиозного возрождения» 1970-х годов в СССР. Такой подход позволяет не только определить специфику образов времени в произведениях Кривулина, но и наметить контуры интеллектуальной истории советской неофициальной культуры. Особое внимание уделено эсхатологическим мотивам в произведениях Кривулина, а также противопоставлению «горизонтального» и «вертикального» типов времени. Повседневная реальность, с ее размеренным течением событий, подчиненных хронологическому порядку, преодолевается в текстах Кривулина выходом в сакральную сферу культуры, где творческий диалог с литературными предшественниками наделяется особым ценностным статусом. Именно культурное сотворчество позволяло неофициальному поэту выйти за рамки статичного позднесоветского опыта и заново обрести свою идентичность. Установлено, что образы времени в текстах Кривулина связаны с христианской эсхатологией, которая предполагает конечность исторического бытия. Наиболее отчетливо это проявилось в трансформации образа Ленинграда, представшего в произведениях Кривулина как «город-призрак», в котором остановилась история.

Ключевые слова: неподцензурная литература, Виктор Кривулин, эсхатологические мотивы, историзм, темпоральность

Введение

Виктор Кривулин (1944–2001) – один из главных представителей ленинградской неофициальной культуры, идеолог и редактор журналов «37» и «Северная почта», поэт и литературный критик. Кривулина называют поэтом, открывшим в своей лирике «человека исторического» [1. С. 135]. Тема историзма в его стихотворениях затрагивалась в работах Г. Беневича, Б. Иванова, И. Кукулина, О. Седаковой, С. Стратановского. Однако предметом отдельного исследования историзм в текстах Кривулина до сих пор не становился. В творчестве Кривулина неоднократно обнаруживали интертекстуальные связи с поэзией русского модернизма, прежде всего, с акмеистической поэ-

тикой. Представляется, что для понимания произведений Кривулина литературных контекстов явно недостаточно. Одним из ключей к его художественной историософии является контекст так называемого «религиозного возрождения» 1970-х годов в СССР, ярким проявлением которого стало появление в Ленинграде самиздатского журнала «37». В журнале печатались не только художественные произведения неофициальных авторов, но и материалы религиозно-философского семинара, организованного Т. Горичевой в 1974 году, при участии Е. Пазухина и С. Стратановского. На семинаре обсуждались тексты богословов первых веков христианства (Григорий Богослов, Ориген, Иоанн Златоуст), русских религиозных философов (В. Соловьев, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков), протестантских мыслителей и богословов (С. Кьеркегор, П. Тиллих). На страницах журнала «37» темы культуры и искусства тесно переплетались с вопросами религии.

Время в лирике В. Кривулина

Предварительно стоит отметить, что тема истории в поэзии Кривулина неразрывно связана с категорией спиритуальности. Составным элементом его поэтической историософии стало изображение визионерского опыта переживания катастрофы, которая еще не наступила, однако ее предвестия уже видны в настоящем, как в тексте «Кассандра» (1972):

Не Троя кончается – некий
будущий город с миллионным его населением [2. С. 61].

Анализируя историософскую проблематику в стихах Кривулина, О. Седакова пришла к выводу, что для ленинградского поэта исторические события представляли в смещенном виде, как бы обращенные к своему пределу: «это экстатическая историчность: можно сказать: каждый момент ее переживается как конец или как один из образов конца, “образ для нас”» [3].

Чтобы понять, почему в творчестве Кривулина историзм носит эсхатологический характер, необходимо сперва рассмотреть особенности его концепции времени, а затем обратиться к историко-культурному контексту позднесоветской эпохи, а также дискуссиям, которые велись на страницах журнала «37».

В основе концепции историзма Кривулина лежит особое темпоральное ощущение, связанное с биографическим эпизодом, о котором сам Кривулин неоднократно упоминал в своей эссеистике как о своеобразном «прозрении», случившемся с ним в 1970 году:

«Я читал Боратынского и дочитался до того, что перестал слышать, где его голос, а где мой. <...> Умерло время. <...> И сразу изменился круг друзей, пространство общения приобрело четко выраженное *вертикальное измерение*, исключив многих, подавляющее большинство современников, но зато обретя – в качестве живых постоянных собеседников – Тютчева, Данте, Боратынского, Чурилина...» [4. С. 8].

Такое понимание времени позволяет разомкнуть границы «горизонтальной» последовательности событий и выйти в надличностную сферу, где прошлое и настоящее сближаются до такой степени, что становятся неразличимыми. Подчеркивая «смертность» времени, Кривулин фиксирует его неодно-

родность, несводимость к историческому настоящему. В одном из вариантов описания «встречи» с поэтом XIX века Евгением Боратынским он отмечает: «умерло время, в котором я, казалось, был обречен жить до смерти, утешаясь стоической истиной, что “времена не выбирают, в них живут и умирают”». Вот оно только что лежало передо мной на письменном столе, нормальное, точное, сносно устроенное, а осталась кучка пепла» [5. С. 6].

Противопоставление сакрального и повседневного времени

Как отмечал историк религии М. Элиаде, в восприятии религиозного человека время всегда неоднородно: «любой род времени “открывается” в сакральное время, иными словами, может обнаружить перед нами то, что мы для удобства называем абсолютным» [6. С. 266]. Согласно Элиаде, в большинстве религиозных культур сакральное время («иерофаническое время») противопоставлено «мирскому» времени. Это позволяет человеку переживать себя современником священных событий, как, например, в христианских богослужениях, воспроизводящих Тайную вечерю или распятие Христа. В автобиографическом рассказе Кривулина выстраивается сходная оппозиция: привычная повседневность разрывается вторжением иной, сакральной сферы, где прошлое переживается как настоящее, а Боратынский становится современником. В этом можно обнаружить указание на преемственность по отношению к предыдущей литературной традиции. Однако в сознании Кривулина русская поэтическая традиция наделялась сакральными чертами. Так, в статье «Полдня длиной в одиннадцать строк» эстетические особенности русской поэзии трактуются как следствия ее религиозной направленности: «поэзию в России можно рассматривать как своего рода модель православной соборности – и тогда станет понятным, почему здесь нет крупных религиозных поэтов и почему у каждого русского поэта всегда присутствует религиозный момент»¹ [7. С. 229]. Поэтому, когда Кривулин пишет о выходе из своего времени в сферу поэтической традиции, где его собеседники – это Боратынский и Тютчев, он имеет в виду выход в сакральную сферу, в трансцендентную вечность.

Исследовательница Ж. фон Цитцевитц обратила внимание на противопоставление в стихах Кривулина сакрального и повседневного времени, указав на тот парадоксальный факт, что хронологическая «история в смысле течения времени, как ни странно, отсутствует в его репертуаре» [8. С. 65]. Напротив, разрозненные исторические моменты, по мысли Цитцевитц, могут сосуществовать в художественном тексте, в силу того, что сакральное время основано в большей степени на «внутреннем родстве» [8. С. 61]. Таким образом, в творчестве Кривулина обнаруживается оппозиция двух типов времени: «горизонтального», связанного с привычной последовательностью событий (историческим настоящим), и «вертикального», отождествляемого с сакрализованной сферой культурной традиции.

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из цифровых архивов самиздата, размещенных на сайтах Университета Торонто и Центра Андрея Белого.

Данная оппозиция прослеживается в стихотворении «Инок», которое вошло в первый самиздатский машинописный сборник текстов Кривулина «Воскресные облака» (1972), составленный самим автором:

Как далеко спокойная аскеза
святого на скале.
Березовая кровь сочится из надреза
на призрачном стволе.
Как зелен сок исторгнутой из тела,
родившейся во мгле
молитвы Господу – единственного дела,
что держит на земле [2. С. 65].

Картина отрешенного стояния монаха разворачивается на фоне катастрофы пылающего леса: руки инока в золе, а вокруг – «огня бушующего кони». Однако дальнейшая мысль Кривулина оказывается категоричной:

В насилии и зле
история течет – но **время на иконе**
есть иннок на скале.
Я, Господи, стою, и губы мои влажны
от сока или слез!
Возьми же голос мой, возьми же мой протяжный
прозрачный лес берез [2. С. 65].

Сдвиг смысла в этих строках происходит за счет введенного автором приема полисемии, в данном случае многозначности слова «икона». Речь идет не только об элементе религиозного культа, но и самом понятии художественной формы, ведь в переводе с древнегреческого «εἰκών» – это «образ», «изображение». «Иконическое время» – это, буквально, художественное время, то есть время, переработанное и освоенное искусством. Эстетическая деятельность, продуцирующая образы, в такой перспективе получает статус сакрального действия, сопоставимого с подвигом христианского отшельника. Данный смысловой параллелизм закрепляется и фонетической переключкой слов «икона – иннок». Кроме того, Кривулин сравнивает древесный сок, который течет из березы, с молитвенными слезами инока. Молитва рождается из надреза, из боли, посреди истории, протекающей в насилии. Для Кривулина образ инока оказывается важным еще и потому, что в нем обнаруживается сходство с положением поэта, чей «протяжный» голос также обращен к трансцендентному будущему. Темпоральная структура в стихотворении выстроена при помощи глагольных форм несовершенного вида настоящего времени: «сочится», «держит», «стою», «течет». Однако это настоящее открыто грядущему преображению – из истории в вечность – не только героя, но и природы что подчеркивается заключительным повтором императивной формы глагола «возьми». Обращаясь к Творцу, герой просит принять и его «голос» и «прозрачный лес берез». Образ прозрачного леса восходит к пушкинскому стихотворению «Зимнее утро», а затем в разных вариациях появляется в текстах Мандельштама (ср. в «Грифельной оде»: «и воздуха *прозрачный лес* / уже давно пресыщен всеми») [9]. Отсылкой к мотиву «прозрачности» завершается стихотворение Кривулина, причем эта переключка с Мандельштамом возникает именно в тот момент, когда поэтическая речь превращается в молитву. Диалог с Творцом одновременно оказывается диалогом с литературными

предшественниками. Финал стихотворения воплощает основную идею, согласно которой поэзия, как и религия, преобразует время, открывает в нем выход в «вертикальное измерение».

Именно в такой перспективе – *sub specie aeternitatis* – смотрит на время и персонаж стихотворения «Летописец», размещенного в сборнике рядом с текстом «Инок»:

запишет летописец в этот год,
обильный ведьмами, пожарами и мором,
желанное пророчество о скором
конце вселенной [2. С.64].

Эсхатология

Не так важно, принадлежат ли герои стихотворений Кривулина к античной мифологии, как Клио или Кассандра, или же к христианской, как летописец, – их взгляд на время всегда эсхатологичен. Историзм Кривулина во многом определялся христианской историософией, предполагающей, что «земное» время завершится Страшным судом [10. С. 380]. Подобное отношение к истории не являлось уникальной чертой Кривулина, но было присуще и другим авторам неофициального сообщества. Так, в статье «Белый свет над Черной речкой» (1990) Кривулин отмечает, что неподцензурная литература 1970-х годов «жила эсхатологическими импульсами, недостаток “малых” житейских сюжетов с лихвой покрывался каталогом воображаемых глобальных катаклизмов, обостренной метафизической проблематикой <...> то была литература без героя и без событий, но вся – в ожидании События. События как суда над человеком, над героем, над настоящим» [11. С. 231].

Возникновение апокалиптических мотивов в неофициальной литературе остается малоизученной темой по сравнению с предыдущими историческими периодами, в частности с русским модернизмом, в рамках которого эсхатологическая образность стала важным элементом художественных произведений (символизм) и религиозно-философских концепций (Вл. Соловьев, Н. Бердяев и др.). Обострение кризисного мировосприятия, вызванное завершением XIX века (*fin de siècle*), ростом политической напряженности (первая русская революция, русско-японская война), а также техническим прогрессом, породило, как пишет Л. Кацис, «сильную апокалиптическую волну. Ведь это было начало последнего века двухтысячелетней истории христианства» [12. С. 148]. Октябрьская революция 1917 года также воспринималась как осуществление апокалиптических пророчеств – в текстах В. Розанова, Д. Мережковского, о. С. Булгакова. В советский период модернистскую линию апокалиптической образности развивал Д. Андреев, чье визионерское произведение «Роза Мира» было, по признанию Кривулина, «самиздатским бестселлером» [13. С. 231]. В нем Д. Андреев создал образ будущей мистической утопии – царства Розы Мира, интеррелигиозной церкви, которая явится лишь после возможных катаклизмов.

В отличие от дореволюционного поколения философов и писателей, те, чье взросление пришлось на период после Великой Отечественной войны (условно говоря, ровесники Кривулина, родившегося в 1944 г.), представляли себе конец света в несколько ином ключе. Огромную роль в этом сыграло

возникновение оружия массового поражения. После бомбардировки Хиросимы, а также с наступлением холодной войны между СССР и США, угроза атомной войны стала основной моделью конца света, идеальным прообразом Апокалипсиса. В 1962 г. И. Бродский в своей поэме «Шествие» объединил традиционный образ всадника, взятый из Откровения апостола Иоанна, с описанием атомного взрыва:

Идет пора безумного огня.
(О стилизованный галоп коня
И пена по блестящим стременам,
И всадник Апокалипсиса – к нам!)
<...>
Огонь. Элементарная стрельба.
Какая элегантная судьба:
Лицо на фоне общего гриба,
И небольшая плата, наконец,
За современный атомный венец
И за прелестный водородный гром... [14. С. 78].

Конец света стал ассоциироваться с техническим прогрессом, породившим оружие массового уничтожения. В таком ключе переосмыслили христианский эсхатологизм участники вышеупомянутого ленинградского религиозно-философского семинара. Фрагменты дискуссии относительно евангельского фрагмента (Мф. 24, 42–44.), посвященного второму пришествию Христа, были опубликованы в третьем номере журнала «37». Кривулин, будучи одним из участников обсуждения, описывал угрозу атомной войны как историческое воплощение апокалиптических пророчеств:

«И ждем теперь мы, стремясь, подобно людям прошлого, истолковать малейшее указание (вроде формулы “мир и безопасность” или факта изобретения ядерного оружия) как первый признак начавшегося второго пришествия. Можно сказать, вся история европейской цивилизации есть история ожидания конца света и в этом смысле мы европейцы» [15. С. 3].

Более того, по мнению Кривулина, для его современников эсхатологизм более реален, чем для апостолов, «ибо сегодня он облачен в зримые, физические одежды, и современный человек знает об изобретении орудий, способных уничтожить все человечество» [15. С. 3]. Риторика холодной войны в сочетании с идеей «атомной зимы» (успевшей к середине 1970-х гг. стать частью массовой культуры) становились факторами, позволявшими наполнить свой исторический опыт христианским содержанием, ведь, по сути, «время христианина – это время ожидания, это настоящее, наполненное чаянием конца» [16]. В такой темпоральной модели менялась и сама позднесоветская реальность. Кривулин, увлеченный христианской историософией, начинал воспринимать эту реальность как нечто, что имеет смысл только в свете будущих катастрофических событий. Настоящего как такового нет, но есть некий «резервуар», заполняемый ожиданием грядущего Страшного суда.

В ситуации брежневского «застоя», когда время, по словам Кривулина, «замерло» [11. С. 221], для члена неофициального сообщества опыт реальной истории – социальной и политической – оказывался недоступен. В 1960-е гг. Кривулин посещал ЛИТО Глеба Семенова, функционировавшее при ленинградском отделении Союза писателей. Параллельно он учился на филологи-

ческом факультете ЛГУ, где защитил диплом о поэзии И. Анненского. Своерачивание «оттепельных» реформ (в том числе и в сфере культурной политики) привело к разделению советской литературы на официальную и неофициальную. По свидетельству Кривулина, одним из поводов для такого водораздела оказалось подавление восстания в Чехословакии в 1968 г. [17]. Неудачная попытка легализации неофициальных авторов, связанная с намерениями опубликовать в 1975 г. стихотворную антологию «Лепта», лишь закрепила расслоение. К середине 1970-х гг. Кривулин окончательно избирает для себя мир «подполья» и становится одной из ключевых фигур ленинградского андеграунда. Амплуа неофициального культуртрегера Кривулин до конца 1980-х гг. будет совмещать с работой в Леноблздраве, где он числился редактором в Доме санитарного просвещения.

Эмпирическая бессобытийность и экзистенциальная изолированность «второй культуры» компенсировалась за счет ухода в воображаемый мир. И одной из главных черт этого мира была «подсознательная жажда Большого Сюжета и необъяснимое предчувствие катастрофы» [11. С. 221].

Чем более Кривулину открывалась надвременная вертикаль культуры, в которой он мог быть собеседником Боратынского и Тютчева, тем более нарастало его отчуждение от конкретной действительности позднесоветского времени. Это особо заметно на примере образа Ленинграда, представшего в текстах Кривулина, как постапокалиптический «город-сон клубящегося неба / образ мира после Страшного суда» [2. С. 37], «сад ледяной, где скорбь мертва» [2. С. 38]. Визионерский опыт поэта фиксирует «инфляцию» исторического бытия, его катастрофическую поломку: «история охрипнет и простынет» [2. С. 38]. В период «долгих семидесятых» мотив болезненности и призрачности как вариации «конца истории» становится доминирующим во многих стихотворениях Кривулина:

Нагринула зима
истории [2. С. 66].
Плеск переполняет
ущербины гранита, где больная
плывет в сомнамбулическом авто
история [2. С. 10].

Историческая действительность как хронологическая последовательность событий в поэтическом мире Кривулина обречена – ее поглощает державинское «жерло вечности», которое «дожирает то, что почему-либо не успела пожрать река времен, – объедки с пиршественного стола истории» [7. С. 234].

Заключение

В XX в., наполненном трагическими событиями мирового масштаба, апокалиптические настроения были не редкостью. Однако специфика кривулинского эсхатологизма состоит в том, что катастрофический «горизонт ожиданий» возникал из статичного «пространства опыта» [18]. Бессобытийность позднесоветской действительности формировала чаяния последнего События, которое либо уничтожит, либо очистит историю. В такой катастрофической перспективе роль поэта приобретала особое значение, потому что, как писал Кривулин в своем романе «Шмон», «всякий, кто имеет дело со сло-

вом, – это всего лишь отгадчик сроков, назначенных для родного языка и родной страны» [19. С. 48].

Таким образом, предпринятый нами анализ стихотворений Кривулина позволяет увидеть, что концепция времени в его произведениях содержит элементы религиозной модели, в рамках которой сакральная и профанная сферы противопоставляются друг другу. В ходе исследования мы установили, что автор осмысляет тему истории в контексте христианской эсхатологии, предполагающей конечность исторического бытия. Позднесоветский Ленинград, увиденный сквозь апокалиптическую оптику, предстал в стихах Кривулина местом, куда «нагрянула зима истории» [2. С. 66]. Выходом из исторического коллапса для Кривулина оказалось обнаружение «вертикального измерения» бытия, что позволило обрести свою идентичность в пространстве диалога с литературными предшественниками.

Список литературы

- [1] Стратановский С.Г. Памяти Кривулина // Полилог. 2011. № 4. С. 134–136.
- [2] Кривулин В.Б. Воскресные облака. СПб.: Пальмира, 2017. 232 с.
- [3] Седакова О.Б. Кривулин. Очерки другой поэзии. URL: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/247> (дата обращения: 25.05.2018).
- [4] Кривулин В.Б. Охота на Мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1999. 334 с.
- [5] Кривулин В.Б. Охота на Мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1998. 333 с.
- [6] Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- [7] Кривулин В.Б. Полдня длиной в одиннадцать строк // Часы. 1977. № 9. С. 233–255.
- [8] Zitzewitz J. Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1974–1980: Music for a Deaf Age. Cambridge, 2016. 234 p.
- [9] Сурам И.З. Мандельштам и Пушкин // Новый мир. 2003. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/11/mandelshtam-i-pushkin.html (дата обращения: 19.10.2019).
- [10] Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Париж: YMCA-Press, 1964. 403 с.
- [11] Кривулин В.Б. Белый свет над Черной речкой // Вестник литературы. 1992. № 4. С. 203–224.
- [12] Кацис Л.Ф. Апокалиптика «Серебряного века» (эсхатология в художественном сознании) // Человек. 1995. № 2. С. 143–154.
- [13] Кривулин В.Б. Золотой век самиздата // Самиздат века. М. – Минск: Полифакт, 1992.
- [14] Бродский И.Б. Сочинения: в 7 т. Т. 1. СПб., 2001. 304 с.
- [15] Кривулин В.Б., Горичева Т.Г. Евангелические диалоги // 37. 1976. № 3. С. 3–9.
- [16] Мильчина В.А. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-voSPIriyatIya-vremeni> (дата обращения: 23.09.2019).
- [17] Кривулин В.Б. Поэзия – это разговор самого языка: интервью // НЛО. 1995. № 14. С. 223–233.
- [18] Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
- [19] Кривулин В.Б. Шмон // Вестник литературы. 1990. № 2. С. 5–64.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 ноября 2019

Дата принятия к печати: 10 декабря 2019

Для цитирования:

Хайрулин Т.П. «Нагрязнула зима истории...»: концепция времени в стихотворениях В. Кривулина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 58–67. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-58-67>

Сведения об авторе:

Хайрулин Тимур Павлович, соискатель кафедры истории русской литературы филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: khairulin25@gmail.com

Research article

**“The winter of history came suddenly...”:
the concept of time in the poems of Victor Krivulin**

Timur P. Khairulin

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to the problem of historicism in the texts of the Leningrad unofficial poet and critic Viktor Krivulin. The novelty of the study is an attempt to consider the poetic historiosophy of Krivulin in the context of the “religious revival” of the 1970s in the USSR. This approach allows us not only to determine the specifics of the images of time in the works of Krivulin, but also to outline the contours of the intellectual history of Soviet unofficial culture. Special attention is paid to eschatological motives in Krivulin's works, as well as to the opposition of the “horizontal” and “vertical” types of time. Everyday reality, with its measured course of events subordinated to the chronological order, is overcome in Krivulin's texts by entering the sacred sphere of culture, where creative dialogue with literary predecessors is endowed with a special value status. It was cultural co-creation that allowed the unofficial poet to go beyond the static late Soviet experience and rediscover his identity. The images of time in Krivulin's texts are associated with Christian eschatology, which assumes the finality of historical existence. This was most clearly manifested in the transformation of the image of Leningrad, which appeared in the works of Krivulin as a “ghost town”, in which history stopped.

Keywords: uncensored literature, Victor Krivulin, eschatological motives, historicism, temporality

References

- [1] Stratanovskii, S.G. (2011). Pamyati Krivulina [The memory of Krivulin]. *Polilog*, (4), 134–136.
- [2] Krivulin, V.B. (2017). *Voskresnye oblaka* [Sunday clouds]. Saint Petersburg: Pal'mira Publ.
- [3] Sedakova, O.B. *Krivulin. Ocherki drugoi poezii* [Krivulin. Essays for other poetry]. Retrieved from <http://www.olgasedakova.com/Poetica/247> (accessed: 25.05.2018).
- [4] Krivulin, V.B. (1999). *Okhota na Mamonta* [The Mammoth hunt]. Saint Petersburg: BLITS Publ.

- [5] Krivulin, V.B. (1998). *Okhota na Mamonta [The Mammoth hunt]*. Saint Petersburg: BLITS Publ.
- [6] Eliade, M. (1999). *Ocherki sravnitel'nogo religovedeniya [Essays on Comparative Religious Studies]*. Moscow: Ladomir Publ.
- [7] Krivulin, V.B. (1977). Poldnya dlinoi v odinnadsat' strok [Half day eleven lines long]. *Chasy*, (9), 233–255.
- [8] Zitzewitz, J. (2016). *Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1974–1980: Music for a Deaf Age*. Cambridge.
- [9] Surat, I.Z. (2003). Mandel'shtam i Pushkin. *Novyi mir [New world]*, (11). Retrieved from https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/11/mandelshtam-i-pushkin.html (accessed: 19.10.2019).
- [10] Bulgakov, S.N. (1964). *Pravoslavie. Ocherki ucheniya pravoslavnoi tserkvi [Orthodox: Essays on the teachings of the Orthodox Church]*. Paris: YMCA-Press.
- [11] Krivulin, V.B. (1992). Belyi svet nad Chernoi rechkoj [White light on a black river]. *Vestnik literatury*, (4), 203–224.
- [12] Katsis, L.F. (1995). Apokaliptika Serebryanogo veka (eskhatologiya v khudozhestvennom soznanii) [Apocalyptic of the “Silver Age” (eschatology in the artistic consciousness)]. *Chelovek*, (2), 143–154.
- [13] Krivulin, V.B. (1992). Zolotoi vek samizdata [The golden age of samizdat]. *Samizdat veka*. Moscow, Minsk: Polifakt Publ.
- [14] Brodsky, J. (2001). *Sochineniya [Works]*: in 7 vols. Vol. 1. Saint Petersburg.
- [15] Krivulin, V.B., & Goricheva, T.G. (1976). Evangelicheskie dialogi [Bible dialogues]. 37, (3), 3–9.
- [16] Mil'china, V.A. (2004). Tipy istoricheskogo myshleniya: prezentizm i formy vospriyatiya vremeni [Modes of historical thinking presentism and forms of perception of time]. *Otechestvennye zapiski*, (5). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vospriyatiya-vremeni> (accessed: 23.09.2019).
- [17] Krivulin, V.B. (1995). Poeziya – eto razgovor samogo yazyka [Poetry is the conversation of the language itself]: interview. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary observer]*, (14), 223–233.
- [18] Kozellek, R. (2016). “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniya” – dve istoricheskie kategorii [“Space of experience” and “horizon of expectation” are two historical events categories]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*, (2), 149–173.
- [19] Krivulin, V.B. (1990). Shmon [Rummage]. *Vestnik literatury*, (2), 5–64.

Article history:

Received: 27 November 2019

Revised: 29 November 2019

Accepted: 10 December 2019

For citation:

Khairulin, T.P. (2020). “The winter of history came suddenly...”: The concept of time in the poems of Victor Krivulin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 58–67. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-58-67>

Bio note:

Timur P. Khairulin, researcher of Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. E-mail: khairulin25@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-68-81
UDC 821.512.162

Research article

Why has sci-fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990?

Gunel Alasgarova

Baku Engineering University
120 Hasan Aliyev St, Khirdalan, AZ0102, Republic of Azerbaijan

This paper examines the reasons why science fiction works are not popular in the last decades in Azerbaijan. The focus of this research is to determine whether there is a lack of science fiction novels in the market or low-quality of existing modern novels that leads to the unpopularity in the society. The data collection methods were conducting a survey among people and several interviews of literature experts. Libraries and bookshops, as well as school literature textbooks, were observed in the search of science fiction works, as well. The survey identified the reasons for the unpopularity of science fiction and the role of authors, works, libraries, and bookshops in this trend. The findings of the survey indicate that people still read and are involved in this genre and strongly prefer world classics rather than national. While observing Azerbaijan National Library, it was found out that in modern Azerbaijan literature there are enough books in this genre, which are not properly promoted by bookshops, social media, TV programs or school textbooks. Whereas, experts in this field indicated that the newly published novels are not engaging or appealing enough to be bought by a large audience. Additionally, it would be useful to include that science fiction is losing its prestige to the fantasy all over the world, including Azerbaijan. These results partially support earlier articles that describe science fiction as an unpopular genre in Azerbaijan in the XXI century, whereas this research claims that there are readable works, which need for more advancement.

Keywords: science fiction, fantasy, Azerbaijan literature, XXI century national literature

Introduction

Science fiction, abbreviation SF or sci-fi, a form of fiction that deals principally with the impact of actual or imagined science upon society or individuals. By the beginning of the 20th century, an array of standard science fiction “sets” had developed around certain themes, among them space travel, robots, alien beings, and time travel [19]. “Science fiction was found to be international, with science fiction creators originating in different countries and writing in a host of different languages.” [22] While talking about science fiction at the end of the 19th and early 20th centuries, it is important to mention “The Fathers of Science Fiction” – Jules Verne in the French, Edgar Allan Poe in American, and Herbert Wells in English literatures. Their translated masterpieces like “Twenty Thousand Leagues under

the Seas”, “The Unparalleled Adventures of One Hans Pfaal”, “The Time Machin” influence all generations, including old and modern Azerbaijanis.

Docent at the Azerbaijan University of Languages Aybeniz Ismayilova states in her landmark book “The XX Century English Literature” [11. P. 266]: “Science fiction is a genre of fiction in which the stories often tell about science and technology of the future. Science fiction texts are often set in the future, in space, in a different world, in a different universe or dimension.” This genre is based on fantastic assumptions in the field of science, including both exact and natural sciences. As it is observed, science fiction is one of the youngest genres and since the late 1940s; it has become by far the most popular all over the world.

To gain an understanding of XX century Azerbaijan literature, one must bear in mind the colonial condition of Azerbaijan under the Soviet empire. As in the majority of the nations of the Russian Empire, the influence of the northern neighbors in Azerbaijani literary and cultural life is undeniable. Therefore, it should be noted that at that time the Soviet fantasy and science fiction was more developed between the 1930s and 1980s, exhibiting in various art spheres and did not go beyond the Azerbaijani literature [2. P. 4]. “...the Soviet Union, with its political control of publishing through the Writers Union, there was, nevertheless, a thriving science-fiction community in which the Strugatsky brothers, Arkady and Boris, bestrode the landscape as Lem did in Poland, and published their imaginative fictions with intimations of antigovernment position” [9].

As it turned out, Azerbaijani science fiction writers were inspired by the writers of the Soviet Union and mostly followed their style and way. Literary critic A. Abilov [1. P. 183] fairly emphasized that Azerbaijan SF was so much connected to and dependent on Russian SF that even the word “science-fiction” inaccurately had been translated into Russian as “nauchnaya fantastika” has also led to Azerbaijani translation as “elmi-fantastika”, not “elmi-uydurma”. At that time, science fiction works have been published in popular USSR science magazines such as “Science and Life”, “Around the World”, “Technique – Youth” where we can encounter Azerbaijani writers’ short science fiction stories translated in Russian, as well.

Academician M. Jafarov was the first initiator who discussed science fiction genre in Azerbaijan literary criticism. In 1952, he emphasized an important influence on the perception and acceptance of science fiction novels in the development of creative imagination in children in his article called “Significance of Science Fiction in Children Education” (1952): “Science fiction plays an important role in the sustained social life and is cognitively beneficial which is necessary for humans and help them not only in childhood but also throughout their lifetime in their interpretation and support of scientific endeavors”. Thus, almost all scientists admit getting inspiration from science fiction novels and stories they read in their childhood.

During 28 years of Azerbaijan independence, great attention and sources were allocated to the improvement of native literature and translation of foreign novels. “World Anthology of Fantasy” was published in 2007 by professor Zeydulla Aghayev who put great services in its publication and promotion. Based on the Azerbaijan Republic President Ilham Aliyev’s order “Publication of Outstanding Literature Representatives’ Works in Azerbaijani Language” [6], the “Anthology of World Science-Fiction Literature” (in two volumes) was published during 2013–2014.

As stated by I. Sariyeva [17], “since the independence of Azerbaijan, works in science fiction genre are less encountered. Although there were a lot of novels, short stories on that genre back in the 1970s, now, for authors, it has become hard to write and even harder to find readers.”

In this research, a leading problem in today’s national science fiction and its current position in Azerbaijani literature will be investigated. The purpose of this research is to explore the reason of unpopularity of modern science fiction works among readers in Azerbaijan compared to the XX century. The research undertakes a comparative analysis of the publication number of contemporary young science fiction writers (Nurlan Guliyeva, Farid Huseynli, Farhad Mamadov, Lala Hasanova, Reyhan Yusufgizi) with the ones (Emin Mahmudov, Namig Abdullayev, Ibrahim Huseynov, Elmira Zamanova) of the Soviet period (1950–1980). Abovementioned modern science fiction writers could present fascinating and compelling stories and their works are even welcomed in neighborhood countries (Turkey, Russia, the USA) [10]. However, they face difficulties in the mass promotion and broad readers in the motherland. As a result, only limited editions are found in some bookshops, which lead to the diminution of readers' amount.

Theoretical framework and literature review

The first example of the science fiction genre in Azerbaijani literature was Yusif Vazir Chamanzaminli’s “Future City” story, written in 1933. Starting from the 1950s, the Azerbaijani reader welcomed both national and foreign science fiction novels and short stories in translation enthusiastically. Some of the writers wrote in Russian for the broad auditory, like Yevgeni Voyskunsky, Genrikh Altov, Paul Amnuél, Isay Lukodyanov and, of course, Maksud Ibrahimbayov. According to the literary critic Aydinkhan Abilov, that was due to more than 200 million readers at that time [1. P. 183]. P. Amnuel (2005) who lives in Jerusalem now stated in his personal site: “After the 1960s the number of science fiction writers per population in Baku were much more compared to Moscow and Leningrad. Even Baku was the second popular city in the USSR after Moscow for publishing and selling that kind of novels at that time.”

In 1964, Azerbaijan science fiction writers’ works were published in the collection named “Formula of the Impossibility”, professionally translated into Russian by Rafail Bakhtamov, under the guidance of Yevgeni Voyskunsky. The latter was a chairman of Azerbaijan science fiction writers’ union at that time and due to his initiative novels of such writers like Stanislaw Lem, Isaac Asimov, Ray Bradbury were translated into Azerbaijani as well. In that collection, along with Jewish and Russian-born SF writers’, two Azerbaijani writers’ – Emin Mahmudov’s and Novruz Ganjali’s novels were included in that collection. Emin Mahmudov himself, along with Genrikh Altov, was a member of science fiction writers’ union of Azerbaijan in the 1960s [3. P. 76]. The second, “These Amazing Stars” came out with a circulation of 200,000 copies, and the third collection – “The Pole of Risk” was published in 1970. The demand for those books was huge till 1985.

The names of two prominent writers in this genre who wrote in Azerbaijani should be mentioned in national literature with the big letters are Namig Abdullayev and Emin Mahmudov. During 1955–1970, Namig Abdullayev (“The Magic

Boy”, “Adventures of Little Cyber”, “The Night Lights”, “The Walking Wife”) and Emin Mahmudov (“Space Ship”, “The Sky of the Venus is in the Fire”, “Phenomenon”, “Formula of Impossibility”, “Symphony”, “Pills from the Cloud”) [15] presented their works to the large auditory. Ahmed Khaspoladov, Huseyn Ibrahimov, Gabil Ahmadov, Elmira Zamanova, Allahverdi Eminov [18] referred to science fiction genre in some works, as well. Analyzing almost all Soviet period articles, it is clear that both literary critics and writers somehow confused the notion “fantasy”, “artistic fiction” and “science fiction”. In his article “Life and Fantasy” E. Mahmudov (1964) explained that ‘it was hard for writers to predict some technological ideas as high tech is realizing faster than books are published. Therefore, the best way to attract readers’ attention was “depicting voyages in undiscovered space.”

Through conducted research at Azerbaijan National Library, it appeared that, indeed, there are young writers come along every year with amazing works: Lala Hasanova, Reyhan Yusifgizi, Nurlan Guliyeva, Farid Huseynli, Farhad Mammadov.

Since 1994, there are well-written novels, short stories published by talented young writers. “War of Times”, “Elects of Heavens”, “Murderer Chupacabra”, “Secrets of Underwater Caspian”, “Seven Envoys”, “Exiles of Heavens” and “Masters of Heavens”, “Collision”, “Selected Skies” by Lala Hasanova (Elizabeth Tudor) were published in Russian in the USA. Jewish-Azerbaijani origin Elizabeth Tudor is a science fiction, horror, mystery and adventure writer and her books can be bought in Amazon.com. Although she is a successful writer and a member of Azerbaijan Writers' Union since 2002, her works can be found almost none of the bookshops.

Reyhan Yusifgizi’s science fiction novel “The Green-Eyed Girl” was a laureate of a children’s book competition in Turkey in 2009 and published in Ankara. The “Captives of Time” science fiction novel also won the sympathy of the broader readers in 2014 where. Her work “My Friend Mimi” appeared to be the bestseller child science fiction book, according to “Uc Alma” (There Apples) publishing house.

Farhad Mammadov, young science-fiction, horror author published “The Neutron Project”, “Ten Years in the Cellars”, “Sundowning Diary”, “Project Bolero”.

Nurlan Guliyeva’s “The Mysterious Universe”, Farid Huseynli’s, “The Tears of the Time” science-fiction novels were newly published, but not so well promoted.

Many articles have been written focusing on local SF authors and works. Majority of them are devoted to the Soviet period works and there is almost nothing on modern ones.

E. Mahmudov (1964) and M. Jafarov (1952) fairly acknowledged that science fiction novels had a great impact in children’s development and strongly advised to promote this genre in the schools even 50 years ago in the 1960–1980s. A. Abilov (2004), G. Ahmadova (2014) gave a clear description of science fiction genre, depicted its history, named some nationally prominent writers of the Soviet period and stated problems in the modern literature. Ahmadova together with R. Omarov (2003) and R. Soltanova (2010) dedicated their whole thesis to the investigation of this genre, praising national writers and compared them with world colleagues. I. Sariyeva (2017) and P. Amnuel (2005) wrote an article about old and modern SF in Azerbaijan and claimed that nowadays it is in its critical point. Fo-

reign journalist Awet (2016) carries the same idea and insists that SF is not for the XXI century. None of them investigated the real problem of a small number of new writers and unpopularity of their works for the last 20 years.

Another research was done by Z. Aghayev (2007) who conducted research of American SF authors, translated some works and published a book including Azerbaijani writer Namig Abdullayev's "Flower of the Far World". V. Ismayilov (2015) and website of Elizabeth Tudor can give us some information on new local successful writers. A. Ismayilova (2014) allocated one chapter to world SF in her landmark book. Foreign authors like D. D'Amassa (2005) and B. Sterling (2018) gave vast information about this genre and their work can be extremely useful for scholars. All of these prior studies indicated the same that SF genre is vitally important for all generations and there are some classical SF works that should be read by everyone. All in all, none of the articles published till now, mentioned about the state of modern science fiction genre and the reasons for their unpopularity among the youth.

Methodology

The aim of this study is to find out the actual condition of modern science fiction in native literature. For this analysis, both quantitative content and qualitative thematic analysis were carried. The research question is, "Why has Sci-Fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990?" The hypothesis is that – although there is some amount of works in this genre, they are not well promoted to the large auditory. The new generation does not have any fascination with it, because neither libraries nor schools or mass media advertise them.

A short survey (eleven questions) was designed to gather information about whether people were aware of science fiction, how often people read science fiction, their preference (national or foreign science fiction), etc. To this purpose, the survey included multiple questions on writers and their works. The survey questions were both closed, employing 5-point Likert-type scales, and open-ended questions prompting free text responses. The survey was written in Azerbaijani and English using Google Form and participants answered the questions online. It was launched during January 2019 and the number of volunteers was one hundred. All respondents volunteered to participate; they were given a written information sheet about the research. None of the personal questions were asked and anonymity was ensured.

Data collection consisted of several interviews of literary critics and experts as well as bookshop representatives. Interviewers are professors Gorkhmaz Guliyev, Naila Sadigova, Shahin Khalili, Docent Gabil Ahmadov from Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan University, Baku State University, representatives of publishing houses and bookshops "Ali and Nino", "Uc Alma", "Chirag", "Ganun", "Kitabkhananet") and literary critic Aydinkhan Abilov. The aim of the interview was to seek answers to the following questions:

1. What is the genre preference of modern readers?
2. What kind of science fiction books do you have in your bookshop?
3. Do you have any modern science fiction writers' works in your shop?
4. Why do people buy and read less science fiction works nowadays?

For this research, seven school literature textbooks were analyzed as social artifacts. It is a very effective method to view problems from different perspectives to arrive at real solutions that may be helpful and appropriate in the local case. The limitations are: the findings are not suitable for generalization since this investigation concerns only one literature genre and due to the limited time, it was possible to contact several bookshops and interview few experts. Online survey respondents were also limited and can not reflect an attitude of a broader segment of an Azerbaijani population who are not regular users of the Internet or are not followers of social media. That is why the results cannot be determined whether the science fiction genre is unpopular in all Azerbaijan regions or among modern generation.

Results

The units of analysis in this research paper is individual people – readers. Thus, a survey questionnaire has been administered to collect original data for describing people’s interest and preference in reading. Conducted nonprobability sampling was sufficient vehicle for measuring reading habits and awareness of SF genre. As the survey closed, a total of 100 survey responses were collected. The questions were not mandatory, so there are variations in response numbers, as shown in the figures.

The survey demonstrated that people were aware of the science fiction genre, although they are well acquainted with foreign samples. “Have you ever read science fiction stories?” (Figure 1) and “Do you prefer?” (Figure 2) present the following results.

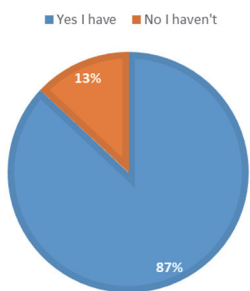

Figure 1. Have you ever read science fiction stories?

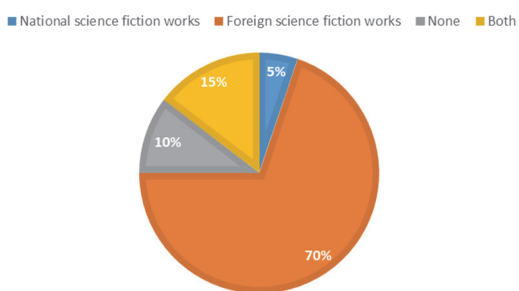

Figure 2. Do you prefer?

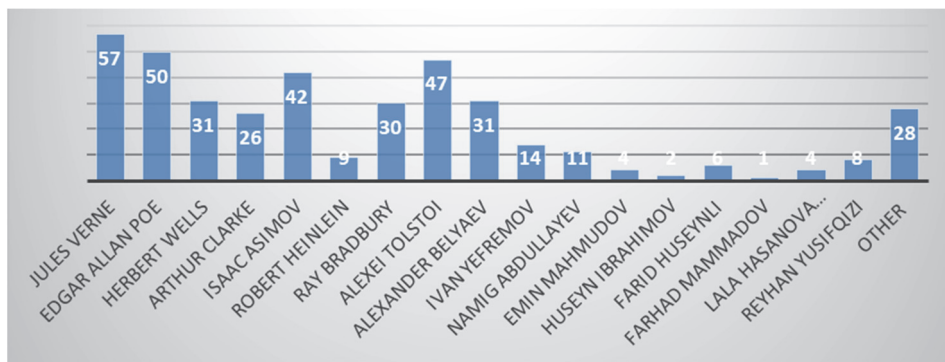

Figure 3. Which writers do you know?

There was a strong positive response to the question about awareness of this genre (87%). Responses to the question on preference (Figure 2) were against national SF (5%) and for foreign SF (70%) which is almost great. The following info (Figure 3) also correlates with Figure 2 and proves that respondents mostly know world classic SF writers.

One of the claims of the modern SF experts was that nowadays people not only in Azerbaijan, but all over the world prefer to watch SF movies rather than to read SF novels. As A. Roberts wrote: "...it seems clear that today the most groundbreaking, the most exciting and also the most popular SF takes the form of visual narrative. Was I bold enough to hazard prediction, it would be that this will increasingly become what SF is: cinema, TV, computer games (with an increasingly narrative component) and graphic novels" [16. P. 343]. Unfortunately, there isn't any new movies or programs based on newly published SF novels in national TVs. According to the survey results (Figure 4), it appeared that it is not the reason of unpopularity of national SF works, so that survey respondents prefer both to read and watch SF (48%).

Even in libraries, SF genre is not propagating properly, that Figure 5 can show.

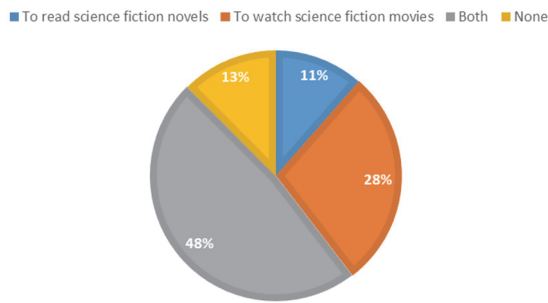

Figure 4. Do you like?

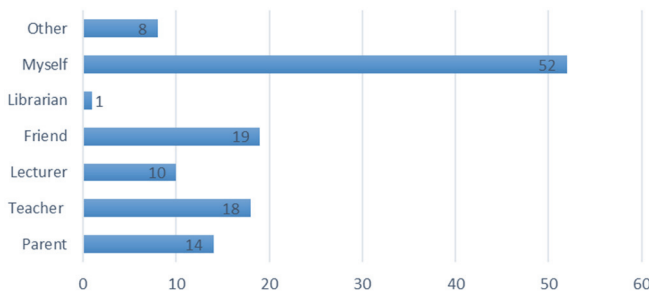

Figure 5. Who advise you to read SF books?

As it can be observed, respondents admitted that they themselves decided to read SF novels. Also, almost all respondents think that science fiction inspires scientific comprehension and opens the reader to the new ideas. This result correlates with the preliminary findings from an online survey conducted by Ch.B. Menadue and S. Jacups (2015) where there was a very positive response (92.7%) to the suggestion that sci-fi opens readers up to new ideas in general. From the same survey it is obvious that almost all (96.3%) respondents started reading science fiction

before age 20 which is interesting evidence that this genre is for development of mindset of youngsters.

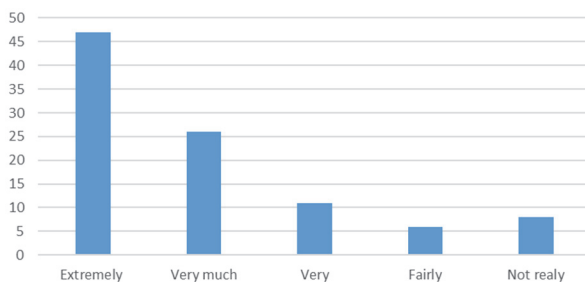

Figure 6. Do you think SF opens you up to new ideas?

There was a very strong positive response to the SF novels that had been adapted to the films like “Amphibian Man” (50%), “Star Wars” (31%), “War of the Worlds” (30%), “The Time Machine” (45%), “Invisible Man” (43%). The most known national works are “Tears of the Time” (Zamanın göz yaşları, 2017) (9%), “The Mysterious Universe” (Sırlı Kainat, 2010) (8%), “The Sky of the Venus is in the Fire” (Veneranın gözləyi od içindədir, 1960) (7%) and “My friend Mimi” (Dostum Mimi, 2017) (6%). It can also display that among four old and four modern national SF works, respondents have selected options with present time works.

There were two open-ended questions in the survey, where accumulated engrossing answers. One of them was “What is the main difference between national science fiction and foreign science fiction works?” with 14 answers. Some of them are interesting and would be useful for further research. One respondent wrote: “I think native writers' style is way much weaker than foreign writers. In the past, Azerbaijan had many prominent writers but today only a few of them left. I think their word choice and storyline are not so effective.” The other one is: “The main difference is that foreign science fiction works seem focused on more sophisticated technology-based stories than national science fiction works.” Most of the respondents praised foreign science fiction, explaining it as more credible, full of relating facts, complicated characters and details. It is for sure that world-famous SF novels cannot be compared with national. The main reason is “not having a strong high technological foundation and space exploration stations” as Z. Aghayev stated [2. P. 6].

The second open-ended question was “What would you advise our writers?” and collected 36 replies. “To develop their storylines and writing style. Especially our young writers are so excited about writing and publishing a book, so I think they do not spend much time on writing period”, “As for me, I want to see a science fiction work in Azerbaijan that I will like more than I like Professor Dowel's Head”, “I do not read local writers because I do not know them. If they advertise their work, I could read some of them”, “I would love them to be more seen or advertise their work so they can reach more people. Secondly, I'd advise to work on the sci-fi genre, write more, publish more”, “Write in a way that a reader starts to questions whether it can be real or not; not like it is not real that's it! In order words, I suggest being more convincing”, “To be aware of the science of the predictions

they make in the stories. Because while you may think that SF stories are only meant to engage public, however, it sometimes may open eyes of the scientific community for creativity and be useful for possible future discoveries” are some amazing pieces of advice for local writers. All in all, responses show that people are not acquainted with modern SF books at all.

The face-to-face interviewing was another method of collecting data for this research. Experts, professors of world literature and people who are in this field more than 50 years were addressed with one question: How do you evaluate modern science fiction in Azerbaijan?

According to the Doctor of Philological Sciences, one of the first world science fiction researchers in Azerbaijan, who published “Modern American Science Fiction. Problems of the Method and the Genre (based on the works of A. Azimov, R. Bradbury, C. Simak)” Prof. Naila Sadigova: “Science fiction genre is perceptive and insightful creation that requires a great deal of research, innovation, and imagination. I consider that SF is for intellectuals and it is very popular among clever young people. Unfortunately, most of the modern writers prefer not to bother themselves with science and write only fantasy, love stories, and soap operas” (personal communication, November 5, 2018).

Doctor of Philological Sciences, Prof. Gorkhalmaz Guliyev (personal communication, December 27, 2018) admitted that he used to read science fiction stories enthusiastically and followed all new publications. Unfortunately, it lost its actuality, prestige, interest and gave way to the fantasy not only in Azerbaijan but also over the world. XXI century is not the best time for SF. Supporting Prof. Guliyev’s claim, it appeared that “the magazines, from the venerable *Fantasy and Science Fiction* to the once-dominant *Isaac Asimov’s Science Fiction Magazine* are at astonishingly low circulation levels” [8]. “That dominance has been challenged during the last few years by the increasing popularity of fantasy fiction” [7. P. 5]. In order to prove this claim, one example can be given as well. One of the often visited book cafes in Baku Libraff allocated two sections full of fantasy books whereas there were only three world science fiction novels (“*The Time Machine*”, *Collection of Selected Works by Isaac Asimov*, and “*My friend Mimi*”) and two anthologies that were mentioned above.

As stated by Doctor of Philological Sciences, Prof. Shahin Khalili (personal communication, November 6, 2018), great American writer Isaac Asimov’s parent was a Jewish from “Red Town” municipality in Guba district of Azerbaijan. Even Isaac Asimov confirmed that fact in his dialogue with the professor Zeydulla Ag-hayev in 1989. But unfortunately, no one could prove it and present it to a mass audience. Connecting this claim, he said that “including Isaac Asimov, there were and are eminent writers of science fiction in Azerbaijan. The matter is only in propagating them and moving forward.”

Docent Gabil Ahmadov, who can be considered two generations’ science fiction writer and researcher, was purposefully interviewed (personal communication, January 4, 2019). He could give a clear picture of the old and modern SF in Azerbaijan literature. While complaining about neglect both to this genre and him, he mentioned that no one wants to deal with or learn it. The main reason, as he sees, is lack of promotion of this genre by the state. He expressed that although he wrote

several books in science fiction genre, none of them was included to the program at the Baku State University. Students simply do not know about the existence of those works. According to Ahmadov, he took courses in various developed countries and in all of them he encountered that science fiction novels had been included in the curriculum. It would be useful to mention Gabil Ahmadov's some works that he wrote before and after independence: "2143" (2010), "The Sky of the Venus is Getting Blue" (1992), "Guest from the Alien World" (1987), "The Worlds Communicate" (1987). His wife, doctor of philosophy Gulsum Ahmadova defeated her thesis on "Traditions of Science Fiction Genre in Azerbaijan Genre" (2014).

According to the words of virtual library "Kitabxanenet" founder and literary critic Aydinkhan Abilov (personal communication, November 8, 2018) last 20 years Azerbaijanis do not read science fiction and it is difficult to find national literature about distant space travel, invasion of alien civilizations, cosmic mind, and so on in the libraries. The main reason for that is the school and social media. As the writer and journalist mentioned, in recent years, schoolchildren don't have a lesson called "astronomy" and space ideas are not promoted in the school curriculums. There is not any single program or intellectual show about space, astronomy, and astrophysics on TVs. Neither television nor other media pay any particular attention to this field. To support Mr. Abilov, as the research artifacts, seven school literature textbooks (from year 5 to year 11) and chrestomathy were observed. It appeared to be that there is not any science fiction work or information of writers in this genre. Even in the textbook vocabulary, there is not an explanation of "science fiction" word or any note about it. Only in the textbook of year 5, the author advised reading "World Anthology of Fantasy" (2007) as an extracurricular reading. That is all school children can get about this genre from the literature lesson for 7 years. All these factors greatly influence the new generation and as a result, today, the science fiction genre is completely exhausted in national literature.

Well-known and prominent bookshops and publishing houses were interviewed via telephone. One of the biggest publishing houses representative Ms. Mehriban (Ganun Publishing House, personal communication, December 28, 2018) could clearly describe Azerbaijani readers' preferences and interests during the last five years. She informed that during book fairs people prefer to buy detective, psychological and self-developing books. People less and less chose classics or scientific books. Although teenagers and the youth are enthusiastic to buy books, they prefer foreign authors. "The main reason can be persuasiveness and modernity in them" as stated Mr. Mehriban.

"Kitabevim" (personal communication, December 28, 2018) book market representative admitted that science fiction books are less bought and the main reason is weak promotion of them. In spite of that, on their own initiative, Reyhan Yusifgizi and Farhad Mammadov could present their stories in the book market.

A representative of "Ali and Nino" book store Nihat Shahverdizade (personal communication, January 17, 2019) surprised informing that people buy science fiction books if they are foreign classic SF novels. Their bestseller books are "Solaris", "I, Robot" and "Flowers for Algernon" and the main reason can be considered their writing style which easily convinces the reader. None of the modern SF writers are being sold in their shops.

Discussions

The collected data from the survey and interviews strongly indicate that nowadays science fiction works are less being created and sold compared to old times and there are various reasons. Some of them can be eliminated and some of them are inescapable.

It appeared that there are several forward-looking science fiction writers in modern national literature. Comparing the state of old SF with new, it is obvious that the government financially supported and published collections of various stories. Collections short stories of national writers were distributed in all school libraries for out-of-class reading. Also, meetings of SF writers were constantly organized whereas none of abovementioned is applied nowadays.

Some researchers think that in XXI century science fiction writers cannot catch up with the technology. High technology is one step forward as science fiction novel publishes with the new idea. “The world is changing too quickly that the attempt to predict the future will already make the book obsolete by its publication date. To acknowledge this without confronting the difficulty, science fiction represented the inaccessible future as the technological singularity – the eventual merging of technology and biology” [5].

For the future development of the abovementioned genre, Azerbaijan needs to educate and train a generation of enthusiastic people who are ready to work and investigate in the space age. We must continue with the simplest, that is, with the translation of books by famous science fiction writers, such as Isaac Asimov, Artur Klark, Robert Heinlein, Ray Bradbury. This fascinating literature will definitely attract the attention of young people. The second is the promotion of already written national science fiction works. Those works and genre itself should be included in school textbooks. The third way is visual – some movies and TV programs should be created and demonstrated regularly.

Conclusion

The present study strongly supports the concept that the science fiction genre is very important with its new ideas, novel thoughts and methods and both writers and Azerbaijan Writers Union should do their best to promote this genre in Azerbaijan. Conducted survey and interviews could give a clear picture of today's SF in Azerbaijan. Firstly, modern generation knows a lot about world SF writers and novels and need to get acquainted with national novels in the school/university/library, on TV programs and newspapers constantly. Here we should include both classic and modern SF works, so that survey showed none of them are well-known to the large audience. However, all expressed willingness to read compelling local SF works.

Secondly, some experts in this field condemned modern authors in poor writing style, deficient ideas and advised them to work hard on their technique. It was also mentioned that the XXI century is not for SF, rather than for fantasy and memoirs. The results indicate that SF genre itself is not popular, while people prefer to read famous foreign rather than local works. The present research examined only a few aspects of investigation to find out the reasons of the unpopularity of SF.

Overall, this data suggests that several young writers presented interesting and attractive novels in science fiction for both elders and children during independence. They should be advertised and promoted as much as possible.

Acknowledgment. I would like to express my gratitude to the US Embassy Baku and ADA University for launching a one-year project on “Strengthening Research Capacities and Building International Partnership” aimed at enhancing research potential of Azerbaijan and building academic partnerships with U.S. Universities. I would like to thank my family who provided me with moral support and continuous encouragement. Thank you.

References

- [1] Abilov, A. (2004). Fiction Fantasy: The hidden layer of Azerbaijan Literature [Bədii fantastika: Azərbaycan ədəbiyyatının gizli qatı]. *Azerbaijan*, 3, 182–196.
- [2] Aghayev, Z. (2007). Boundless human intelligence [İnsan zəkasının hüdudsuzluğu]. *World Anthology of Fantasy [Dünya Fantastika Antologiyası]* (pp. 4–11). Baku, East-West Publ.
- [3] Ahmadova, G. (2014). Ways of development of science fiction in Azerbaijan for the last half-century. *Philological sciences*, (2–8), 76.
- [4] Amnuel, P. (2005, April 26). *Those glorious sixties*. Retrieved from <https://amnuel.livejournal.com/5760.html> (accessed: 09.12.2018).
- [5] Awet. (2016). The Decline of Science Fiction. *Aesthetics, History of Ideas, Literature, Philosophy*. Retrieved from <http://www.hyperboreans.com/heterodoxia/?p=1295> (accessed: 10.12.2018).
- [6] Publication of Outstanding Literature Representatives’ Works in Azerbaijani Language, İlham Aliyev’s order No. 2354. (2007, August 25). *Azerbaijan journal*.
- [7] D’Amassa, D. (2005). *Encyclopedia of science fiction*. New York.
- [8] Fantasy & Science Fiction. (2019). Retrieved from <https://www.sfsite.com/fsf/blog/forum/topic.php?id=1170071> (accessed: 26.01.2019).
- [9] Gunn, J. (2010, May–June). Science fiction around the world. *World Literature Today*, 84(3), 27–29.
- [10] Ismayilov, V. (2015, January 28). *An Azerbaijani woman who conquered Russian literature [Rusiya ədəbiyyatını fəth edən azərbaycanlı qadın]*. Retrieved from <https://archive.is/Yt9vi#selection-593.0-593.48> (accessed: 21.12.2018).
- [11] Ismayilova, A. (2014). Science fiction genre. *The XX century English Literature*. Baku: Mutarjim Publ.
- [12] Jafarov, M. (1952). The significance of science fiction works in children’s education [Uşaqların tərbiyəsində elmi fantastik əsərlərin əhəmiyyəti]. *Revolution and Culture*, 9, 128–143.
- [13] Mahmudov, E. (1964) Life and Fantasy. *Literature and art [Ədəbiyyat və incəsənət. Həyat və fantastika]*.
- [14] Menadue, Ch., & Jacups, S. (2018, April – June). Who reads science fiction and fantasy, and how do they feel about science? Preliminary findings from an online survey. *SAGE Open*, 1–12
- [15] Omarov, R. (2003). *Science fiction in the US and Azerbaijan literature (based on Isaac Asimov’s and Emin Mahmudov’s works) [XX əsr ABŞ və Azərbaycan ədəbiyyatında elmi-fantastik janr Ayzek Azimov və Emin Mahmudovun yaradıcılığı əsasında]* (PhD thesis) (p. 22). Baku.
- [16] Roberts, A. (2006). *The History of Science fiction*. Macmillan, New York.
- [17] Sariyeva, I. (2017). In our contemporary literature, the science-fiction genre crisis continues [Müasir ədəbiyyatımızda elmi-fantastik janr böhranı davam edir]. *Azerbaijan In-*

- formation Centre. Retrieved from <http://azim.az/edebiyat/3500-muasir-dbiyyatimizda-elmi-fantastik-janr-bohrani-davam-edir.html> (accessed: 01.12.2018).
- [18] Soltanova, R. (2010). *Science fiction genre in Azerbaijan literature [Azərbaycan ədəbiyyatında elmi-fantastik janr]* (PhD thesis) (p. 27). Baku.
- [19] Sterling, B. (2018). *Science fiction: Literature and Performance*. Retrieved from <https://www.britannica.com/art/science-fiction> (accessed: 21.11.2018).
- [20] Thomas, P.L. (2013). *Science Fiction and Speculative Fiction: Challenging Genres*. Furman University, Greenville, USA.
- [21] Tudor Elizabeth. Retrieved from <http://elizabeth-tudor.com/products.php> (accessed: 21.11.2018).
- [22] Wells, E. (2013). Science fiction as a worldwide phenomenon: A study of International creation, consumption and dissemination. *COINs13 – 4th International Conference on Collaborative Innovation Networks, August 12–14, 2013, Santiago de Chile, Chile*. Retrieved from <https://ui.adsabs.harvard.edu/abs/2013arXiv1308.1292W/abstract> (accessed: 26.01.2019).

Article history:

Received: 2 November 2019

Revised: 15 November 2019

Accepted: 1 December 2019

For citation:

Alasgarova, G. (2020). Why has sci-fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 68–81. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-68-81>

Bio note:

Gunel Alasgarova, Candidate of PhD of World Literature, Baku Engineering University; teacher, Oxbridge Academy. E-mail: gunel_i@yahoo.com

Научная статья

Почему научно-фантастическая литература потеряла свою популярность в Азербайджане после 1990 года?

Г. Аласгарова

Бакинский инженерный университет
Азербайджанская Республика, AZ0102, Хырдалан, ул. Гасана Алиева, 120

В статье рассматриваются причины, по которым научно-фантастические произведения в последние десятилетия не пользуются популярностью в Азербайджане. Цель данного исследования – определить, что приводит к непопулярности жанра в обществе: недостаток научно-фантастических романов на рынке или низкое качество современных произведений. Методы сбора данных заключались в проведении опроса населения и нескольких интервью с экспертами по литературе. Поиски научно-фантастических произведений проводились в библиотеках и книжных магазинах, также на предмет наличия произведений данного жанра были изучены школьные учебники литературы. В ходе

опроса были выявлены причины непопулярности научной фантастики и их зависимость от авторов, произведений, библиотек и книжных магазинов. Результаты опроса показывают, что люди все еще читают и вовлечены в этот жанр, но больше предпочитают мировую классику, а не национальную. Выяснилось, что в современной азербайджанской литературе достаточно книг в жанре научной фантастики, которые должным образом не продвигаются книжными магазинами, социальными сетями, телевизионными программами или школьными учебниками. В то же время эксперты в этой области отметили, что недавно опубликованные романы недостаточно привлекательны, чтобы покупаться большой аудиторией. Кроме того, было бы полезно отметить, что научная фантастика теряет свой престиж перед фантастикой во всем мире, в том числе и в Азербайджане. Эти результаты частично подтверждают более ранние статьи, которые описывают научную фантастику как непопулярный жанр в Азербайджане в XXI веке, в то время как настоящее исследование утверждает, что есть читаемые произведения, которые нуждаются в большем продвижении.

Ключевые слова: научная фантастика, фэнтези, азербайджанская литература, национальная литература XXI века

Благодарности. Выражаю признательность Посольству США в Баку и Университету ADA за запуск годичного проекта «Укрепление исследовательского потенциала и построение международного партнерства», направленного на повышение исследовательского потенциала Азербайджана и налаживание академического партнерства с университетами США. Благодарю свою семью, которая оказала мне моральную поддержку и постоянное поощрение. Спасибо.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 ноября 2019

Дата принятия к печати: 1 декабря 2019

Для цитирования:

Alasgarova G. Why has sci-fi literature lost its popularity in Azerbaijan after 1990? (Почему научно-фантастическая литература потеряла свою популярность в Азербайджане после 1990 года?) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 68–81. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-68-81>

Сведения об авторе:

Аласгарова Гюнель, кандидат филологических наук, Бакинский инженерный университет; преподаватель, Академия Оксбридж. E-mail: gunel_i@yahoo.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90
УДК 821.161.1

Научная статья

Хунхуз в литературной рецепции

Линь Гуаньцюн, Н.М. Солнцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Благородный разбойник – один из архетипов в мировой художественной литературе. Хунхуз – восточный вариант образа благородного разбойника. Как и его аналог в европейской литературе, он выразил неоднозначность, амбивалентность человеческой природы. В отличие от героев Ф. Шиллера, А.С. Пушкина и других, образ хунхуза менее всего отмечен романтическими чертами. В прозе русских писателей-эмигрантов харбинской диаспоры он выразитель китайской ментальности; на него спроецирована специфика ориентализма, и вместе с тем его образ предельно объективен, что прежде всего характеризует прозу П.В. Шкуркина – автора этнографической прозы о разбойниках пограничной зоны российского Дальнего Востока, Маньчжурии, Кореи и Монголии. Контекст составляют произведения Ши Найяня, Пушкина, Шиллера, английского фольклора и т. д. Сопоставительный анализ позволяет выявить индивидуальные черты художественного восприятия хунхузничества Шкуркиным. Доказывается, что интерпретация Шкуркиным хунхуза близка образу разбойника в китайской, английской, немецкой литературе, а также в русской литературе XIX–XX вв.

Ключевые слова: амбивалентность, благородный разбойник, Китай, харбинская эмиграция, хунхуз

Введение

Хунхузы – своеобразные банды, которые существовали в пограничной зоне российского Дальнего Востока, Маньчжурии, Кореи и Монголии во второй половине XIX в. – первой половине XX в. Л.И. Бородавский дал им такую характеристику: «Хунхузы или хун-хуцзы (то есть краснобородые) <...> китайские бродяги и скитальцы, бежавшие от китайского правосудия или произвола китайских властей и добывающие себе средства к существованию путем грабежей и разбоев» [1. С. 778]. Русские писатели дальневосточной эмиграции («Черный капитан» Н.А. Байкова, 1901–1910; «В плену у хунхузов» И.П. Штейнберга, 2005; «Зеленый легион» Б.М. Юльского, 2011) и русские востоковеды (например, «Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке» Д.В. Ершова, 2010), описывая хунхузничество, акцентировали внимание на преступлениях. Лексема «хунхузы» часто ассо-

цируется с представлением о злодеях, чьи поступки составляют угрозу власти и народу.

Творчество П.В. Шкуркина

П.В. Шкуркин, писатель и синолог, также посвятил свою прозу столь яркому явлению в истории Китая, но, на наш взгляд, его художественное и этнографического осмысления хунхузничества глубже произведений Байкова, Штейнберга, Юльского; его рассказы, как справедливо резюмирует Е.В. Мерышкина, «привносят некое новое более многогранное видение хунхузов и их сообществ» [2. С. 178]. В предисловии к сборнику рассказов «Хунхузы» автор настаивал на том, что в характерах хунхузов проявляется «жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства», но вместе с тем они руководствуются критерием чести, они верны своему слову, они по-своему честны, они рыцари по отношению к женщинам; читатель рассказов не увидит в них «подлости и предательства» [3. С. 483]. В рассказах Шкуркина сделан акцент на противопоставлении банд, погрязших в необоснованной жестокости, и банд, преследующих высокие моральные принципы и сопротивляющихся властям во имя справедливости. Шкуркин – реалист, он отразил амбивалентность хунхуза как психотипа китайской действительности.

В ряде рассказов очевидны такие характеристики хунхузов, как алчность, корысть, безразличие к страданиям их жертв, грубость; пленники для них – источник наживы; убийства и грабежи составляют их образ жизни. Так, в «Отплате» хунхузы пленяют сына богатого казака; отец мальчика вместо выкупа кладет в пакет бумагу. Кульминация рассказа – эпизод, в котором казаки видят казненного хунхузами мальчика. В «Серьгах» хунхуз Чжан нарушает кодекс чести – вырывает у женщины серьги вместе с мочками. Однако в большинстве рассказов подчеркнута милосердие, великодушие, благодарность хунхузов, их деятельность регламентирована строгими нравственными правилами, а представления о добре конкретизированы. Например, между хунхузами есть поверье: «<...> если ты без крайней необходимости, то есть не в честном бою, убьешь человека, то и сам будешь убит; жизнь за жизнь – неизбежный закон» [3. С. 509]. В рассказе «Старая хлеб-соль» главарь шайки хунхузов отпускает плененного русского – в прошлом своего благодетеля – и расстреливает хунхуза, который отобрал у пленного часы. В «Маньчжурском князьке» герой Хань Сяо-цзунь во время Японско-китайской войны (1894–1895) «скорбит своим китайским сердцем о неудачах наших [китайских. – Л.Г.] войск» [3. С. 535] и направляет триста хунхузов в помощь китайскому правительственному войску, что говорит о проявлении подлинного, действенного патриотизма, о благородстве разбойников в военное время. Шкуркин исходит из тезы «Хунхуз хунхузу – рознь» [3. С. 493], он различает их по нравственным и поведенческим особенностям. Благородство природы проявляют в основном хунхузы-главари («Отплата», «Старая хлеб-соль», «Как я сделался хунхузом», «Награда», «Маньчжурский князек»). Итак, хунхуз в рассказах Шкуркина неоднозначен, что отвечает реалистическому взгляду на природу человека.

Литературная традиция

Рассматривая тип хунхуза в изображении Шкуркина, мы учитываем контекст, сложившийся в литературе Китая, России, Западной Европы. Назовем наиболее репрезентативные произведения.

В Китае было опубликовано немало произведений о разбойниках (например, 杨书案 (Ян Шу-ань): «九月菊» («Хризантемы в сентябре»), 1981; 冲天将军 («Небывалый генерал»), 1984; 长安恨 («Досадный случай в Чанъане»), 1985; 姚雪垠 (Яо Сюэинь): 长夜 («Долгая ночь»), 1981; 萧军 (Сяо Цзюнь): 第三代 («Третье поколение»), 1983; 百里黑夫 (Байлихэйфу): 东北匪事 («О разбойниках на Северо-Востоке»), 2010; 单田芳 (Шань Тяньфан), 单瑞林 (Шань Жуйлинь): 乱世枭雄 («Герой смутного времени», 2012), но наиболее известен один из четырех китайских классических романов – «Речные заводы» (XIV в.) Ши Найяня, первый роман в жанре уся (своеобразный китайский героико-приключенческий роман).

Повествование в «Речных заводах» основано на народных сказаниях о подвигах и приключениях ста восьми благородных разбойников – повстанцев из лагеря Сун Цзяна на Ляншаньбо (зона в провинции Шаньдун) в правление восьмого императора династии Сун – Хуэй-цзуна (1100–1126). Описанная история трагична. Авторская характеристика повстанцев особенно выражена в сюжете и поведенческих характеристиках. Сун Цзян и другие повстанцы – люди чести, они храбры, верны кодексу братства. В романе Сун Цзян представлен под прозвищем «Благодатный дождь», что символично: как другие сто семь благородных разбойников, он бескорыстно помогает бедным людям. В начале сюжета местный судебный секретарь Сун Цзян дает проститутке Янь Поси деньги, чтобы она смогла похоронить своего отца. В знак благодарности ее мать дарит герою свою дочь, так Янь Поси становится его наложницей. Но Сун Цзян убивает Янь Поси, причина этого поступка в следующем: ей стало известно о том, что Сун Цзян предупредил своего побратима Чао Гаю о его аресте правительственными войсками за совершенное преступление. Этот случай – поворотный в сюжете: Сун Цзян вынужден бежать, он становится разбойником. Отметим, что уже в литературе XIV в. герой-разбойник показан неоднозначно, его искренний порыв помочь страждущему выявляет его благородство и жестокость, пренебрежение к женщинам. Мы соотносим описанную ситуацию с рассказом «Как я сделался хунхузом» из сборника «Хунхузы» Шкуркина. В обоих текстах выбор героями пути разбойника обусловлен преступлением – убийством. Обстоятельства, спровоцированные волей героев, моделируют их дальнейшую судьбу. Мы не располагаем данными, был ли роман «Речные заводы» известен Шкуркину, но очевидно, что и в произведении XIV в., и в рассказах русского синолога XX в. характер китайского благородного разбойника представлен как сложное явление в истории и культуре Китая.

Дальнейшее развитие образа хунхуза и в целом темы хунхузничества претерпело коррективы. Хотя группа повстанцев Сун Цзяна выступает про-

тив власти, поддерживает крестьянское сословие, в конечном итоге повстанцы идут на компромисс, по сути, смиряются перед правительством и вливаются в государственную армию. Герои Ян Шу-аня, Яо Сюеиня, Сяо Цзюня, Байлихэйфу, как большинство хунхузов в рассказах Шкуркина, остаются бандитами до конца своей жизни. Если кто-то предаёт братство (отряд, шайку, банду, вольницу) хунхузов, его ждёт казнь. Так, хунхуз-конвоир в рассказе «Старая хлеб-соль» отбирает часы у благодетеля главаря. В «Серьгах» хунхуз Чжан оскорбляет женщину. Оба они поступают не по-хунхузски. Считается, что они не достойны звания «независимого храбреца», и они погибают: в первом случае по воле главаря банды, во втором – от пули маньчжурских милиционеров. Традиционно в художественной литературе хунхузы проявляют преданность своему делу в ущерб стабильности, упорядоченности своего существования, что отличает их от 108 разбойников из «Речных заводей».

Восточной поэтизации хунхузов созвучны средневековые английские народные баллады о Робине Гуде и других благородных разбойниках из Шервудского леса. Смысл их жизни – в экспроприации богатых и перераспределении добычи в пользу бедных. Идеология социальной справедливости впоследствии определила образ Робина Гуда в письменной литературе (например, «Айвенго» В. Скотта, 1819; «Робин Гуд – король разбойников» А. Дюма, 1872; «Робин Гуд. Король-Ворон» С. Лоухеда, 2006; «Робин Гуд» Д. Кинга, 1999). Аналогичные харизматики живы в исторической памяти многих народов и стали литературными персонажами: Хуан Чао (Китай, IX в.), Хон Гильдон (Корея, конец XVI–XVII вв.), Исикава Гоэммон (Япония, XVI в.), Кероглы (Ближний Восток, Средняя Азия, XVII в.), Михель Кольхаузе (Германия, XVI в.), Дардо Бартоли (Ломбардия, XII в.), Юрай Яношик (Словакия, XVIII в.). По мнению А.А. Забияко и И.А. Дябкина, хунхуз проявляет рыцарский идеал и является «маньчжурским Робинем Гудом» [4. С. 181].

Трагическое решение темы представлено в «Разбойниках» (1781) Ф. Шиллера. Смысл разбоя Карла фон Моора – возмездие, герой наказывает бесчестных богатых, отдаёт деньги сиротам и бедным юношам на обучение; он верен клятве верности разбойникам и потому отказывается от любви Амалии; наконец, он совершает последний великодушный поступок: отказавшись от насилия, идет к бедняку – отцу одиннадцати детей, который должен выдать его властям за тысячу лудоров. Отметим, что Моор упоминает Робина Гуда. В своем герое Шиллер различал черты еще одного благородного разбойника – Рока Гипарта из романа М. Сервантеса «Дон-Кихот» (1605, 1615). Герой Шиллера романтизирован, его характер в определенном смысле демоничен: Карл Моор спасает от казни соратника ценой жизни невинных горожан, его беззаконие не приводит к социальной гармонии, в его жизненной философии сосуществуют благородство и эгоизм. Таким образом, внутренние противоречия, одно за другим преследующие Моора, неразрешимы.

Об усложнении образа благородного разбойника мы судим по произведению А.С. Пушкина «Дубровский» (1833), в котором романтические черты сочетаются с реалистическими. Разбой молодого дворянина направлен против помещиков своего уезда, но Пушкин романтизирует своего героя – его поступки вызваны исключительно личной мстостью. В его истории есть ро-

мантический конфликт с роком и реалистически мотивирован конфликт с обстоятельствами. Он хладнокровен и переживает душевную скорбь, поддается порыву чувств. Он храбр, справедлив, великодушен, образован, у него светские манеры, барышни видят в нем героя романов, Верейский называет его Ринальдо – именем героя романа К.А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдони, атаман разбойников» (1797), воспитанная на романах А. Радклиф Маша влюбляется в него, скорее как в литературного героя. Его благородство имеет свои пределы и в целом не направлено на облегчение участи крепостных. В итоге он терпит поражение – и как мститель, и как влюбленный. В «Капитанской дочке» (1836) показан разбойник-лидер из народа, он – по-романтически сильная личность, устанавливающая для своих жертв закон своей воли. М.И. Цветаева (эссе «Пушкин и Пугачев», 1937) отметила в пушкинском Пугачеве дань романтизму и соотнесла его образ с образом Карла Моора. Вместе с тем характер Пугачева многогранен, в нем сочетается непоказное благородство и лукавство, он «харизматичен, трагичен, но его политическая авантюра на грани плутовства» [5. С. 11]. В «Истории Пугачева» (1834) описание крестьянского восстания было усилено натуралистичностью в изображении жестокости по отношению к помещикам. В связи с характеристикой хунхузничества в рассказах Шкуркина отметим описание участия в Пугачевском восстании восточных народов. Назвав их полудикими и жестокими, не привыкшими к гражданской жизни, Пушкин, оправдывая «непрестанный надзор» над ними «для удержания их в повиновении» [6. С. 327], но и написал о пленивших Хлопушу татарах, о казненных Пугачевым калмычком полковнике, киргизе, татарине, о выступивших против Пугачева калмыках. В рассказах Шкуркина хунхуз ставит себя вне гражданских законов, а его поддержка властей – случай редкий.

Неоднозначность поступков и сложность характера разбойника как литературного типа особенно проявились после Октябрьской революции; внимание было сконцентрировано на бунтаре из социальных низов, лидере с демократическими целями, заступнике народа; «послеоктябрьская историческая литература сосредоточилась на типе бунтаря» – Болотникове, Разине, Пугачеве (например, пьеса В.В. Каменского «Степан Разин», 1919; киносценарий М. Горького «Степан Разин», 1921; поэма С.А. Есенина «Пугачев», 1922; роман С.П. Злобина «Салават Юлаев», 1929; произведение Г.П. Шторма «Повесть о Болотникове», 1930; роман А.П. Чапыгина «Разин Степан», 1924–1927; роман А.П. Чапыгина «Гулящие люди», 1930–1937; роман В.Я. Шишкова «Емельян Пугачев», 1938–1945); «героями исторической беллетристики становились вожаки с трагической судьбой» [7. С. 298, 299]. Остро встал вопрос об исторической востребованности мятежника и неизбежности по сути разбойных, кровавых методов достижения справедливости: зло власти порождает зло восставших против нее. Харизма народных мстителей раскрывалась как проявление личной воли, неординарности характера, героизма, готовности вести за собой массы и жертвовать собой, но вместе с тем лидеры оказывались заложниками своей ответственности перед вооруженной массой. Жестокость Пугачева в романе Шишкова неизбежна в жестоком веке, Чапыгин показал в Разине темную стихию, но его беспощадность опять же

была необходимостью. Для Есенина пугачевщина – беспощадна, но не бессмысленна, поэт полагал, что Пушкин не отразил в Пугачеве его гениальной природы, акцентировал внимание на сходстве характеров степняков и Пугачева – он «сердцем такой же степной дикарь» [8. С. 21], он поэтизирует Азию («О, Азия, Азия! Голубая страна, / Осыпанная солью, песком и известкой. / Там так медленно по небу едет луна, / Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой» [8. С. 46]).

Заключение

Шкуркин не героизирует разбойника, не оправдывает его жестокость (вынужденная или бессмысленная, она в его рассказах – социальное зло, аномалия психики), не видит в нем исключительного харизматика или пассионария (каковым, например, в литературной интерпретации являются Пугачев или Разин); в большинстве его рассказов хунхузы – люди из среды, выбравшие свою судьбу или подчинившиеся ей, наделенные страстями обыкновенного человека. Шкуркина прежде всего интересуют «типичные примеры того, как китайцы делаются хунхузами» [3. С. 504]. Сам автор интегрирован в повествование; подобно Гриневу, он – русский офицер, наблюдающий, слушающий, описывающий, но, как правило, не судящий; он «интересуется всем, что касается хунхузов» [3. С. 511], включая их религиозную и бытовую культуру. Все это повышает степень достоверности характеров и сюжетных ситуаций.

Таким образом, мы отмечаем эволюцию образа благородного разбойника, универсальность и специфичность его интерпретаций. В этнографические рассказы сборника «Хунхузы» Шкуркин привнес многогранность характеристик китайских бандитов. В восприятии хунхузничества, как в целом Китая, автор – реалист-этнограф, развивший традиционную в мировой литературе тему благородного разбойника и придавший ей национальный колорит.

В заключение отметим, что рассказы Шкуркина – пример, на наш взгляд, того «чистого и безусловного» [9. С. 40] ориентализма, который Э.В. Саид противопоставлял тенденциозному шпенглеровскому, или фрейдовскому, или дарвинскому.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Список литературы

- [1] Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 (82) т. Т. 37а (74). Ч. 2. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз – Ефрон, 1903. 789 с.
- [2] *Меряшкина Е.В.* Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3. № 4 (60). С. 175–180.
- [3] *Шкуркин П.В.* Хунхузы. Этнографические рассказы // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 3. Соната над Хинганом. Пекин: Китайская молодежь, 2005. С. 482–549.

- [4] *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // *Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции, 5–6 марта 2011 года. Пенза – Прага: Социосфера, 2011. С. 170–182.*
- [5] *Солнцева Н.М.* Поэтическая этнология С. Есенина («Пугачев») // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 9–19.*
- [6] *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // *Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1960. С. 286–411.*
- [7] *Солнцева Н.М.* Художественно-историческая проза 1920–1950-х годов // *История русской литературы XX века. 20–50-е годы. Литературный процесс. М.: Изд-во Московского университета, 2006. С. 289–328.*
- [8] *Есенин С.А.* Пугачев // *Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). Т. 3. М.: Наука – Голос, 1998. С. 7–512.*
- [9] *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Мирь, 2006. 636 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 4 октября 2019

Для цитирования:

Линь Гаунъюон, Солнцева Н.М. Хунхуз в литературной рецепции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 82–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90>*

Сведения об авторах:

Линь Гуанъюон, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: linguantsyun@mail.ru

Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

Research article

Honghuzi in the literary reception

Lin Guanqiong, Natalia M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Outlaw is one of the archetypes in world literature. Honghuzi is the eastern version of the image of the outlaw. As his counterpart in European literature, he expressed the ambiguity, the ambivalence of human nature. Unlike the characters of F. Schiller, A.S. Pushkin and others, the image of Honghuzi is the least marked by romantic features. In the prose of the Russian emigrant writers of the Harbin diaspora, Honghuzi expresses the Chinese mentality;

the specifics of orientalism are projected onto him, and at the same time its image is extremely objective, which primarily characterizes the prose of P.V. Shkurkin – the author of the ethnographic prose about the outlaws of the border zone of the Russian Far East, Manchuria, Korea and Mongolia. The context consists of the works by Shi Naian, Pushkin, Schiller, English folklore, etc. Comparative analysis allows us to identify the individual features of the artistic perception of the Honghuzi's activities by Shkurkin. It is proved that the interpretation of Honghuzi by Shkurkin is close to the image of the robber in Chinese, English, German literature, along with Russian literature of the XIX–XX centuries.

Keywords: ambivalence, outlaw, China, Harbin diaspora, Honghuzi

References

- [1] Entsiklopedicheskii Slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]: in 41 (82) vols. (vol. 37a (74), part 2). (1903). Saint Petersburg: Tipografiya Akts. ob-va Brokgauz – Efron Publ.
- [2] Meryashkina, E.V. (2014). Obraz khunkhuza v proze pisatelei dal'nevostochnogo zarubezh'ya [The image of Honghuzi in the prose of writers of Far East diaspora]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Bulletin], 3(4–60), 175–180.
- [3] Shkurkin, P.V. (2005). Khunkhuzy. Etnograficheskie rasskazy [Honghuzi. Ethnographic short stories]. *Literatura russkikh emigrantov v Kitae* [Literature of Russian emigrants in China]: in 10 vols. Vol. 3. *Sonata nad Khinganom* [Sonanta over The Xingan] (pp. 482–549). Beijing: Kitaiskaya molodezh' Publ.
- [4] Zabiyako, A.A., & Dyabkin, I.A. (2011). Obraz razboinika v kontekste “frontirnoi mifologii” dal'nevostochnoi emigratsii [The image of the robber in the context of “frontier mythology” of Far Eastern emigration]. *Simvolicheskoe i arkhietipicheskoe v kul'ture i sotsial'nykh otnosheniyakh* [The symbols and archetypes in culture and social relationships]: Materials of the international scientific-practical conference, March 5–6, 2011 (pp. 170–182). Penza, Prague: Sotsiosfera Publ.
- [5] Solnceva, N.M. (2015). Poeticheskaya etnologiya S. Esenina (“Pugachev”) [Poetic ethnology of S. Yesenin (“Pugachev”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], (4), 9–19.
- [6] Pushkin, A.S. (1960). Kapitanskaya dochka [The Captain's Daughter]. In A.S. Pushkin, *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 10 vols. (vol. 5, pp. 286–411). Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.
- [7] Solnceva, N.M. (2006). Khudozhestvenno-istoricheskaya proza 1920–1950-kh godov [Artistic and historical prose of the 1920–1950s]. *Istoriya russkoi literatury XX veka. 20–50-e gody. Literaturnyi protsess* [History of Russian literature in the 1920–1950s. Literary process] (pp. 289–328). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- [8] Yesenin, S.A. (1998). Pugachev. In S.A. Yesenin *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works]: in 7 vols. (9 books) (vol. 3, pp. 7–512). Moscow: Nauka Publ., Golos Publ.
- [9] Said, E. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Moscow: Russkii Mir Publ.

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 4 October 2019

For citation:

Lin, Guanqiong, & Solntseva, N.M. (2020). Honghuzi in the literary reception. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 82–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90>

Bio notes:

Lin Guanqiong, PhD student of the Department of History of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University. E-mail: linguantsyun@mail.ru

Natalia M. Solntseva, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-91-100
УДК 821.161.1

Научная статья

Искусство фарфора в творчестве Е.Я. Данько: «Ваза Богдыхана», «Фарфоровая чашечка» и «Китайский секрет»

И.Н. Арзамасцева, Ян Липин

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

В статье впервые прослеживается традиционная для китайской культуры связь между искусством фарфора и искусством слова в творчестве детской писательницы и художницы Е.Я. Данько. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширить представление об образе Китая в советской детской литературе 1920-х годов. Стихотворения «Фарфоровая чашечка», «Китайский секрет» и повесть «Ваза Богдыхана» рассмотрены диахронически относительно истории русской поэзии и синхронически – в контексте разрушаемого мифа о Древнем Китае и идеологом революционного, пролетарского Китая. Отдельное внимание уделено генезису идеального образа Китая в творчестве Е.А. Данько, восходящему к представлениям Ф.М.А. Вольтера, М.В. Ломоносова и русских поэтов XIX – начала XX веков. Произведения Е.Я. Данько отвечают замыслу А.М. Горького – создать литературу о фабриках и заводах, о ремеслах и технологиях. Е.Я. Данько в своих произведениях о фарфоре находила выход из смуты 1920-х годов, отстаивая классическое понимание китайской культуры и восхищаясь талантом и трудолюбием китайского народа.

Ключевые слова: образ Китая, фарфор, Е.Я. Данько, Ф.М.А. Вольтер, М.В. Ломоносов, А.М. Горький, советская детская литература

Введение

Целью настоящего исследования является установление культурного и литературного контекста, в котором развивалось творчество для детей советской художницы, поэта и прозаика Елены Яковлевны Данько (1897–1942), посвященное искусству фарфора и образам Китая. Среди ее произведений мы отмечаем стихотворения «Ваза Богдыхана», «Фарфоровая чашечка» (оба – 1925) и повесть «Китайский секрет» (1929). Кратко приведем базовые сведения о фарфоре, несомненно, известные Е.Я. Данько, профессионально занимавшейся этим искусством.

В китайской культуре фарфор и литература тесно взаимодействуют между собой. По мнению преподавателя Цзиндэчжэньского керамического ин-

ститута Чжан (张文婧), «фарфор – это вид декоративно-прикладного искусства, а также литература и искусство. Таким образом, его отношения с литературой чрезвычайно близки, имеют очень сильные литературные черты, которые широко отражают историю, обычаи китайской нации, его эстетические концепции, ценности, вкусы и стремления» [1. С. 165].

Много стихотворений древних китайских поэтов посвящены теме фарфора. В своем стихотворении «К Сюй Тунтянь» («送许屯田诗» (1)) Пэн Жули (彭汝砺), поэт династии Суна, воспеваает высокое ремесло: «В Фуляне искусно произведен фарфор, цвет которого устойчивее лучшего самоцвета» («浮梁巧烧瓷, 颜色比琼玖»). В стихотворении о фарфоре «Воспевание багровой вазы сюаньской керамики» («咏宣窑霁红瓶» (2)) император династии Цин Цяньлун (乾隆) так описал красоту вазы: «Ее ореол красный, как заря после дождя» («晕如雨后霁霞红»), «цветы в вазе стыдятся перед ней» («插花应使花羞色»).

Мотив китайского фарфора в русской поэзии

Мода на все китайское, зародившись в Западной Европе в конце XVII – начале XVIII веков, охватила и высшее общество в России. Серьезный интерес к фарфору проявил М.В. Ломоносов. В «Письме о пользе стекла» (1752) он высоко оценил изобретение китайского народа и подчеркнул роль фарфора в экономическом и политическом возвышении Китая: «Огромность тяжкую плода лишенных гор / Художеством своим преобратив в Фарфор, / Красой его к себе народы привлекают, / Что, плавая, морей свирепость презирают» [2. С. 460]. В стихотворении «Могущество, слава и благоденствие России» (1799) В.А. Жуковский называл китайский фарфор в числе лучших даров у подножия аллегорического трона России. М.Ю. Лермонтов упоминает о фарфоре в довоенных домах москвичей; в одном из набросков к поэме «Сашка» (1839) он изображает разрушенный огнем дом в Москве: «О, как тогда был пышен этот дом! / Вдоль стен висели пестрые шпалеры, / Везде фарфор китайский с серебром...» [3. С. 61]. Фарфор не просто вошел в быт русского дворянства, но и стал определенным знаком истории России, с ним связана судьба многих семейств. История русской поэзии эпохи предмодернизма и модернизма полна мотивов семьи, дома – и экзотического фарфора.

В 1906 году в Москве проходила выставка китайских и японских произведений искусства, промышленности и предметов культа и обихода. В список экспонатов входит и фарфор: «Изображения отличаются оригинальностью и своеобразной прелестью, встречаются фантастические животные, пейзажи, рисунки религиозные, исторические и бытовые» [4. С. 12–13]. Выставка углубила знание русских о восточном искусстве, дала толчок к развитию мотивов фарфора в поэзии и прозе. Мотивы фарфора звучат в стихотворениях И.А. Бунина («Люблю цветные стекла окон...»), Андрея Белого («Опала»), Д.С. Мережковского («Старинные октавы», «Смерть», «Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...») и т. д. В последнем стихотворении 1885 года юный

поэт Мережковский воспринимает фарфор как красивую завесу, скрывающую тяжелую реальную жизнь. Так начинается критика не только фарфора, но и буддийской философии созерцания и конфуцианства.

В 1920-е годы провозглашенный О. Шпенглером «закат Европы» и предложенная им классификация великих культур поставили русских мыслителей перед необходимостью обратиться к Востоку. Но идеологическая критика имперского Китая в советской печати в этот период была особенно ожесточенной.

Елена Данько о фарфоре и Китае

Е.Я. Данько не отрицала конфуцианство целиком и в своих произведениях для детей выражала мудрость и красоту китайских тружеников-творцов, создавших чудо фарфора. Она выступала против общей тенденции к прославлению нового Китая за счет уничтожения прекрасного мифа о старом Китае.

В Петрограде Е.Я. Данько оказалась в суровом 1918 году. С 1919-го по 1924-й год она работала художником на Петроградском (Ленинградском) фарфоровом заводе. Жизненный и творческий опыт, полученный на заводе, стал важным источником творческой деятельности будущей писательницы. Литературным творчеством для детей она стала заниматься в 1925 году под влиянием поэта, драматурга и редактора С.Я. Маршака. По воспоминанию Л.В. Шапориной, «Маршак был ее крестным отцом в литературе, – он заставил ее писать, вывел, так сказать, в люди, но затем они поссорились: уж очень у нее ведьмистый характер, – говорил мне Сам<уил> Як<овлевич>» [5. С. 192].

Л.В. Шапорина отмечает кристальную чистоту и высокий интеллект художницы, увлеченность «своей работой, своими героями, Вольтером, Ломоносовым до влюбленности, до самозабвения» [6. С. 145]. Остановим внимание на именах Вольтера и Ломоносова.

Китай для французского просветителя – страна идеальная. Политическая структура, социальная жизнь и моральные законы Китая, по мнению Вольтера, – образцы для стран Запада («государство как семья», «правитель как отец», «сыновья почтительность как проявление верноподданничества» [7. С. 188]). Он увлекался конфуцианством и в своей «Философии истории» выделил специальную главу – «О Китае». Конфуций здесь «умный сановник, поучавший людей законам, которые существовали издавна» [8. С. 110]. Общество русских вольтерьянцев второй половины XVIII века, «захваченное идеями французских просветителей и проявлявшее пристальный интерес к Китаю, не могло оставить без внимания высказывания Вольтера о древней китайской цивилизации» [9. С. 103], – справедливо утверждает Г.И. Саркисова.

В 1920-е годы интерес к Вольтеру не уменьшился. Так, известный литературовед М.Л. Лозинский и библиограф Д.С. Крым начали работу по составлению каталога книг библиотеки Вольтера [10. С. 274–283]. Если полагаться на записи Л.В. Шапориной, в основе представлений Данько о Китае лежит концепция Вольтера.

О. Морозова, встретившая Е.Я. Данько зимой 1925 года, вспоминала: «Книжки Данько, как это было характерно для тех лет, были посвящены производственной теме с той особенностью, что рассказывали об истории

того или другого производства» [11. С. 40–43]. О. Морозова упомянула дружеские отношения Е.Я. Данько с В.В. Бианки. Сам же В.В. Бианки отзывался так: «Елена Яковлевна – мыслитель. Великолепная голова и по эрудиции, и – что особенно ценно – по способностям. Кроме того, Елена Яковлевна – художник. Комбинация, возносящая ее на огромную высоту» [12. С. 18].

Итак, свои взгляды на Китай Е.Я. Данько сложила под влиянием Вольтера и Ломоносова. Ядром конфуцианства является так называемая золотая середина, то есть стремление избегать крайностей и рисков, находить равновесие в природе и обществе. В сказке «Чей нос лучше?» (1923) В.В. Бианки утверждает, что в природе нет места конкуренции и борьбе. Естественно-научная теория борьбы видов Ч. Дарвина оказывается противоположной идеям конфуцианства – и вольтерьянства. По нашему предположению, подобные идеи могли сближать Елену Данько и Виталия Бианки.

Вместе с тем увлечение М.В. Ломоносовым, его цельным мировоззрением, синтезом науки, искусства и ремесла должно было передать Е.Я. Данько стремление к тому же высокому единству. В этом смысле ее работа на фабрике фарфора, носившей имя Ломоносова с 1925 года, и литературное творчество для детей, начавшееся тогда же, представляют собой единство ремесла и литературы, как это было в Древнем Китае.

«Ваза Богдыхана» и «Фарфоровая чашечка», изданные отдельными книжками, представляют собой стихотворный диптих. Сочетая исторические реалии и художественный вымысел, в «Вазе Богдыхана» Е.Я. Данько рассказала легенду о китайском фарфоре. Место действия ее стихотворного рассказа – древний город Кин-Те-Чен. В настоящее время его название звучит в соответствии с произношением как *Цзиндэчжэнь* (провинция Цзянси). В городе бережно сохранялись секреты производства фарфора:

Там, в огне печей огромных,
Горожане с давних пор
Обжигали ночью темной
Звонкий, блестящий фарфор –
Золотистый, как прибрежный
Солнцем залитый песок,
И прозрачный, белоснежный,
Как вишневый лепесток [13. С. 3–4].

На вазах живописец Линг-Ван-Шон рисовал картины, которые давали жизнь и красоту каждой вазе:

И яблонь розовые ветки,
И птиц, что в зелени поют,
И золоченые беседки,
Где девушки на пьльцах шьют [Там же. С. 5].

Перед нами гармоничная картина традиционной жизни в средневековом Китае. Беседки, производство и вышивание по шелку, птица Фенг (символ счастья) и дракон скалистых гор – все это создает образ Китая, типичный для европейского понимания. Важнейшие аллегории китайской культуры воплощены в росписях по фарфору. Яблоня (苹果树) по произношению означает благополучие (平安). Золотой цвет в китайской культуре символизирует элитарность, честность, драгоценность. Беседка (павильон) – центр иде-

ального ландшафта. В Китае вышивание издавна считается творческим занятием женщины. Тем самым фарфор помещается в центр национальной картины мира, выступает важнейшим символом творческих способностей народа Китая.

Далее идет описание нападения монголов на Китай. В духе своего времени Е.А. Данько называет захватчиков татарами. Безжалостный богдыхан пощадил живописца за то, что тот обещал нарисовать ему столь же красивую вазу, какие он рисовал прежде. Но Линг-Ван-Шон не исполнил желание богдыхана, наоборот, на вазе «зловещий ворон черный / Богдыхану грудь клюет» [13. С. 15]. Целью художника было отвлечь внимание тирана и спасти людей. Настоящий художник не мог оторваться от действительности. Он не мог нарисовать такую же красивую вазу, как прежде, в мирной жизни. Писательница создает образ талантливого, умного и смелого художника. С ее точки зрения, искусство фарфора – воплощение национальных сил и надежды на будущее, в котором возродится самоуважение китайского народа.

Если в «Вазе Богдыхана» важен дух китайского народа, то в стихотворном рассказе «Фарфоровая чашечка» Е.Я. Данько воспевает ум и трудолюбие ремесленников. Ее задача конкретна и дидактична – познакомить детей с производством фарфора, чтобы они оценили труд, сохраненный в прекрасных работах. Стихотворение разделено на шесть частей: «Глина», «Завод», «Токарь», «Горн», «Живописец» и «Второй огонь». Автор подробно описывает многоэтапный процесс, чтобы передать всю сложность изготовления фарфора. Она передает язык китайской культуры в узорах живописца: «Пишут красками в Китае / Ярких бабочек в цветах / И драконов, что летают / В золотистых облаках» [14. С. 9]. Здесь выбраны типичные персонажи для создания образа Китая: бабочки и дракон. В традиционной китайской литературе часто встречается летающая бабочка как символ свободной любви, стремления людей к любви и свободе. Автор сравнивает важнейшие символы разных народов: «А саксонцам любы пташки / И тюльпанов пышный цвет / В Ленинграде же на чашках / Пишут Ленина портрет» [Там же]. В этом сравнении, на наш взгляд, заметно желание автора изображать Китай как страну устойчивую и спокойную, в которой как будто нет никакой борьбы.

В повести «Китайский секрет» Е.Я. Данько продолжила противопоставление Запада и Китая: она подробно рассказала о технологии производства фарфора в Древнем Китае и попытках европейцев раскрыть эту технологию. О. Морозова так оценила повесть: «Она сильно отличалась от всех ее ранних книжек, написанных в легких, звонких, но, как мне кажется, незначительных стихах» [11. С. 40–43]. Написание повести можно считать важной вехой в творчестве Е.Я. Данько. Позднее, в 1931 году, вышла еще одна ее умная и увлекательная повесть – «Деревянные актеры».

Работая над прозаическим произведением, Е.Я. Данько стремилась к постижению более глубокого смысла и освоению более сложной формы, пригодной для детей. «Китайский секрет» посвящен «борьбе идей, научным открытиям и в конечном счете победе беспокойного и пытливого человеческого поиска» [Там же]. Е.Я. Данько в основном опирается на действительные, исторические события и факты. В послесловии к повести она подчеркнула:

«Для того, чтобы написать эту книгу, автору нужно было прочесть уйму книг на четырех языках о монахах, о рыцарях, об алхимиках и китайцах и о русских царицах. Нужно было автору самому много видеть и поработать на фарфоровом заводе, и побродить по Шлиссельбургскому тракту, отыскивая следы старины и думая о прошлых временах» [15. С. 165]. Из художественно-познавательной повести Е.А. Данько читатель может вынести представление о том, что фарфор стал звеном, которое связывает Россию, Западную Европу и Китай, что он есть целое явление мировой культуры.

Читатель имеет возможность представить, как выглядит китайский фарфор (в книге есть иллюстрации), а также узнать о процессе его изготовления. Сюжетной линии придается необходимая для детей увлекательность – через рассказ о сохранении тайны и попытках иноземцев выведать китайские секреты фарфора. В первой и второй главах повествуется, как в Европе пытались открыть технологии его производства. Главным героем выступает сам фарфор, прекрасный и загадочный: белая чашка, «блестящая и звенела, как металл», тонкая, «как яичная скорлупа. На ней была нарисована красная хвостатая птица» [Там же. С. 6]. У купца еще есть высокая ваза, расписанная цветами, белые тарелки с голубыми драконами.

Традиционные китайские цветы и животные в представлениях китайского народа символизируют счастье, силу, благородство, честь и т. д. Европейцы пытались догадаться о составе материалов для изготовления фарфора, но «такой блестящей, звонкой и тонкой, как яичная скорлупа, посуды, какой была китайская, в Европе никто не умел делать» [Там же. С. 8]. И дело не только в технических рецептах. Писательница подчеркивает, что в фарфоре воплотился дух народа, его представления о прекрасном. А этот «секрет» украсть или купить нельзя.

Во второй главе повествование ведется с точки зрения отца д'Антреколля, который добился позволения поехать в Кин-Те-Чен. Там он увидел красивые изделия, сделанные талантливыми мастерами: «В приказах богдыхана по фабрикам говорилось, что посуда для двора должна быть голубая, как небо после дождя в промежутках между облаками, блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день. <...> Рабочие умели делать удивительные вещи: посуду белую, как цветы яблони, посуду лиловатую, как аметист, и еще – красную матовую посуду, похожую на коралл, всю в резных узорах» [Там же. С. 21]. Учитывая малый опыт юных читателей, автор подбирает для сравнения предметы и явления, знакомые детям. В этом проявляется не только тонкий художественный вкус писательницы, но и понимание детской психологии восприятия искусства.

Литературное творчество Е.Я. Данько было востребовано, оно в лучшую сторону отличалось от книг из серии «История фабрик и заводов» (1932–1936). В письме от 1 октября 1934 года А.М. Горький, узнавший о ней от К.А. Федина, предложил ей любой аванс за публикацию в своем альманахе лучших художников для отдельного издания «Год XVIII». При этом он предложил расширить тему ее будущей книги об истории фарфорового завода: «Встает вопрос: не следует ли Вам взяться за “Ист[орию] русского фарфора”?» [16. С. 360]. Он высоко ценит полубеллетристическую форму творчества, которая

была ею предложена читателю. По мнению С.В. Журавлева, А.М. Горький «теоретически обосновал идею создания научно-художественных книг по истории предприятий, сочетающих научность и строгую документальность с ярким, доступным широким кругам читателей стилем изложения» [17. С. 7].

Новаторство Е.Я. Данько в детской литературе заключалось в том, что она не просто написала произведения о производстве фарфора, а рассказывала об истории и искусстве фарфора. В ее произведениях сохранено знание и об отечественной истории, и о культуре чужих стран, и о труде и творчестве. Сочетание образных возможностей искусства фарфора и литературы стало одним из оснований собственного места Е.Я. Данько в русской детской литературе.

Новаторский вклад Е.Я. Данько особенно заметен на фоне «тотальной ревизии детского чтения, развернувшейся в 1880-е годы и завершившейся на рубеже 1920–1930-х годов»; обнаружившиеся «белые пятна» детского чтения «необходимо было срочно заполнить в соответствии с новой жизнестроительной идеей, положенной в основу культуртрегерской программы А.М. Горького» [18. С. 80]. Бен Хеллман справедливо утверждает, что благодаря новой экономической политике «возникло новое поколение писателей, превратившее 1920-е годы в одно из самых интересных десятилетий в истории русской детской литературы» [19. С. 297].

Заключение

В целом представление Е.Я. Данько, детской писательницы и художницы, о Китае во многом было сформировано под влиянием уже существовавших в произведениях русских поэтов образов. Восхищавшийся Китаем Вольтер также оказал заметное влияние на ее творчество. Главной в трех рассмотренных произведениях является мысль о том, что искусство фарфора неразрывно связано с лучшими моральными качествами китайского народа: стойкостью перед врагом, самоуважением, терпеливостью, трудолюбием, стремлением к свободе и красоте. В ее описании Китай – страна с нелегкой судьбой, но красивым и сильным по характеру населением. В своих произведениях о фарфоре Е.Я. Данько находила выход из смуты 1920-х годов.

Примечания

- (1) Туньянь – система сельскохозяйственного коллективного земледелия, которая была организована правительством для получения военной поддержки или налоговой пицци после династии Хань.
- (2) Сюаньская керамика – фарфор императорских мастерских второй четверти XV века.

Список литературы

- [1] Чжан Вэньцзин. Литературные символы на фарфоровых предметах [张文婧.陶瓷器物上的文学体征性] // Местная история провинции Хэйлунцзяна [黑龙江史志]. 2013. С. 165.
- [2] Ломоносов М.В. Письмо о пользе стекла // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи 1738–1764. М. – СПб.: Наука, 2011. С. 457–469.

- [3] *Ронкина Н.М.* Поэма «Сашка» М.Ю. Лермонтова и пушкинская традиция // *Успехи современной науки*. 2017. Т. 2. № 2. С. 61–63.
- [4] *Колобашкин Н.Н.* Описание Выставки китайских и японских произведений искусства, промышленности и предметов культа и обихода. М.: Типо-лит. Д.В. Троицкого, 1906. 39 с.
- [5] *Данько Е.Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе / вступ. статья, публ. и коммент. М.М. Павловой // *Лица. Биографический альманах*. Т. 1. М. – СПб.: Феникс; Atheneum. 1992. 572 с.
- [6] *Шапорина Л.В.* Дневник / вступ. статья, подгот. текста, коммент. В.Н. Сажина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. 640 с.
- [7] *Стабурова Е.Ю.* Вольтер и Восток // *Восток – Запад: историко-литературный альманах*. М.: Восточная литература РАН, 2002. 279 с.
- [8] *Вольтер Фр.М.* Философия истории. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1868. 436 с.
- [9] *Саркисова Г.И.* Вольтер о Китае и становление русского китаеведения // *И не распалась связь времен...: к 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова*. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 391 с.
- [10] *Сиволоп И.И.* Вольтер в советской литературе 1917–1972 гг. // *Французский ежедневник* 1973. М.: Наука, 1975. С. 274–283.
- [11] *Морозова О.* Грани таланта // *Детская литература*. 1972. № 7. С. 40–43.
- [12] *Бианки В.В.* Город и лес у моря. СПб.: Амфора, 2013. 245 с.
- [13] *Данько Е.Я.* Ваза Богдыхана. М.: Радуга, 1925. 16 с.
- [14] *Данько Е.Я.* Фарфоровая чашечка. Л.: Гос. изд-во, 1925. 14 с.
- [15] *Данько Е.Я.* Китайский секрет. М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. 167 с.
- [16] *Горький М. Е.Я.* Данько (1 октября 1934) // *М. Горький. Собр. соч.: в 30 т.* Т. 30. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 360–361.
- [17] *Журавлев С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ, 1997. 215 с.
- [18] *Арзамасцева И.Н.* «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М.: Прометей, 2003. 404 с.
- [19] *Hellman B.* Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010). Leiden, Boston: Brill, 2013. 588 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 декабря 2019

Дата принятия к печати: 8 января 2020

Для цитирования:

Арзамасцева И.Н., Ян Липин. Искусство фарфора в творчестве Е.Я. Данько: «Ваза Богдыхана», «Фарфоровая чашечка» и «Китайский секрет» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020. Т. 25. № 1. С. 91–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-91-100>

Сведения об авторах:

Арзамасцева Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: in.arzamastseva@mpgu.su

Ян Липин, аспирант, кафедра русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: lipingyang@yandex.ru

The art of ceramics in the works of E.Ya. Danko: “Vase of Chinese Khan”, “Ceramic Cup” and “Chinese Secret”

Irina N. Arzamastseva, Yang Liping

Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya St, bldg. 1, Moscow, 119435, Russian Federation

This article is the first try to research the connection between the art of ceramics and word in the work of children's writer and artist E.Ya. Danko. The relevance of the study is due to the need to expand the idea of the image of China in Soviet children's literature of the 1920s. Compared to the history of Russian poetry, the poems “Ceramic Cup”, “Chinese Secret” and the novel “Vase of Chinese Khan” are considered diachronically, and synchronously – in the context of the indestructible myth of Ancient China and the Chinese proletarian revolution. Special attention is paid to the genesis of the ideal image of China in the work of E.Ya. Danko, which traces back to the ideas of F.M.A. Voltaire, M.V. Lomonosov and Russian poets of the XIX – early XX centuries. Works by E.Ya. Danko meets the idea of A.M. Gorky – to create literature on factories, crafts, and technology. In her works about China, upholding the classical understanding of Chinese culture and admiring the talent and hard work of the Chinese people, E.Ya. Danko found a way out of the chaos of the 1920s.

Keywords: image of China, ceramic, E.Ya. Danko, F.M.A. Voltaire, M.V. Lomonosov, A.M. Gorky, Soviet children's literature

References

- [1] Zhang, Wenjing. (2013). The literary features of ceramic objects [张文婧.陶瓷器物上的文学体征性]. *A record of historical events of Province Heilongjiang* [黑龙江史志] (p. 165). (In Chinese.)
- [2] Lomonosov, M.V. (2011). Pis'mo o pol'ze stekla [The letter about the use of glass]. In M.V. Lomonosov, *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete works]: in 11 vols. Vol. 8. *Pojezija. Oratorskaja proza. Nadpisi 1738–1764* [Poetry. Oratorical prose. Lettering 1738–1764] (pp. 457–469). Moscow, Saint Petersburg: Nauka Publ.
- [3] Ronkina, N.M. (2017). Pojema “Sashka” M.Ju. Lermontova i pushkinskaja tradicija [The poem “Sashka” of M.Yu. Lermontov and Pushkin tradition]. *Uspehi sovremennoj nauki* [Successes of modern science], 2(2), 61–63.
- [4] Kolobashkin, N.N. (1906). *Opisanie Vystavki kitajskih i japonskih proizvedenij iskusstva, promyshlennosti i predmetov kul'ta i obihoda* [Description of Exhibition of Chinese and Japanese works of art, industry and objects of worship and household goods]. Moscow, Tipo-lit. D.V. Troitskogo Publ.
- [5] Danko, E.Ya. (1992). Vospominanija o Fedore Sologube [Memories of Fedor Sologub]. *Lica. Biograficheskij al'manah* [Persons. Anthology biography] (vol. 1). Moscow, Saint Petersburg: Feniks Publ., Atheneam Publ.
- [6] Shaporina, L.V. (2011). *Dnevnik* [A diary] (vol. 2). Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije Publ.
- [7] Staburova, E.Yu. (2002). Vol'ter i Vostok [Voltaire and East]. *Vostok – Zapad: Istoriko-literaturnyj al'manah* [East – West: Historical and Literary Anthology]. Moscow: Vostochnaja litjeraturja RAN Publ.

- [8] Voltaire, Fr.M. (1868). *Filosofija istorii* [*Philosophy of History*]. Saint Petersburg: Tipografija N. Neklyudova Publ.
- [9] Sarkisova, G.I. (1993). Vol'ter o Kitae i stanovlenie russkogo kitaevedenija [Voltaire about China and the formation of Russian sinology]. *I ne raspalas' syjaz' vremen...: K 100-letiju so dnja rozhdenija P.E. Skachkova* [*And the connection of times has not broken up...: On the 100th birthday of P.E. Skachkova*]. Moscow: Nauka Publ., Vostochnaja litjeraturja Publ.
- [10] Sivolap, I.I. (1975). Vol'ter v sovetsoj literature 1917–1972 gg [Voltaire in Soviet literature of 1917–1972]. *Francuzskij ezhednevnik 1973* [*French diary in 1973*] (pp. 274–283). Moscow: Nauka Publ.
- [11] Morozova, O. (1972). Grani talanta [The verge of talent]. *Detskaja literatura* [*Children's literature*], (7), 40–43.
- [12] Bianchi, V.V. (2013). *Gorod i les u morja* [*City and forest by the sea*]. Saint Petersburg: Amphora Publ.
- [13] Danko, E.Ya. (1925). *Vaza Bogdyhana* [*Vase of Bogdyhan*]. Moscow: Raduga Publ.
- [14] Danko, E.Ya. (1925). *Farforovaja chashechka* [*Ceramic cup*]. Leningrad: Gos. izd-vo Publ.
- [15] Danko, E.Ya. (1929). *Kitajskij sekret* [*Chinese secret*]. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo Publ.
- [16] Gorky, M. (1955). E.Ja. Dan'ko (1 oktjabrja 1936) [E.Ja. Danko (October 1, 1936)]. In M. Gor'kij, *Sobranije sochinenij* [*Collection of works*]: in 30 vols. (vol. 30, pp. 360–361). Moscow: Gosudarstvennoje izdatel'stvo khudozhjestvennoj litjeratury Publ.
- [17] Zhuravlev, S.V. (1997). *Fenomen "Istorii fabrik .i zavodov": gor'kovskoe nachinanie v kontekste jepohi 1930-h godov* [*The Phenomenon of the History of Factories: the pioneering of Gorky's in the 1930s*]. Moscow: IRI Publ.
- [18] Arzamastseva, I.N. (2003). "Vek rebenka" v russkoj literature 1900–1930 godov [*"The Age of the Child" in Russian literature of 1900–1930*]. Moscow: Prometnej Publ.
- [19] Hellman, B. (2013). *Fairy tales and true stories: The history of Russian literature for children and young people (1574–2010)*. Leiden, Boston: Brill.

Article history:

Received: 27 December 2019

Revised: 5 January 2020

Accepted: 8 January 2020

For citation:

Arzamastseva, I.N., & Yang, Liping (2020). The art of ceramics in the works of E.Ya. Danko: "Vase of Chinese Khan", "Ceramic Cup" and "Chinese Secret". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 91–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-91-100>

Bio notes:

Irina N. Arzamastseva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of 20–21 Centuries, Moscow Pedagogical State University. E-mail: in.arzamastseva@mpgu.su

Yang Liping, postgraduate student of Department of Russian Literature of 20–21 Centuries, Moscow Pedagogical State University. E-mail: lipingyang@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-101-110
УДК 821.161.1

Научная статья

«Домолчаться до стихов»: «молчание» в жизни и творчестве М.С. Петровых

Ван Мэнцзяо, Т.А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Мотив и образ молчания в лирике М.С. Петровых обусловлены ее поэтическим мировидением, ее пониманием природы творческого дара и восприятием социальной реальности. Образ «молчания» проходит через все творчество поэта, он определяет лирический сюжет концептуального стихотворения «Одно мне хочется сказать поэтам...». В стихотворении раскрывается тип творческого и жизненного поведения, которое исповедует автор. В статье приводятся некоторые факты биографии М. Петровых, которые находят подтверждение в стихах; анализируется лексико-семантический уровень стихотворений, в которых присутствуют образ и мотив молчания. «Молчание» было темой не только М. Петровых, А. Ахматовой, но и других писателей эпохи 1930–1950-х годов, что обусловлено атмосферой времени. Внешняя и внутренняя цензура диктовали стиль поведения. Но поэт должен познаваться до жесткой сути происходящего и воссоздавать подлинную действительность, писать правду. Значение «домолчаться до стихов» состоит именно в этом. Это не просто афоризм, а смысл подлинного творчества.

Ключевые слова: образ, мотив, молчание, творческое поведение, семантический анализ, «домолчаться до стихов»

Введение

Мария Сергеевна Петровых (26.03.1908 – 01.06.1979) – один из значительных русских поэтов XX века, автор более двухсот стихов. Однако ее имя при жизни было мало известно читателям и редко упоминалось в критике, несмотря на высокую оценку ее творчества Б.Л. Пастернаком, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштамом и другими выдающимися художниками слова.

Во время Великой Отечественной войны М.С. Петровых была эвакуирована в г. Чистополь, который занимает особое место в истории советской литературной жизни военных лет.

Прямо в душу мне светила
Чистопольская луна [11. С. 38].

Именно в этом городе, благодаря Б.Л. Пастернаку и А.А. Фадееву, организовавшим вечер поэзии Петровых, Мария Сергеевна, известная долгое время как переводчица, заявила о себе как поэт.

© Ван Мэнцзяо, Пономарева Т.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

А.А. Ахматова считала Петровых наследницей старшего поколения – поэтов Серебряного века. Об отношении Ахматовой к Петровых свидетельствует ее диалог с Л.К. Чуковской в январе 1964 года:

«– Давайте играть так, – предложила она. – Назовите лучших, по-вашему, поэтов среднего поколения.

Я ответила: Самойлов, Корнилов, и, судя по единственному известному мне стихотворению, – Петровых. Может быть, еще Новелла Матвеева. Не знаю.

– А я по-другому, – сказала Анна Андреевна. – Петровых, Липкин, Самойлов, Корнилов» [14. С. 136].

Но даже в сегодняшних литературных и читательских кругах о М.С. Петровых знают немного. Количество публикаций, посвященных ее поэзии, малочисленно: три кандидатских диссертации 1990–2000-х годов [6;3;5] и несколько научных статей, хотя, начиная с восьмидесятых годов прошлого века, вышло более десяти сборников стихов М. Петровых.

История публикаций

Малоизвестность Петровых у читателей в большой степени была связана с ее редкими прижизненными публикациями. После возвращения Петровых из эвакуации поздней осенью 1942 года состоялся ее вечер в московском Союзе писателей. Выступавшие на нем Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Щипачев, К. Кайсын говорили о необходимости издания стихов Петровых. Однако, когда она сдала в «Советский писатель» рукопись первого сборника, известный критик Евгения Книпович, в то время занимавшая должность главы издательства «написала отрицательную “внутреннюю” рецензию, обвинив автора в пессимизме и назвав стихи Петровых “несозвучными эпохе”. Сборник был отвергнут издательством» [12]. С этого времени Мария Сергеевна перестала надеяться на публикацию своих стихов. «Три стихотворения в журнале “Знамя” (1943. № 10) – одна из немногих ее прижизненных публикаций» [7. С. 551]. Только в 1968 году при помощи своего армянского друга Левона Мкртчяна Петровых опубликовала первую единственную прижизненную книгу «Дальнее дерево», выпущенную издательством «Айастан» в Ереване, в которой только половина была оригинальных стихотворений (70), а вторая половина поэтических переводов (66 стихов). До этого Петровых отказалась от шанса увидеть свои стихи напечатанными.

Были не только внешние, но и внутренние причины того, что стихи Петровых не доходили до читателя. С одной стороны, она понимала, что тональность и темы ее стихов, действительно, мало соответствуют духу времени. В них нет пафоса эпохи «великого перелома» тридцатых и героики войны, а есть ощущение трагизма человеческого бытия и социального времени.

Мотив «безвинной неволи» редко раскрывается непосредственно, как в цитируемом стихотворении «Есть много страшного на свете...» (1938–1942). Чаще всего он обнаруживается косвенно через мотивы «злой невзгоды», судьбы («Судьба за мной присматривала в оба...», «Говорят, от судьбы не уйдешь...»), трагического вынужденного молчания/умолчания, ответственности, вины за происходящее в стране:

А нас еще ведь спросят – как могли вы
Терпеть такое, как молчать могли?
Как смели немоты удел счастливым
Заранее похитить у земли?..
И даже в смерти нам откажут дети,
И нам еще придется быть в ответе [11. С. 23].

Говорить о репрессиях тридцатых годов, писать об аресте и смерти мужа в лагере было невозможно: «И я молчу десятки лет. / Молчаньем горьким родины» [11. С. 117]. Так появляются образы, сопутствующие мотиву «большого молчания»: «слишком больно я молчала», «молчанье смерти», «промолчу весь жалкий век».

Тема молчания

Вместе с тем поэтическое молчание Петровых объясняется и внутренними причинами, обусловленными внешними обстоятельствами, но не сводимыми только к ним. Причиной тютчевской невозможности «высказать себя» могли быть и личные, интимные переживания. Но не менее значимым для Петровых было убеждение, что в творчестве и через творчество человеку открывается смысл и загадка бытия, а «слова без смысла, слова без цели» – это «слова бездушья» [10. С. 319]. Этим обусловлена антитеза «больного молчания и «немоты удел счастливым», внутренней свободы художника и социального заказа: «лишь тишина свободы прославит наши дни» [10. С. 338], «либо молчание, либо лишь правда» [10. С. 126].

Отсюда идет поразительная требовательность Петровых к себе. Она не принадлежала к числу писателей, которые стремятся к известности, не боролась за публикации своих стихов: «Я не носила стихи по редакциям. Было без слов понятно, что они “не в том ключе”. Да и в голову не приходило ни мне, ни моим друзьям печатать свои стихи. Важно было одно: писать их» [9. С. 347].

Наконец, была еще одна причина поэтического молчания Петровых. В ее жизни были периоды, когда она не писала стихов. Длительные перебои творческого вдохновения были и у А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама. Н. Струве объясняет их не только реалиями личной или социальной жизни, но психологией творчества, его ритмами – чередованием периодов «внутреннего созревания» и нового обретения поэтического голоса, «взрыва», когда стихи текут «бесперебойно» [13. С. 179]. В стихотворении «Муза» из цикла «Тайны ремесла», обращаясь к природе творческого вдохновения, А. Ахматова разрушает наивное представление о легкости «божественного лепета». Ее муза:

Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гугу [2. С. 385].

Такие периоды «внутреннего созревания», молчания, «недописанных строк» были характерны для М.С. Петровых. Было время творческого вдохновения: «А рифмы, а ритмы неведомо откуда / Мне под руку лезут, и нету отбоя» [10. С. 298].

Т.В. Богданова, анализируя тематику стихов М. Петровых и выделяя тематические комплексы, упоминает тематическую группу «Молчание» и называет девять стихотворений. Но значительно большее количество поэтических

текстов М. Петровых развивают эту тему опосредованно, в том числе стихотворения с темой материнства, жизни и смерти, любви, человека и общества. Как отмечает исследователь, с середины 1950-х годов и все последующие годы тема молчания занимает одно из первых мест по степени остроты и важности для поэта [3. С. 52].

Соглашаясь с точкой зрения Т.В. Богдановой, отметим, что в последние десятилетия жизни Петровых на первый план в теме молчания выходят мотивы сомнения в своем поэтическом даре, угасания творческого вдохновения, немоты («меня сковало смертной немотой» [10. С. 302]; «и рот мой намертво сжат» [10. С. 408]); утраты способности «глаголом жечь сердца людей»: «Перестал человек писать стихи. / Почему? / Потому что стало ясно ему, / Что слово его ничего не значит»; «Зачем способности, коль нет призванья? / Да и способностей, пожалуй, нет. / Когда-то были. А на склоне лет / Что мне осталось?» [10. С. 402–403]. Об этом свидетельствуют и немногочисленные сохранившиеся записи: «А я совсем перестала писать. <...> Для человечества потери никакой, но душе моей очень больно [10. С. 392]; «Господи, помоги мне! Пусть будут стихи – сколько раз слышала их, сквозь меня, сквозь сердце шли потоком – только записать. <...> А теперь – столько месяцев молчание – глухое, мертвое. Господи, дай мне услышать [10. С. 393]. Но и в минуты поэтической немоты Петровых не переставала размышлять о «поэзии незаменимых слов», о своем предназначении, судьбе других поэтов. И когда вдруг возвращалось вдохновение, в стихах, что «шли потоком» возникала эта мучительная тема молчания.

И вместе с тем в поздней лирике Петровых появляется мотив покаяния за вынужденное молчание:

Боже, прости мой презренный грех,
Немощь мою и робость
И то, что глянула в пропасть,
Увидела ад крошечный,
Услышала плач безутешный
И не сказала ни слова,
Удалилась от злого,
И рот мой намертво сжат,
И ноги мои дрожат.
Боже, прости мне грешной! [10. С. 408]

Анализ лексики

Рассмотрим, как реализуется многоаспектный мотив молчания в лирике Петровых на лексическом уровне. «Каждое слово, употребляемое поэтом, есть уже тема и может быть развернуто в художественный мотив» [4. С. 4].

Слово «молчанье» и однокоренные слова встречаются в стихотворениях М. Петровых разных лет, с 50-х годов их частотность увеличивается.

Результаты исследования отражены в таблице.

Следует отметить, что в сборнике стихов «Мгновение воздуха» (М., 1998) стихотворение «Сказочка» принадлежит к 1920–1930-м годам, стихи «Хоть не лелей, хоть не голубь...», «– Что ж ты молчишь из года в год...» относятся к 1940–1950-м годам и «Что толковать! Остался краткий срок...», «К своей заветной цели...» входят в состав стихов 1960–1970-х годов.

Таблица

Период	Год	Название стихотворений	Лексическое выражение молчания	Частотность	Кол-во текстов
20-е годы	1927	«Звезда»	молчанье сонных стран	4	4
	1928	«Отрывок»	вмолчись в таинственное лоно		
	1929	«Соловей» «Ранняя утрата»	Я молчу , спасись не чая Коль метр – я помолчу		
30-е годы	1935	«Стихов ты хочешь?..»	И как молчит мороз	3	3
	1939	«Без оглядки не ступить ни шагу...»	В грозовом молчании могильном		
40-е годы	1938–1942	«Есть очень много страшно-го на свете...»	Терпеть такое, как молчать могли?	7	5
		1940	«Светло ль ты солнце, и лучисто ли...» «Ночь на 6 августа» «У меня большое горе»		
	1943	«Боже, как светло одеты...»	Как молитва, молчаливо Легких листьев торжество		
		«Грустила я за свежими бревенчатыми стенами...»	От пурпура – суровыми, от золота – молчаницами		
		«Не наглядеться, неналюбоваться...»	Столь властную, что некуда податься, И вместе с ней стоишь, горишь, молчишь		
	«Молчи, я знаю, знаю, знаю...»	Молчи , я знаю, знаю, знаю			
50-е годы	1956	«Скорей бы эти листья облетели!..»	На мой вопрос ты должен дать ответ, А ты молчишь . Тебя на свете нет	3	3
		1957	«Ты не становишься воспоминаньем...» «Сон на рассвете»		
	1960	«О чем же, о чем, если мир необъятен?..»	Но либо лишь молчание , либо Лишь правда		
60-е годы	1967	«Тихие воды, глубокие воды...»	Вы же молчите , недвижны, глубоки	6	5
	1967–1968	«Никто не поможет, никто не поможет...»	Кричишь ли, молчишь – никто не тревожит		
		«Немого учат говорить...»	Ты замолчишь – он замычит Но счастлив он, что не молчит		
	1969	«Молитва лесу»	У нас похуже, и мы молчим		
70-е годы	1970	«О рыбах»	Нет, не стали бы молчать	7	6
		«Одно мне хочется сказать поэтам...»	Умейте домолчаться до стихов		
	1971	«Идешь и думаешь так громко...»	Что и оглянешься не раз, И – молча : «Это не для вас, И – молча : «Неужели слышно?»		
	1972	«Превращения»	Им что ни скажешь – все не то, И я поэтому молчала		
	1975	«Когда молчанье перешло предел – ...»	Когда молчанье перешло предел		
	1976	«Уж лучше бы мне череп раскрыли...»	Тоска молчит , тоска мычит без слов		

Окончание табл.

Период	Год	Название стихотворений	Лексическое выражение молчания	Частотность	Кол-во текстов
Без дат	–	«Хоть не лелей, хоть не голубь...»	А то, о чем молчим вдвоем, Дано лишь нам двоим Что ж ты молчишь из года в год?	13	8
		« – Что ж ты молчишь из года в год...»	И я молчу десятки лет Молчаньем горькой родины. В молчанье смерти выбыли. Но промолчу весь жалкий век		
		«Что толковать! Остался краткий срок...»	Молчание , пока еще не поздно		
		«К своей заветной цели...»	И снег молчал про это		
		«Неумение писать письма»	Понять меня, простить и про-молчать молчать вы и так уже молчите		
		«Перестал человек писать стихи...»	И не время его начинать, А время молчать .		
		«Ночами думала о многом...»	Душа стояла перед Богом В молчанье горестном и строгом		
		«Сказочка»	Зиму – пролежу молчком		

В результате анализа мы приходим к следующим выводам.

1. Слово «молчание» и однокоренные слова встречаются в корпусе оригинальных стихов М.С. Петровых (всего 232 стихотворения согласно подсчетам всех выпущенных сборников) 43 раза: имя существительное – 10 раз, 23,25 %; глагол – 30 раз, 69,77 %; прилагательное – 3 раза, 6,98 %. При этом с 1950-х годов их частотность усиливается.

Петровых предпочитает глаголы с основой «молчать» – *молчать, помолчать, промолчать, замолчать, в молчании, домолчаться*.

2. Молчание относится не только к самому человеку, но и к его чувствам: «Тоска молчит, тоска мычит без слов» [11. С. 220] и т.д. Неодушевленный предмет также может обладать этим свойством: «молчание сонных стран», «молчит мороз», «снег молчал про это», «время молчать», «молчаливое торжество легких листьев». Молчание приобретает метафорическое значение.

3. Помимо молчания лирического субъекта (я и мы, 30 %): «Я молчу, спасись не чая», – молчание характеризует и других персонажей: «они молчат», «Ты замолчишь – он замычит».

4. Молчание нередко связано с темами смерти и горя. В таких стихотворениях раскрывается одиночество героини, переживания, связанные с утратой, отсутствие того, кто мог бы понять: «у меня большое горе» [11. С. 40]. В «Ранней утрате» Петровых пишет: «Коль мертв – я помолчу» [11. С. 242]. В стихотворении «Скорей бы эти листья облетели!..» не получив ответа «твоего», лирический герой («я») поясняет, что «...Ты молчишь. Тебя на свете нет» [11. С. 91]. Такая же ситуация описывается во «Сне на рассвете». Мертвые родители, сидят за новогодним столом: «Я что-то им толкуют втихомолку. Они молчат» [11. С. 211].

5. Молчание раскрывается не как временное состояние героини, а как ее постоянная характеристика. В стихотворении «– Что ж ты молчишь из года в год» лексема «молчание» встречается пять раз. Как будто в ответ Ахма-

товой «...А я молчу – я тридцать лет молчу» [1. С. 209], Петровых пишет: «И я молчу десятки лет» [11. С. 117]. Лишь иногда у героини появляется желание преодолеть молчание: «Если я смогу преодолеть / Молчание, пока еще не поздно» [11. С. 155].

6. Молчание является чертой не только героини («...меня тоска гнетет / От горя человеческого» [11. С. 117]), но и служит нравственной характеристикой социального времени: «молчанье горькой родины» [11. С. 117].

Концептуальное стихотворение с темой молчания «Одно мне хочется сказать поэтам...» (1971) было написано М.С. Петровых в последний период ее творчества. Оно может рассматриваться как поэтическое завещание. Его объем – 35 слов. В восьми строчках пятистопного ямба преобладают глагольные конструкции (7): «хочется сказать», «умейте домолчаться», «не пишется», «подумайте», «дознаваясь», «не позабудьте», «не бойтесь»). Вопросно-ответное построение стихотворения подталкивает к размышлениям. Что значит «домолчаться»? Петровых сама вместо читателей задает вопрос: «Не пишется?» Автор не сразу отвечает на этот вопрос, призывая адресатов подумать «без оправданий и обиняков». Противительный союз «но» способствует выявлению цели высказывания. Поэты должны осознать жестокую суть своего творческого молчания. Повтор – *жестокая суть, жестокое молчание* акцентирует губительность творческой немоты. О причинах молчания не сказано. Но это мнимая недоговоренность. Глагольная приставка *до* («дознаваясь», «домолчаться») указывает на длительность процесса познания смысла и цели творчества, преодоления неоправданной немоты и страха, связанных не с личными причинами, а с общим бытием.

Рифмы стихотворения имеют смысловое значение. Петровых прибегает к традиционному чередованию женской и мужской рифм: поэтам/этом; стихов/обиняков; сути/позабудьте; своего/ничего. В нечетких строчках – женские рифмы (э/у), в четких строчках – мужские рифмы (неизменное «о»). Последнее ударение последней строки падает на последний слог последнего слова «ничего». Это рассматривается как звуковой отклик на предшествующие строки на фонетическом уровне («домолчаться до стихов») и в содержательном аспекте («и главное»), а также на последнюю строку – смысловой вывод («не бойтесь ничего») всего стихотворения. Три необходимых условия творчества М.С. Петровых изображены на рисунке.

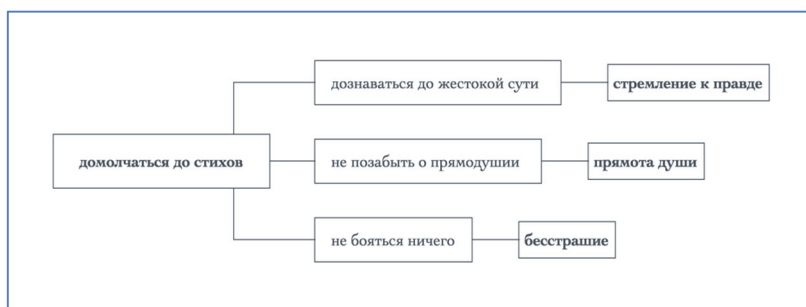

Рисунок. Необходимые условия творчества согласно М.С. Петровых

Автор подчеркивает, что бесстрашие – предпосылка и основа основ творческого поведения.

Заключение

Итак, «домолчаться до стихов» означает не отказ от творчества, а необходимость писать то, что соответствует внутреннему нравственному стремлению: «Я все-таки люблю, когда пишут прямо».

«Молчание» было темой не только М. Петровых, А. Ахматовой, но и других писателей эпохи 1930–1950-х годов, что обусловлено атмосферой времени. Внешняя и внутренняя цензура диктовали стиль поведения. Но поэт должен дознаваться до жесткой сути происходящего и воссоздавать подлинную действительность, писать правду. Значение «домолчаться до стихов» состоит именно в этом. Это не просто афоризм, а смысл подлинного творчества.

Мария Сергеевна Петровых, талантливый поэт, заслуживает внимания не только в России, но и за рубежом. В данной статье «молчание» рассматривается как личный выбор художника, обусловленный мировосприятием Петровых, ее отношением к слову. Обращаясь к повторам лексемы «молчание» и ее словоформам в стихах М.С. Петровых, мы показываем поэтический эффект этого приема и семантику глагола «домолчаться» в стихотворении «Одно мне хочется сказать поэтам...». Дальнейшее обращение к мотиву молчания в поэзии М. Петровых, предполагает исследование слов-обертонов – «немота», «тишина» и анализ стихотворений, связанных с концептом молчания.

Список литературы

- [1] *Ахматова А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Эллис Лак, 1999. 649 с.
- [2] *Ахматова А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2000. 709 с.
- [3] *Богданова Т.В.* Поэзия Марии Петровых: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1991. 187 с.
- [4] *Жирмунский В.М.* Композиция лирических стихотворений. СПб.: Опыз, 1921. 107 с.
- [5] *Кастарнова А.С.* Мария Петровых: проблемы научной биографии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 208 с.
- [6] *Мкртчян М.А.* Роль творчества Марии Петровых в развитии русско-армянских литературных отношений: дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1990. 130 с.
- [7] *Николаев П.А.* Русские писатели XX века: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 844 с.
- [8] *Петровых М.С.* Дальнее дерево. Ереван: Айастан, 1968. 206 с.
- [9] *Петровых М.С.* Избранное. М.: Художественная литература, 1991. 383 с.
- [10] *Петровых М.С.* Домолчаться до стихов: стихотворения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 429 с.
- [11] *Петровых М.С.* Лирика. М.: Эксмо, 2012. 349 с.
- [12] *Птушкина Н.М.* Жизнь и творчество // Костер в ночи: стихи и переводы. URL: <https://mybrary.ru/books/poetry-/poetry/243013-mariya-petrovyh-koster-v-nochi.html> (дата обращения: 15.11.2019).
- [13] *Струве Н.А.* Осип Манделштам. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1988. 335 с.
- [14] *Чуковская Л.К.* Записи об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966. М.: Согласие, 1997. 544 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2019

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019

Для цитирования:

Ван Мэнцзяо, Пономарева Т.А. «Домолчаться до стихов»: «молчание» в жизни и творчестве М.С. Петровых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 101–110. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-101-110>

Сведения об авторах:

Ван Мэнцзяо, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: 1374786758@qq.com

Пonomарева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: taponomareva@mail.ru

Research article

**“Keep silence to poetry”:
“silence” in M.S. Petrovykh’s life and writing**

Wang Mengjiao, Tatiana A. Ponomareva

Moscow Pedagogical State University
1 Malaya Pirogovskaya St, bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

The motive and image of “silence” in M.S. Petrovykh’s lyrics is connected with her poetic worldview, understanding of the creative nature and social reality. Image “silence” defines the lyrical plot of the conceptual poem “One thing I want to say to poets...”. The poem reveals the type of creative and life behavior that the author professes. On the basis of some biographical facts of M. Petrovykh, which are confirmed in verse, the lexical and semantic level of poems in which the image and motive “silence” are presented is analyzed in this paper. “Silence” was the theme not only of M. Petrovykh, A. Akhmatova, but also of other writers of the era of the 1930s and 1950s, which is due to the atmosphere of the time. External and internal censorship dictated the style of behavior. But the poet must get to the hard core of what is happening and recreate the true reality, write the truth. The meaning of “keep silence to poetry” is precisely this. This is not just an aphorism, but the meaning of genuine creativity.

Keywords: image, motive, silence, creative behavior, semantic analysis, “keep silence to poetry”

References

- [1] Akhmatova, A.A. (1999). *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: in 6 vols. Vol. 2. Book 1. Moscow: EllisLuch Publ.
- [2] Akhmatova, A.A. (2000). *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: EllisLuch Publ.
- [3] Bogdanova, T.V. (1991). *Poesiya M.S. Petrovykh* [Poetry of M.S. Petrovykh] (PhD Thesis, Philological Sciences). Tashkent.
- [4] Zhirmunsky, V.M. (1921). *Compositsiya liricheskikh stikhotvoreniy* [Composition of lyric poems]. Saint Petersburg: Opoyaz Publ.

- [5] Kastarnova, A.S. (2009). *Mariya Petrovykh: Problema nauchnoi biographii* [*Maria Petrovykh: Problems of a scientific biography*] (PhD Thesis, Philological Sciences). Moscow.
- [6] Mkrtchyan, M.A. (1990). *Rol proizvedeniy Marii Petrovykh v razvitiu russko-armyanskikh literaturnykh svyazey* [*Role of the work of Maria Petrovykh in the development of Russian-Armenian literary relations*] (PhD Thesis, Philological Sciences). Yerevan.
- [7] Nikolaev, P.A. (2000). *Russkiye pisately XX veka* [*Russian writers of the 20th century*]: Biographical Dictionary. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ.
- [8] Petrovykh, M.S. (1968). *Dalneye derevo* [*The distant tree*]. Yerevan: Hayastan Publ.
- [9] Petrovykh, M.S. (1991). *Izbrannoye* [*Favorites*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
- [10] Petrovykh, M.S. (1999). *Domolchatsa do stichov* [*Keep silence to poetry*]: Poems. Moscow: EKSMO-Press.
- [11] Petrovykh, M.S. (2012). *Lirika* [*Poetry*]. Moscow: Eksmo Publ.
- [12] Ptushkina, N.M. (2019). Zhizn' i tvorchestvo [Life and work]. *Koster v nochi: Stikhi i perevody* [*Bonfire in the night: Poems and translations*]. Retrieved from <https://mybrary.ru/books/poetry-/poetry/243013-mariya-petrovykh-koster-v-nochi.html>. (accessed: 15.11.2019).
- [13] Struve, N.A. (1988). *Osip Mandelshtam*. London: Overseas Publications Interchange.
- [14] Chukovskaya, L.K. (1997). *Zapiski ob Anne Akhmatovoi* [*Records of Anna Akhmatova*]. Vol. 3. 1963–1966. Moscow: Consent Publ.

Article history:

Received: 8 December 2019

Revised: 20 December 2019

Accepted: 25 December 2019

For citation:

Wang, Mengjiao, & Ponomareva, T.A. (2020). “Keep silence to poetry”: “Silence” in M.S. Petrovykh’s life and writing. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 101–110. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-101-110>

Bio notes:

Wang Mengjiao, Ph.D. student of Department of Russian Literature of 20–21 Centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. E-mail: 1374786758@qq.com

Tatiana A. Ponomareva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of 20–21 Centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. E-mail taponomareva@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130
УДК 821.133.1

Научная статья

Личное и социальное в автобиографическом письме Анни Эрно

Ю.А. Косова¹, Е.Б. Пономаренко¹, Ж. Сиари²

¹Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

²Университет Поля Валери, Монпелье III
Французская Республика, 34199, Cedex 5, Монпелье, Рут де Манд

В статье изучаются художественно-мировоззренческие особенности автобиографизма в произведении известной современной французской писательницы А. Эрно «Место в жизни». Раскрывается художественное своеобразие разрабатываемого ею «плоского письма», близкого по форме и содержанию к документальным этнографическим и социологическим исследованиям и лишённого характерной для автобиографии субъективности. Движение автобиографического письма рассматривается сквозь призму реализации в тексте понятия «символическое насилие», заимствованного из социологии П. Бурдьё. Доказывается, что художественное исследование социально-исторических закономерностей возникновения «классовой дистанции» между отцом и дочерью заменяет у А. Эрно характерное для автобиографии хронологическое событийное повествование. Анализ ключевых для поэтики А. Эрно концептов, таких как «мир», «место», «стыд», «нижнее положение», позволяет понять, с одной стороны, как рождается социально-культурное отчуждение, а с другой стороны, становится поводом для социальной критики действительности.

Ключевые слова: автобиографическое письмо, память, личное, социальное, социологический подход, символическое насилие, плоское письмо

Research article

The individual and the social in Annie Ernaux's autobiographical writing

Yulia A. Kosova¹, Elena B. Ponomarenko¹, Gérard Siary²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

²Paul Valéry University of Montpellier
Mende Road, Montpellier, 34199, Cedex 05, French Republic

This article examines the ideological and aesthetic peculiarities of autobiographical writing in “La Place” by Annie Ernaux, a well-known contemporary French writer. We argue that Annie Ernaux's “flat writing” is close to a sociological or ethnographic study and nearly

© Косова Ю.А., Пономаренко Е.Б., Сиари Ж., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

devoid of any autobiographical subjectivity. Autobiographical writing is approached through the concept of symbolic violence, borrowed from the sociologist P. Bourdieu. Ernaux indeed replaces event history, a feature of autobiography, by the study of socio-historical causes of “class distancing” between father and daughter. The analysis of key concepts of the Ernaux's poetics makes it possible, on the one hand, to grasp the appearance of social and cultural alienation and, on the other hand, to achieve a social criticism of reality.

Keywords: autobiographical writing, memory, intimate, social, sociological approach, symbolic violence, flat writing

Введение

Творчество Анни Эрно занимает особое место в литературном пейзаже современной Франции. Она является автором более двадцати книг, большинство из которых увидели свет в престижном издательстве «Галлимар» и переведены на различные языки мира, в том числе и на русский. В известном издании «Словарь: современная французская литература» под редакцией Жерома Гарсена ее имя фигурирует среди двухсот пятидесяти писателей, чьи произведения стали классикой литературы Франции XX в. Писательница удостоена многих престижных французских и международных литературных премий. В 1984 г. художественное новаторство ее произведения «Место в жизни» («La Place») было отмечено премией «Ренодо», лауреатами которой ранее были такие всемирно признанные мастера слова, как Л.-Ф. Селин, А. Арагон, М. Бютор, Ж.-М. Гюстав Леклезю, Ж. Перек. В 2019 г. она являлась одним из шести номинантов на «Международную Букеровскую премию».

Проза А. Эрно изучается в средних школах и университетах Франции. Благодаря многообразию затрагиваемых тем и подходов в постижении реальности – личной, социальной, классовой, исторической, гендерной – ее произведения являются предметом многостороннего анализа не только в зарубежном литературоведении, но и вызывают интерес у социологов, историков и психоаналитиков. Однако в отечественной науке о литературе нет значительных работ, посвященных ее творчеству, хотя имя А. Эрно упоминалось в контексте изучения автофикционального жанра во французской литературе рубежа XX–XXI вв. [1; 2].

Наряду с П. Мишоном, П. Бергунью, Ф. Боном, Ж. Руо и др., А. Эрно принадлежит к поколению французских писателей 1980–1990 гг., которые, не переставая ощущать себя наследниками нового романа с его приоритетом формального поиска и «подозрением» к миметической репрезентации действительности, референциальности и психологизму, возвращаются к «переходной» литературе с автобиографической доминантой. Благодаря общности провинциального и непривилегированного происхождения (А. Эрно родилась 1 сентября 1940 г. в Лильбоне в семье мелких коммерсантов, выходцев из крестьян) они привносят в нее критическое переосмысление знакомой им с детства, но долгое время остававшейся за рамками большой литературы реальности провинциальной Франции второй половины XX в. В связи кризисным состоянием современного мира осмысление «мизерных жизней» [3] приобретает особую важность и неизбежно становится, по словам французского литературоведа Д. Виара, «политическим вопросом» [3. С. 107].

А. Эрно утверждает, что «литература должна смущать (*gêner*), она связана с чем-то сексуальным» [4. С. 42] (здесь и далее перевод с французского наш. – Ю.К.), то есть является некоторой формой трансгрессии, нарушения запретов, обнаружения несказанного, а также способом воздействия на мир. В своих книгах писательница раскрывает темы, о которых не принято было говорить открыто и без эстетического смягчения: сексуальное и страсть, аборт, болезнь, двусмысленное положение женщины в буржуазных семьях, унижительные условия существования пролетариата, социальное неравенство в прошлом и настоящем, новые «отверженные» на окраинах мегаполисов. Неслучайно многие критики пишут о ней: «Она осмелилась...» [5. С. 93].

Д. Виар причисляет А. Эрно, «наделенную острым социально-политическим сознанием», к создателям «критического вымысла», в котором художественный текст перестает быть «предикативным» (*prédicatif*), то есть просто репрезентирующим состояние мира, и «соглашающимся» (*consentant*), то есть примиряющимся с установленным порядком вещей и проповедующим доксу, а превращается в пространство рефлексии и продуцирования критических смыслов. Задача, которую ставят перед собой литераторы, является «трижды критической» [3. С. 120]. Вопросание обращено к миру с его прошлым и настоящим, к каноническим литературным формам и к собственной манере письма как способу выразить реальность без идеологического и эстетического искажения. Художественная форма расследования, архивирование следов и объективных знаков существования становятся наиболее адекватным способом постижения ускользающей реальности, быстротечности времени, изменчивого характера истории, но в творчестве современных французских писателей такой подход реализуется по-разному. Разрабатываемая А. Эрно форма автобиографического письма, на которую сильное влияние оказали идеи социолога П. Бурдьё, далека от канонов как автобиографического, так и автофикционального жанров. В ее книгах рассказ «о себе» и о своих предках сочетается с широким социологическим материалом и металитературной рефлексией, а выстраиваемые вокруг «я» рассказчицы темы не перестают нарушать горизонт ожидания читателя.

Обсуждение

Четвертая книга А. Эрно «Место в жизни» (1984 г.), посвященная судьбе отца, является поворотным этапом не только в творчестве писательницы, но и определяет новый для современной французской литературы подход в «письме о себе», так как не вмещается в рамки ни одного из известных литературных жанров, старых и новых. Это ни роман, ни автобиография, ни биография, ни «автобиографический вымысел» (*autofiction*), ни «рассказ о родственных связях» (*récit de filiation*), но то, что в дальнейшем она сама назовет «авто-социо-биографией».

Понимание того, что личное всегда социально, что субъективность не мыслится вне истории, вне социального детерминизма, вне идентификации с «другим», приводит писательницу к созданию этой гибридной формы автобиографического письма, представляющей собой «нечто между литературой, социологией и историей» [6. С. 106]. Она преследует цель не собрать свою

идентичность в процессе письма, а, наоборот, «потерять свое «я», растворить его в более широкой реальности. А. Эрно утверждает: «Я пользуюсь моей субъективностью для того, чтобы обнаружить, раскрыть механизмы и явления более общие, коллективные» [7. С. 148]. По словам Ф. Дюга-Порт, несмотря на присущую произведениям А. Эрно субъективность, они выходят за рамки «простого эготического припоминания», их целью является «не интроспекция внутреннего мира, но исследование себя как сознания, неотделимого от условий существования» [5. С. 46].

На обложке книги не указана ее жанровая принадлежность. Во включенных в текст металитературных комментариях автор сразу же открыто заявляет, что «роман невозможен», так как желание «сделать что-то увлекательное или волнующее» из «жизни, подчиненной требованиям житейской нужды», было бы предательством по отношению к родителям и своей пролетарской среде происхождения [8. С. 24]. Новый язык повествования о прошлом получает название «плоское письмо» (*une écriture plate*). Для него характерна простая констатация фактов и архивирование объективных следов существования рабочих и крестьян: организация быта и труда, поведение, ценности, вкусы, предпочтения, страхи, слова и т. д. Отсутствие всякого стилистического украшения и художественности, на первый взгляд, сближает «плоское письмо» с языком социологического или этнографического исследования. Неслучайно, что в рабочем варианте книга называлась «Элементы для семейной этнографии». В «плоском письме» нет ни лиризма, ни сентиментальности, ни патетики, ни популизма, ни иронии. А. Эрно объясняет это так: «Я буду собирать слова, жесты, вкусы моего отца, значительные факты его жизни, все объективные знаки существования, которое я тоже разделяла. Никакой поэзии воспоминаний, никакого веселой насмешки. Плоское письмо мне приходит на ум естественным образом, оно похоже на то, как я раньше писала письма родителям, для того чтобы сообщить им главные новости» [8. С. 24].

В новом подходе к «письму о себе» очевидно влияние социологической теории П. Бурдьё, ключевыми понятиями которой являются «различение», «габитус», «властвующие/подвластные», «символическое насилие». Знакомство с его работами имело для А. Эрно огромное «онтологическое» значение, так как позволило осознать «социальное бессознательное» (*refoulé social*), скрытые механизмы воспроизводства социального неравенства в обществе: «Прочитать в семидесятые годы “Наследники”, “Воспроизводство”, а позже “Различение” значило и продолжает значить для меня испытать сильный онтологический шок. Я намеренно использую термин “онтологический”: бытие, которое считалось нашим бытием, не казалось больше тем же самым, сложившееся видение себя и других в обществе распалось, наше место, наши вкусы, ничто больше не являлось естественным, само собой разумеющимся...» [9]. Благодаря трудам социолога отдаление от своей среды, это, по словам писательницы, «внутреннее изгнание», перестало быть единичным случаем, а оказалось проявлением социальных закономерностей, с которых были сняты маски.

В произведении «Место в жизни» присутствует тенденция к обобщению, превращению индивидуального опыта в демонстрацию общих явлений. А. Эрно

пытается вырваться из «ловушек индивидуального» [8. С. 45]. Судьба отца, изложенная в серии разрозненных и разнородных фрагментов, разделенных графическими пробелами и организованных вокруг незначительной бытовой детали, слова или факта биографии, представлена не как нечто единичное, а как опыт, репрезентирующий образ жизни всей социальной группы. Конфликт с дочерью также не является исключительно личным событием. Отсутствие имен собственных, преобладание местоимения «мы», значение которого передается во французском языке двумя грамматическими формами *nous* и *on*, использование заглавных букв *L.* и *Y.* для обозначения городов, в которых жила семья автора-рассказчицы, участвуют в деперсонализации личного опыта.

Движение автобиографического письма в этом произведении становится более понятным, если рассмотреть его сквозь призму реализации в тексте символического насилия, понятия, заимствованного из социологии П. Бурдьё. Под действием этого механизма подчинения установленному общественному порядку между необразованным отцом и образованной дочерью, занимающими разное место в социальном пространстве, возникает, как подчеркивает автор, «классовая дистанция». А. Эрно преследует две цели: с одной стороны, раскрыть, как возникло это социальное и культурное отчуждение, а с другой стороны, преодолеть его, «реабилитируя» свое прошлое в процессе письма.

Согласно П. Бурдьё, в отличие от физического воздействия, символическое насилие является неявным и неосознанным. Оно устанавливается, когда «подвластные» начинают видеть себя и свои условия существования глазами «властвующих», разделять с ними и считать не просто легитимным, но продиктованными самой природой схемы восприятия и оценки, через которые они воспринимаются как подчиненная группа [10. Р. 87]. Символическое насилие выражается в ряде жестов подчинения, так как объективные внешние структуры, социальное – деятельность индивида и окружающая его среда – вписываются в «тело подвластного», структурируя его образ мыслей, внешний вид, поведение, положение тела и т. д.

У А. Эрно жертвой символического насилия являются одновременно и отец, и дочь. Восприятие автором-рассказчицей разрыва с отцом как «предательства» порождает чувство вины и необходимость «искупления» через «реабилитацию» народной среды и разоблачение социального конформизма, позволяющего не замечать или оправдывать существующее классовое неравенство. Книга предваряется эпиграфом, взятым из Ж. Жене: «Я осмеливаюсь дать объяснение: писать – это последнее прибежище для того, кто предал».

Прежде всего А. Эрно снимает завесу с темы народной жизни, раскрывая «унизительные условия нашего (его) существования». Суровая реальность резюмируется в серии ключевых слов, организующих произведение: «мир» (*monde*), «место» (*place*), «стыд» (*honte*), «низшее положение» (*infériorité*).

Социальная действительность Франции предстает разделенной на два резко отличающихся «мира»: «властвующих» и «подвластных». Мир «властвующих» характеризуется материальным достатком, образованностью и хорошими манерами, проживанием в центре города или замке, отдыхом на море. Неслучайно, говоря о времени и месте рождения отца, А. Эрно заостряет вни-

мание читателя на близости его родного дома к морю, являющемся для него недостижимым знаком благополучия: «История начинается за несколько месяцев до начала двадцатого века в деревеньке в местности Ко, в двадцати пяти километрах от моря» [8. С. 24]. Счастье вырваться благодаря службе в армии из замкнутой крестьянской среды передается при помощи сравнения. В восприятии отца рассказчицы полковая казарма сближается с замком («казарма была больше, чем замок»), важным референциальным ориентиром в пространственно-временной картине мира французского крестьянина.

Представление о буржуазной среде у А. Эрно дополняется интертекстуальной переключкой с Р. Бартом и П. Бурдьё. Это закрытый «мир, который управляет, господствует, пишет» [8. С. 76], навязывая и узаконивая посредством культуры и образования превосходство своего языка, правил поведения и стиля жизни. Даже воспоминание о счастливом детстве, проведенном в народной среде, кажется ему «дурным вкусом» [8. С. 73]. «Властвующие» предпочитают забыть, что «мир внизу» [8. С. 73] существует. Он воспринимается ими в качестве безмолвной «декорации» [8. С. 96].

Другая Франция, в которой жил отец рассказчицы и росла она сама, населена испытывающими нужду неграмотными или недостаточно хорошо образованными людьми, проживающими в сельской местности или в рабочих кварталах, которые могут себе позволить провести один раз в жизни «три дня на берегу моря» [8. С. 66]. Это мир, в котором «все стоит дорого» [8. С. 58]. Непрекращающаяся нужда, покорность обстоятельствам, отказ от желаний передается в тексте через повторение в разных пространственно-временных контекстах жизни отца (работа на ферме, первый магазинчик в L., годы войны, жизнь в Y.) неопределенно-личной конструкции *il fallait* («нужно было») или выражения *avoir besoin* (нуждаться в чем-либо). Предложения выделяются курсивом, который у А. Эрно служит графическим способом введения чужой речи: «Мы все-таки были счастливы. Нужно было» [8. С. 32]; «...им нужно было жить» [8. С. 40]; «Нужно будет продавать» [8. С. 41]; «Нужно было жить несмотря ни на что» [8. С. 49].

Внешнее различие между «властвующими» и «подвластными» объективируется писательницей в столкновении двух стилей жизни, двух вкусов. «Вкус классифицирует, распределяет по классам того, кто классифицирует» [11. С. 7] в процессе выбора не только объектов эстетического потребления, но и одежды, домашней обстановки, еды, форм досуга. Писательница перечисляет простонародные привычки и вкусы отца. Он предпочитал цирк и ярмарки посещению музеев, газеты – книгам, красивые пейзажи – произведениями искусства, колбасные изделия – соусам, нож – вилке, работу в огороде – поездкам в город и т. д. Его предпочтения соответствуют «вкусу нужды», который противопоставляется «вкусу к свободе и/или роскоши» представителей привилегированного класса. Отличие двух образов жизни определяется в произведении «антитезой между качеством и количеством, жирной едой и изысканными блюдами, содержанием и формой» [11. С. 7].

Для рассказчицы буржуазия, вкусы и образ жизни которой отличаются от ее среды, представляется «другим миром» [8. С. 65]. Люди, пришедшие из противоположного социального слоя, воспринимаются в обеих «полови-

нах мира» как «посторенные, иностранцы» (*étranger*). Она сравнивает себя с эмигранткой, перебежчицей: «Я медленно эмигрирую в сторону мелкобуржуазного мира...» [8. С. 79]. Предательство осуществляется ценой забвения «манер, идей и вкусов» своего мира.

В результате действия символического насилия разделение мира на две части признается отцом легитимным, само собой разумеющимся: «Весь мир поделен на две коалиции» [8. С. 75]. В своих желаниях, житейских потребностях, в понимании счастья он, как и все простые люди, довольствуется малым, как если бы не имел права на большее. Автор очерчивает границы материального благополучия народа, цитируя слова родителей: «У нас было все, что нужно, то есть мы ели досыта (доказательством чего была покупка мяса четыре раза в неделю в мясной лавке), в кухне и в кафе было тепло, единственных комнатах, где мы жили. Два комплекта одежды, один для повседневной носки, другой для воскресных дней...» [8. Р. 56].

В полифоническом дискурсе А. Эрно эта литания скрытой нужды не противоречит представлениям буржуазии о легитимности скромных потребностей народа: «Запах цветущей бирючины в конце весны, звонкий лай собак в ноябре, отчетливо слышащийся шум проходящего поезда, знак холода, да, несомненно, все то, что позволяет миру, который правит, господствует, пишет в газетах, говорить, что «эти люди все-таки счастливы»» [8. Р. 76]. Суровая реальность тяжелого труда и материальной нужды остается под запретом и окутывается молчанием в дискурсе «властвующих».

Однако А. Эрно показывает, что примирение простых людей с «унизительными условиями нашего существования» связано с принятием ярлыка «ничтожности, низшего положения», установленного для них «властвующими», которые манипулируют стереотипом образованности как главным основанием человеческого достоинства. Даже отец рассказчицы оценивает человека, применяя критерии «властвующей» группы. Воспоминание о ее дедушке неизменно начиналось с подчеркивания его неграмотности: «Каждый раз, когда он мне рассказывал о нем, это начиналось с “он не умел ни читать, ни писать”, как если бы его жизнь и его характер нельзя было понять без этой изначальной данности» [8. С. 26].

Повторяя «чужие слова», продиктованные существующим общественным порядком, простые люди стыдятся своей ограниченности, «незнания того, что мы бы обязательно знали, если бы мы не были тем, чем были, то есть людьми низшего сорта» [8. С. 60]. Отсутствие образования и хороших манер воспринимаются как недостаток, требующий оправдания: «Что вы хотите, он же из деревни».

А. Эрно настаивает на том, что улучшение уровня жизни в послевоенное время, которое проявляется в изменении потребительской корзины, в появлении телевизоров, фотоаппаратов, машин, удобств внутри дома, не помогает преодолеть глубинное расхождение между двумя социальными классами, так как оно основывается не только и не столько на материальном положении, сколько на допуске к культуре и образованию, а через них и к власти. Отсутствие образования унижает человека и становится постоянной причиной гнева и ненависти, обращенной к себе и другим. «Ненависть и рабское состояние. Ненавистное отношение к своему рабскому состоянию» [8. С. 75].

Принадлежность к классу «подвластных» проявляется в серии жестов подчинения, которые контрастируют с естественным поведением элиты. Робость, серьезность, подобострастие свойственны простым людям при контакте с буржуазией. На семейных фотографиях родители никогда не улыбаются. Отец автора-рассказчицы «готов вывернуться наизнанку» (*se mettre à quatre pattes*)), чтобы угодить лицейским подругам дочери, приехавшим к ним в гости. Обращает на себя внимание изменение положения его тела в пространстве. Все большая согбенность является ли результатом тяжелого физического труда в течение жизни (работа в поле, на заводе, на стройке, перетаскивание коробок с провизией для магазина) или же выражением его покорности своей судьбе?

Различие между двумя социальными слоями общества подчеркивается в первую очередь через отношение к слову. Мир делится на тех, кто «умеет правильно говорить» [8. С. 23], и тех, кто не «владеет искусством умной беседы» [8. С. 96]. «Низшее положение» рабочих и крестьян отражается в страхе перед словом и в неумении свободно выражать свои мысли: «Любитель поговорить в кафе, в семье, перед людьми, которые говорили правильно, он молчал или же останавливался посреди фразы, вставляя “не так ли” или просто “нет”, со взмахом руки, просящим человека понять его или же продолжить вместо него. Говорить всегда осторожно, непобедимый страх перед неуместным словом, создающим такое же плохое впечатление, как случайно выпущенный воздух» [8. С. 63]. Попытки рассказчицы выразиться в школьном возрасте на «чистом и стилистически правильном языке» сравниваются с «броском в пропасть» [8. С. 64]. Языковые ошибки представляют собой реальную опасность, так как порождают презрение и унижение со стороны учителей и одноклассниц.

В произведении «Место в жизни» отчуждение между отцом и рассказчицей возникает в подростковом возрасте как «классовая дистанция» [8. С. 23], основанная в первую очередь на нарушении процесса коммуникации: «Я пишу, может быть, потому что нам нечего было больше сказать друг другу» [8. С. 84]. А. Эрно показывает, что благодаря включению в систему буржуазного образования она начинает говорить, думать, вести себя, как ее буржуазное окружение. Для нее становится «естественным» язык господствующего класса, и она отвергает язык своей социальной среды. Дистанция между ней и отцом образуется усвоенными «чужими» словами, которые цитируются в тексте при помощи кавычек. Например, она называет родителей «славными людьми», как потом их будет характеризовать ее муж. Она читает «настоящую» литературу, тогда как ее отец смотрит «глупые» фильмы. В его единственной любимой книге «Путешествие по Франции двух детей» встречаются «странные» с точки зрения буржуазного менталитета фразы о смирении, трудолюбии, милосердии, определяющие образ мысли и жизни простого человека. Отец рассказчицы, наоборот, считал их очень «реальными» [8. С. 30].

Страх отца перед языковыми ошибками и понимание незначительности своих воспоминаний передается глаголом «осмеливаться»: «Он не осмеливался больше мне рассказывать истории из своего детства. Я не говорила ему больше о своей учебе» [8. С. 80]. Новое «место» дочери изменяет его

поведение, он непроизвольно начинает вести себя с ней с той же осторожностью, с которой раньше общался с людьми, занимающими в обществе более высокое положение, а именно – «скромно выпрямляясь перед ними, не задавая никаких вопросов» [8. С. 60]. Гневные вспышки уступают место смиренному молчанию.

Рассказчица, в свою очередь, входит в буржуазный мир путем унижения своей памяти и забвения своих корней. Она должна признать «незначительными, бессмысленными» (*insignifiant*) свои детские воспоминания, согласиться с тем, что все, что она любила, было просто «деревенщиной» (*réquenot*). Она «очистила» (*épuré*) образ родителей от присущих их среде характеристик, сделал его более благородным, соответствующим буржуазным стереотипам. Однако с годами разрыв с отцом начинается восприниматься как утрата, обозначенная метафорой «разведенная любовь» (*amour séparé*), в которой выражается идея разделения двух эмоционально близких сущностей при помощи какой-то внешней силы.

Можно утверждать, что созданный А. Эрно в «Месте в жизни» концепт «униженная память» [8. С. 73]. является движущим стимулом ее автобиографического письма. Забвению своих истоков и табу, наложенному на тему народной жизни в системе буржуазного образования и культуры («...мне было запрещено описывать то, что я знала» [8. С. 69]), противопоставляется «плоское письмо», с помощью которого она «принимает и преодолевает культурный разрыв, импортирует в литературу что-то грубое, тяжелое, жестокое, связанное с условиями жизни, с языком мира, который был полностью ее до восемнадцати лет, с миром рабочих и крестьян» [7. С. 56].

В дискурсе памяти А. Эрно любая реальность, даже самая грубая, называется своими именами, в процессе воспоминания восстанавливается отодвинутая на задворки памяти информация. Моделью для «плоского письма» служит, с одной стороны, язык ее провинциального окружения, в котором «никогда не принимали одно слово за другое» [8. С. 46]. С другой стороны, «знаки силы или унижения» [8. С. 100], которые характеризовали ее отца как представителя «подвластной» социальной группы, она находит в анонимных прохожих, встреченных на перроне вокзалов. Писательница вводит в литературу суровые и грубые реалии жизни народа, картины его бедности и унижения, которые не могут не вызывать беспокойство читателя, так как продолжают существовать в современном мире в провинции и на периферии больших городов.

Образы родителей, воссозданные в произведении во всей наготе их неправильной речи, убогого быта, непритязательных вкусов, обозначаются библейской метафорой «славные тела» (*des corps glorieux*), аллюзивно отсылающей к событию Воскресения Христа. Бросая вызов легитимному дискурсу, А. Эрно являет перед критическим и безжалостным взором читателя «низшее», то, что что составляло, согласно П. Бурдье, последнюю степень эстетического «отторжения, точку негативной референции» [11. С. 61]. Кроме того, в ее автобиографическом проекте, преодолевающем границы дозволенного и обнаруживающим коллективную правду, вызов общественному сознанию неотделим от идеи жертвенности, жертвоприношения своих родных, всей их среды и самой себя.

Заключение

«Место в жизни» А. Эрно вписывается одновременно и в современную литературную тенденцию возвращения к своим истокам путем создания «окольной» автобиографии, в которых рассказчик занимает скорее позицию свидетеля, и в реалистическую традицию изображения условий существования рабочего класса, берущую начало в романах Золя, но на другом смысловом и эстетическом уровне. В этом произведении формальный эксперимент, внимание к языку связаны с художественным осмыслением тем, традиционно являющихся прерогативой социологии. Поиск причинно-следственных связей между событиями жизни отца и своей собственной, рассматриваемых в контексте условий существования, определяет структурно-логическую и языковую организацию произведения, в основе которого лежит оппозиция между двумя социальными классами и образами жизни французского общества: миром буржуазии и миром простых людей (крестьян, рабочих и мелких торговцев), то есть «господствующих и господствуемых» (*dominants – dominés*), согласно социологу П. Бурдьё. Далекое от простого возвращения к реализму и традиционной автобиографии, авто-социо-биографическое письмо А. Эрно позволяет поднимать вопросы бытия простых людей в прошлом и настоящем, не прибегая к рассказыванию истории, психологическим и социальным комментариям, смягчающему реалии жизни ироническому или ностальгическому дискурсу.

ENG

Introduction

The work of Annie Ernaux holds a special place in the literary landscape of modern France. She is the author of more than 20 books, most of which were published at the prestigious Gallimard Publishing House and translated into various languages of the world, including Russian. In the *Dictionary of French-speaking contemporary writers* (Jérôme Garcin's well-known *Dictionnaire des écrivains contemporains de langue française*), her name appears among 250 writers whose works have become classics of French literature of the twentieth century. She was awarded many prestigious French and international literary prizes. In 1984, on account of the innovative character of her work “*A man's place*” (“*La Place*”), she was awarded the Renaudot Prize, the laureates of which were previously internationally recognized word masters such as L.-F. Celine, A. Aragon, M. Butor, J.-M. Gustave Le Clézio, and G. Perec. In 2019, she was one of the six nominees for the International Booker Prize.

The prose of A. Ernaux is studied in French high schools and universities. Due to the variety of topics and approaches to comprehend reality – personal, social, class, historical, gender, – her works are the subject of multilateral analysis not only in foreign literary criticism but also arouse the interest among sociologists, historians, and psychoanalysts. However, in the national science of literature, there is no significant research devoted to her work, though A. Ernaux's name was mentioned in the context of the study of the autofiction in French literature at the turn of the 20th and 21st centuries [1; 2].

A. Ernaux belongs to the generation of French writers of 1980–1990, such as P. Michon, P. Bergougnoux, F. Bon, and others who, without ceasing to deem themselves the heirs of the *nouveau roman* (*new novel*), which gave priority to formal research and “suspicion”, to mimetic representation of reality, referentiality and psychologism, do return to the “transitional” literature with its autobiographical dominance. Due to their modest provincial ascent (A. Ernaux was born on the 1st of September 1940 in Lilbonne in a family of small businessmen of peasant origin), they produce a critical reflection on issues familiar to them from childhood but did for a long time remain outside the framework of the great literary realism of provincial France in the second half of the twentieth century. In connection with the crisis state of the modern world, understanding “*miserable lives*” becomes especially important and, according to the French literary critic D. Viard, an “*inevitable political issue*” (“*des questions nécessairement politiques*”) [3. P. 107].

A. Ernaux claims that “*literature should be confusing, and associated with something sexual*” (“*la littérature c’est quelque chose qui doit gêner, c’est lié à quelque chose de sexuel*”) [4. P. 42], i.e. is a form of transgression, a violation of prohibitions, detection of the unspoken, as well as a way of exerting influence upon the world. In her books, the writer exposes topics that weren’t openly discussed without aesthetic mitigation: sexual and passion, abortion, disease, the ambiguous position of women in bourgeois families, the humiliating conditions of the proletariat, social inequality in the past and present, and the new “*outcasts*” on the outskirts of metropolitan areas. It is no coincidence if many critics wrote: “*She dared to...*” [5. P. 93].

Viard classifies A. Ernaux, “*endowed with a keen socio-political consciousness*”, as one of the creators of the “*critical fictions*” (*la fiction critique*), in which the artistic text ceases to be “*predictive*” (*prédicatif*), that is, simply representing the state of the world, and “*agreeing*” (*consentant*), than is, reconciling with the established order of things and preaching Doxa, but turns instead into a space for reflection and the production of a critical meaning. The task set by the writers is “*three times critical*” (“*triplement critique*”) [3. P. 120]. The question is addressed to the world with its past and present, to canonical literary forms and to its style of writing as a way to express reality without ideological and aesthetic distortion. The artistic form of investigation, archiving of traces and objective signs of existence become the most adequate way to comprehend the elusive reality, the transience of time, the changing nature of history. However, in the work of modern French writers, this approach is implemented in various ways. A. Ernaux developed a form of autobiographical writing, strongly influenced by the ideas of sociologist P. Bourdieu, which is far from the canons of both autobiographical and autofictional genres. In her books, the story “*about herself*” (*l’écriture de soi*) and her ancestors are combined with a wide range of sociological material and metaliterary reflection, and the themes built around the “*I*” of the storyteller do not cease to break the horizon of the reader's expectations.

Discussion

A. Ernaux's fourth book “*A man’s place*” (“*La Place*”) (1984), dedicated to the fate of the father, is a turning point not only in the writer's work but also defines a new approach to modern French literature in “*writing about yourself*”, as it does

not fit into the framework of any of the known literary genres, old and new. This is no novel, no autobiography, no biography, no autobiographical fiction, no “*auto-fiction*”, no “*récit de filiation*”, but what she would later call “*auto-socio-biography*” (*auto-socio-biographie*).

The understanding that the personal is always social, that subjectivity is not conceived outside of history, outside of social determinism, outside of identification with the “*other*”, leads the writer to the creation of this hybrid form of autobiographical writing, which is “*something between literature, sociology, and history*” (“*quelque chose entre la littérature, la sociologie et l’histoire*”) [6. P. 106]. Its aim is not to constitute its identity in the process of writing but, on the contrary, to “*lose its self*” and dissolve it into a broader reality. A. Ernaux states: “*I use my subjectivity to discover and reveal mechanisms and phenomena more general, collective*” (“*je me sers de ma subjectivité pour retrouver, dévoiler les mécanismes ou les phénomènes plus généraux, collectifs*”) [7. P. 148]. According to F. Dugast-Portes, despite the subjectivity inherent in A. Ernaux's works, they go beyond “*simple selfish remembrance*”, and their aim is “*not to introspect the inner world but to explore oneself as a consciousness inseparable from the conditions of existence*” (“*la finalité n’est pas l’introspection pour elle-même, mais l’exploration de soi comme conscience inséparable de ce qui la fait exister*”) [5. P. 46].

The cover of the book does not indicate the genre of the book. In the meta-literary comments included in the text, the author immediately declares that “*a novel is out the question*” (“*le roman est impossible*”) because the desire to tell the story from “*a life governed by necessity*” (“*une vie soumise à la nécessité*”) would betray parents and their proletarian environment of origin [8. P. 24]. The new language of the past called “*flat writing*” (*une écriture plate*). It is characterized by a simple statement of facts and archiving of objective traces of the existence of workers and peasants: the organization of life and work, behavior, values, tastes, preferences, fears, words, etc. The absence of any stylistic ornamentation and artistic effect at first glance brings “*flat writing*” closer to the language of sociological or ethnographic research. It is no coincidence that the working version of the book was called “*Elements for Family Ethnography*” (*Éléments pour une ethnographie familiale*). In “*flat writing*” there is no lyricism, no sentimentality, no pathos, no populism, no irony. A. Ernaux explains it this way: “*I shall collate my father’s words, tastes and mannerisms, as well as the main events of his life. In short, all the external evidence of his existence, an existence which I too shared. No lyrical reminiscences, no triumphant displays of irony. A flat writing comes to me naturally, it was the same style I used when I wrote home telling my parents the latest news*” (“*Je rassemblerai les paroles, les gestes, les goûts de mon père, les faits marquants de sa vie, tous les signes objectifs d’une existence que j’ai aussi partagée. Aucune poésie de souvenirs, pas de dérision jubilante. L’écriture plate me vient naturellement, celle-là même que j’utilisais en écrivant autrefois à mes parents pour leur dire les nouvelles essentielles*”) [8. P. 24].

In the new approach to “*writing about oneself*”, the influence of P. Bourdieu's sociological theory is evident, the key concepts of which are “*distinction*”, “*habitus*”, “*dominants – dominés*” and “*symbolic violence*”. His works were of a great “*ontological*” importance for A. Ernaux, as they made it possible to under-

stand the “*social unconscious*” (“*le refoulé social*”), the hidden mechanisms of reproduction of social inequality in society: “*To read in the seventies ‘Heirs’, ‘Reproduction’ and later ‘Distinction’ meant, and continues to mean, for me to experience a strong ontological shock. I intentionally use the term ‘ontological’: the being that was considered our being did not seem to be the same anymore, the established vision of ourselves and others in the society disintegrated, our place, our tastes, nothing was anymore natural, self-evident...*” [9]. Thanks to the sociologist's work, this “*internal exile*” (*cet exil intérieur*), in the writer's words, ceased to be an isolated case and turned out to be a manifestation of the social patterns from which the masks were removed.

In the work “*A man's place*” (“*La Place*”) there is a tendency to generalize, to turn the individual experience into a demonstration of common phenomena. A. Ernaux tries to escape from the “*traps of the individual*” (“*du piège de l'individuel*”) [8. P. 45]. The father's fate, outlined in a series of disparate and heterogeneous fragments separated by graphic spaces and organized around an insignificant everyday detail, a word or a fact of biography, is presented not as something individual, but as an experience representing the way of life of the entire social group. The conflict with the daughter is also not a purely personal event. The lack of names, the predominance of the pronoun “*we*”, the meaning of which is conveyed in French by the two grammatical forms “*nous*” and “*on*”, and the use of capital letters L. and Y. to denote the cities in which the storyteller's family lived, participate in the depersonalization of personal experience.

The movement of autobiographical writing in this work becomes more understandable if we consider it through the prism of implementation in the text of “*symbolic violence*”, a concept borrowed from the sociology of P. Bourdieu. Under the influence of this mechanism of subordination to the established social order between an uneducated father and an educated daughter who occupy a different place in the social space, as the author emphasizes, “*class distance*” (“*une distance de classe*”). A. Ernaux pursues two goals: on the one hand, to reveal how this social and cultural alienation arose, and on the other hand, to overcome it by “*rehabilitating*” his past in the process of writing.

According to P. Bourdieu, unlike physical influence, “*symbolic violence*” is implicit and unconscious. It is established when the “*subordinate*” begin to see themselves and their conditions of existence through the eyes of the “*ruling*”, to share with them and consider this process not only legitimate but dictated by the very nature of the scheme of perception and assessment through which they are perceived as a subordinate group [10. P. 87]. “*Symbolic violence*” is expressed in some gestures of submission, because the objective external structures, social – the activity of the individual and his environment – fit into the body of the subject, structuring his way of thinking, appearance, behavior, body position, etc.

A. Ernaux's victims of symbolic violence are both father and daughter. The author's perception of the rupture with her father as a “*betrayal*” generates a sense of guilt and a need for “*redemption*” through the “*rehabilitation*” of the folk environment and the exposure of social conformism, which allows to ignore or justify the existing class inequality. The book is preceded by an epigraph taken from Jean Genet: “*I venture an explanation: writing is the ultimate recourse*”

for those who have betrayed” (“*Je hasarde une explication: écrire c’est le dernier recours quand on a trahi*”).

First of all, A. Ernaux removes the veil from the theme of national life, revealing the “*humiliating conditions of our (his) existence*” (“*les barrières humiliantes de notre condition*”) [8. P. 54]. The harsh reality is summarised in a series of keywords organizing the work: “*world*” (*le monde*), “*place*” (*la place*), “*shame*” (*la honte*), “*inferior position*” (*l’infériorité*).

The social reality of France is divided into two sharply different “*worlds*”: “*dominant and dominated*” (*dominants – dominés*). The world of “*dominants*” is characterized by material wealth, education and good manners, living in the city center or castle, relaxing on the sea. It is no coincidence that when speaking of his father's time and place of birth, A. Ernaux focuses the reader's attention on the proximity of his home to the sea, which is an unattainable sign of well-being for him: “*The story begins a few months before the beginning of the twentieth century in the village of Co, twenty-five kilometers from the coast*” (“*L’histoire commence quelques mois avant le vingtième siècle, dans un village du pays de Caux, à vingt-cinq kilomètres de la mer*”) [8. P. 24]. Happiness to escape from the closed peasant milieu of the army is transmitted by comparison. The storyteller's father perceives the regimental barracks to be closer to the castle (“*the barracks were bigger than the castle*” (“*la caserne plus grande qu’un château*”)), an important reference point in the spatial and temporal picture of the world of the French peasant.

The idea of a bourgeois environment in A. Ernaux is supplemented by an intertextual roll call with R. Barthes and P. Bourdieu. It is a closed “*world that rules, dominates, writes*” (“*le monde qui dirige, domine, écrit dans les journaux*”) [8. P. 76], imposing and legitimizing through culture and education the superiority of its language, rules of conduct and lifestyle. Even the memory of a happy childhood spent in a folk environment seems to him to be a “*bad taste*” (“*quelque chose de mauvais goût*”) [8. P. 73]. The “*ruling*” prefer to forget that “*the world below*” (“*le monde d’en bas*”) [8. P. 73] exists. They perceive it as a silent “*scenery*” (“*un décor*”) [8. P. 96].

Another France, where the storyteller's father lived and grew up, is inhabited by illiterate or under-educated people living in rural areas or working-class neighborhoods who can afford to spend once in their lives “*three days by the sea*” (“*trois jours dans la famille, au bord de la mer*”) [8. P. 66]. It is a world where “*everything is worthwhile*” (“*tout coûte cher*”) [8. P. 58]. Continuing need, obedience to circumstances, refusal of desires are transmitted in the text through the repetition in different spatial and temporal contexts of the father's life (work on the farm, the first shop in L., years of war, life in Y.) of the vaguely personal construction “*il fallait*” (“*needed*”) or the expression “*avoir besoin*” (“*needed something*”). The sentences are in italics, which A. Ernaux uses as a graphic way of introducing someone else's speech: “*We were happy after all. We had to*” (“*On était heureux quand même. Il fallait bien*”) [8. P. 32]; “*...they had to live*” (“*ils avaient besoin de vivre*”) [8. P. 40]; “*We had to sell*” (“*Il va falloir vendre*”) [8. P. 41]; “*We had to live no matter what*” (“*Il fallait bien vivre malgré tout*”) [8. P. 49].

The external distinction between “*dominant ones*” and “*dominated ones*” is objectified by the writer in the collision of two lifestyles, two tastes. “*Taste clas-*

sifies, distributes to the classes of the person who classifies” (*“Le goût classe, et classe celui qui classe”*) [11. P. 7] in the process of choosing not only the objects of aesthetic consumption but also clothing, home environment, food, leisure forms. The writer lists the common people's habits and tastes of the father. He preferred circus and fairs to visit museums, newspapers to books, beautiful landscapes to works of art, sausages to sauces, knives to forks, gardening to trips to the city, etc. His preferences correspond to the *“taste of need”* (*“le goût de nécessité”*), which is opposed to the *“taste for freedom and/or luxury”* (*“le goût de liberté – ou de luxe”*) of the privileged class. The difference between the two ways of life is defined in the work by the *“antithesis between quality and quantity, fatty food and delicious dishes, content, and form”* (*“l’antithèse entre la quantité et la qualité, la grande bouffe et les petits plats, la substance et la forme”*) [11. P. 7].

For the storyteller, the bourgeoisie, whose tastes and way of life differ from her environment, is represented by the *“other world”* (*“un autre monde”*) [8. P. 66]. People from the opposite social strata are perceived in both *“halves of the world”* as *“outsiders, foreigners”* (*“étrangers”*). She compares herself to an immigrant, a defector: *“I slowly emigrate towards the petty-bourgeois world...”* (*“J’émigre doucement vers le monde petit-bourgeois”*) [8. P. 79]. Betrayal is carried out at the cost of forgetting the *“manners, ideas and tastes”* of the world.

As a result of symbolic violence, the division of the world into two parts is recognized by the father as legitimate, of course: *“Le monde entier ligué”* [8. P. 75]. In his desires, in his everyday needs, in his understanding of happiness, he, like all ordinary people, is satisfied with small things, as if he had no right to do more. The author outlines the boundaries of the material well-being of the people, quoting the words of parents: *“We had everything we needed, that is, we had enough to eat (the proof of which was buying meat four times a week in a butcher shop), in the kitchen and a cafe was warmth, the only rooms where we lived. Two sets of clothes, one for everyday wear, one for Sundays...”* (*“On avait tout ce qu’il faut, c’est-à-dire qu’on mangeait à notre faim (preuve, l’achat de viande à la boucherie quatre fois par semaine), on avait chaud dans la cuisine et le café, seules pièces où l’on vivait. Deux tenues, l’une pour tous-les-jours, l’autre pour le dimanche...”*) [8. P. 56].

In A. Ernaux's polyphonic discourse, this litany of hidden need does not contradict the bourgeoisie's idea of the legitimacy of the people's modest needs: *“The smell of blossoming turquoise at the end of spring, the ringing barking of dogs in November, the distinctly audible noise of the passing train, the sign of cold, yes, undoubtedly, everything that allows the world, which rules, dominates, writes in the newspapers, to say that ‘these people are happy after all’ ”.* (*“Le parfum des troènes en fleurs à la fin du printemps, les aboiements clairs des chiens en novembre, les trains qu’on entend, signe de froid, oui, sans doute, tout ce qui fait dire au monde qui dirige, domine, écrit dans les journaux, ‘ces gens-là sont tout de même heureux’ ”*) [8. P. 76]. The harsh reality of hard work and the material need remains forbidden and is wrapped in silence in the discourse of the *“dominant ones”*.

However, A. Ernaux shows that the reconciliation of ordinary people with the *“humiliating conditions of our existence”* is linked with the adoption of the label

of “inferiority” (*l’infériorité*), which is established for them as the “dominating one” and manipulates the stereotype of education as the main basis for human dignity. Even the storyteller's father evaluates the individual by applying the criteria of the “dominating” group. Her grandfather's memory invariably began by emphasizing his illiteracy: “Every time he told me about him, it began with ‘he could not read or write’ as if his life and character could not be understood without this initial givenness” (“*Chaque fois qu’on m’a parlé de lui, cela commençait par ‘il ne savait ni lire, ni écrire’, comme si sa vie et son caractère ne se comprenaient pas sans cette donnée initiale*”) [8. P. 26].

Repeating the “other people's words” dictated by the existing social order, ordinary people are ashamed of their limitations, “not knowing what we would have known if we hadn't been what we were, i.e. people of the lowest class” (“*Honte d’ignorer ce qu’on aurait forcément su si nous n’avions pas été ce que nous étions, c’est-à-dire inférieurs*”) [8. P. 60]. Lack of education and good manners are perceived as shortcomings that need to be justified: “What do you want, he is from the village”.

A. Ernaux insists that the improvement of the standard of living in the post-war period, which manifests itself in the change of the consumer's basket, in the appearance of television sets, cameras, cars, and amenities inside the house, does not help to overcome the deep discrepancy between the two social classes, as it is based not only and not so much on the material situation but also the access to culture and education, and through them to power. Lack of education humiliates a person and becomes a constant reason for anger and hatred towards oneself and others. “Hatred and slavery. Hate towards one's own slave state” (“*Haine et servilité, haine de sa servilité*”) [8. P. 75].

Belonging to the class of the “dominated ones” (*dominés*) is manifested in a series of gestures of submission, which contrast with the natural behavior of the elite. Shyness, seriousness, and subservience are characteristic of ordinary people in contact with the bourgeoisie. In family photos, parents never smile. The author's father is “ready to turn inside out” (“*se mettre à quatre pattes*”) to please his daughter's lyceum friends who visit them. The change of position of his body in space attracts attention. Does the increasing bending result from hard physical work during his life (work in the field, in a factory, on a construction site, dragging boxes of food for the store) or is it an expression of his obedience to his destiny?

The distinction between the two social strata of society is emphasized primarily through the relationship to the word. The world is divided into those who “know how to speak correctly” (“*qui parlaient bien*”) [8. P. 63] and those who do not “know the art of intelligent conversation” (“*une conversation spirituelle*”) [8. 3. 96]. The “inferior position” (*l’infériorité*) of workers and peasants is reflected in the fear of the word and the inability to freely express one's thoughts: “The lover of talking in a cafe, in the family, in front of people who spoke correctly, he kept silent or stopped in the middle of the phrase, inserting ‘not so’ or just ‘no’, with a wave of the hand, asking the person to understand it or to continue instead. Speaking with care is always a cautious, invincible fear of an inappropriate word that creates the same bad impression as the accidental release of air” (“*Bavard au café, en famille, devant les gens qui parlaient bien il se taisait, ou il s’arrêtait*”).

au milieu d'une phrase, disant 'n'est-ce pas' ou simplement 'pas' avec un geste de la main qui invitait la personne à comprendre ou à poursuivre à sa place") [8. P. 63]. The storyteller's attempts to express herself at school age in pure and stylistically correct language are compared to a "throw into the abyss" ("*j'avais l'impression de me jeter dans le vide*") [8. P. 64]. Language mistakes represent a real danger because they generate contempt and humiliation on the part of teachers and classmates.

"*A man's place*", alienation between father and storyteller arises in adolescence as a "class distance" ("*une distance de classe*") [8. P. 23], based primarily on the disruption of the communication process: "*I write, perhaps, because we had nothing else to say to each other*" ("*J'écris peut-être parce qu'on n'avait plus rien à se dire*") [8. P. 84]. A. Ernaux shows that thanks to her inclusion in the system of bourgeois education, she begins to speak, think, and behave like her bourgeois environment. For her, the language of the ruling class becomes "natural", and she rejects the language of her social environment. The distance between her and her father is formed by the "alien" words that are quoted in the text. For example, she calls her parents "glorious people" ("*de braves gens*"), as her husband will characterize them later. She reads "real" literature, while her father watches "stupid" films. In his only favorite book, "*Le Tour de la France par deux enfants*" ("*Journey through France of two children*"), and from bourgeois mentality, there are "strange" phrases about humility, diligence, mercy, determining the way of thinking and life of an ordinary man. The storyteller's father, on the contrary, considered them very "real" [8. P. 30].

Her father's fear of language mistakes and conscience of the insignificance of his memories is conveyed by the verb "dare" ("*oser*"): "*He did not dare to tell me stories from his childhood anymore. I never told him about my studies again*" ("*Il n'osait plus me raconter des histoires de son enfance*") [8. P. 80]. His daughter's new "place" changes his behavior, and he involuntarily begins to behave with her with the same care with which he previously communicated with people in a higher position in society, namely, "*modestly straightening himself up before them without asking any questions*" ("*il avait une raideur timide, ne posant jamais aucune question*") [8. P. 60]. Angry outbursts give way to humble silence.

The storyteller, in turn, enters the bourgeois world by humiliating her memory and forgetting her roots. She has to admit her childhood memories are "insignificant" ("*insignificant*"), to agree that everything she loved was just a "country bumpkin" ("*péquenot*"). She "cleared" ("*épurer*") the image of the parents of the characteristics inherent in their environment, making it more noble, attuned to bourgeois stereotypes. Over the years, however, the break with his father began to be perceived as a loss, marked by the metaphor of "divorced love" ("*un amour séparé*"), which expresses the idea of separating the two emotionally close entities by some external force.

It can be argued that the concept of "humiliated memory" ("*une mémoire humiliée*") created by A. Ernaux in "*A man's place*" [8. P. 73] is the driving force behind her autobiographical writing. The oblivion of her origins and the taboo imposed upon the topic of public life in the bourgeois educational and cultural system ("*...I was forbidden to describe what I knew*" ("*si la description de ce que je*

connaissais ne m'avait pas été interdite") [8. P. 69]), is contrasted with "flat writing", through which it "accepts and bridges the cultural gap, imports into literature something crude, heavy, cruel, related to living conditions, to the language of the world that was entirely its pre-eighteen years old, to the world of workers and peasants" ("*J'assume et je dépasse la déchirure culturelle. J'importe dans la littérature quelque chose de dur, de lourd, de violent, lié aux conditions de vie, à la langue du monde qui a été complètement le mien jusqu'à 18 ans, un monde ouvrier et paysan*") [7. P. 56].

In A. Ernaux's discourse of memory, any reality, even the rudest one, is called by its name, and in the process of memory, any information pushed back to the bottom of memory is restored. The model for "flat writing" is, on the one hand, the language of its provincial environment, in which "they never took one word for another" ("*Et l'on n'y prenait jamais un mot pour un autre*") [8. P. 46]. On the other hand, she finds in anonymous passers-by encountered on the train station platform "signs of strength or humiliation" ("*des signes de force ou d'humiliation*") [8. P. 101], which characterized her father as a representative of a "dominated" social group. The writer introduces into the literature the harsh and rough realities of people's lives, the pictures of their poverty and humiliation, which cannot but cause concern to the reader, as they continue to exist in the modern world in the provinces and on the periphery of large cities.

The images of the parents, recreated in the work in all the nakedness of their wrong speech, poor life, unassuming tastes, are denoted by the biblical metaphor "glorious bodies" ("*des corps glorieux*"), which refers exclusively to the event of the Resurrection of Christ. Challenging the legitimate discourse, A. Ernaux reveals before the reader's critical and ruthless gaze "the inferior", i.e. the last degree of aesthetic "rejection, the point of negative reference" according to P. Bourdieu [11. P. 61]. Besides, in her autobiographical project, which crosses the boundaries of what is permitted and discovers collective truth, the challenge to public consciousness is inseparable from the idea of sacrifice, the sacrifice of one's relatives, their entire environment and oneself.

Conclusion

Thus, the novel "A man's place" by A. Ernaux's fits both into the modern literary tendency to return to its origins by creating a "roundabout" autobiography, in which the narrator takes a position of a witness, and into the realistic tradition of depicting the conditions of existence of the working class, which originates in Zola's novels but at a different semantic and aesthetic level. In this work, formal experimentation and attention to language are linked to an artistic understanding of topics that are traditionally the prerogative of sociology. The search for cause-effect links between the events of the father's life and his own, which are considered inextricably linked to the conditions of existence, determines the structural-logical and linguistic organization of the work, which is based on the opposition between the two social classes and the ways of life of French society: the world of the bourgeoisie and the world of ordinary people (peasants, workers and small merchants), that is, the "dominant ones and dominated ones" (dominants – dominés), according to P. Bourdieu. Far from a simple return to realism and traditional auto-

biography, A. Ernaux's auto-socio-biographical writing allows us to raise questions about the existence of ordinary people in the past and present without resorting to storytelling, psychological and social commentary and softening the realities of life with ironic or nostalgic discourse.

Список литературы

- [1] Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12–22.
- [2] Косова Ю.А. Альтернативная версия автобиографического письма в романах Жана Руо «Поля чести» и «Знаменитые люди»: монография. М.: РУДН, 2017. 164 с
- [3] Viart D. La littérature contemporaine et la question politique // Le roman français de l'extrême contemporain. Écritures, engagements, énonciation / B. Havercroft, P. Michelucci, P. Riendeau (dir.). Québec: Éditions Nota Bene, 2010. Pp. 105–123.
- [4] Tondeur C.-L., Ernaux A. Entretien avec Annie Ernaux // The French Review. 1995. Vol. 69. No. 1. Pp. 37–34.
- [5] Dugast-Portes F. Annie Ernaux: étude de l'œuvre. Paris: Bordas, 2008. 191 p.
- [6] Ernaux A. Une femme. Paris: Gallimard, 1987. 112 p.
- [7] Ernaux A. L'écriture comme un couteau. Entretiens avec Frédéric-Yves Jeannet. Paris: Éditions Stock, 2003. 156 p.
- [8] Ernaux A. La place. Paris: Gallimard, 1983. 128 p.
- [9] Ernaux A. Bourdieu: le chagrin // Le Monde. 2002. 5 février.
- [10] Landry J.-M. La violence symbolique chez Bourdieu // Aspects sociologiques. 2006. Vol. 13. No. 1. Pp. 85–92.
- [11] Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 675 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 января 2020

Дата принятия к печати: 15 января 2020

Для цитирования:

Косова Ю.А., Пономаренко Е.Б., Сиари Ж. Личное и социальное в автобиографическом письме Анни Эрно // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 111–130. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130>

Сведения об авторах:

Косова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: uakossova@mail.ru

Пономаренко Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: ponomar_elena@mail.ru

Сиари Жерар, доктор филологических наук, профессор общей и сравнительной литературы, Университет Поля Валери, Монпелье III. E-mail: gerardsiary@gmail.com

References

- [1] Altashina, V.D. (2014). Autofiction in modern French literature: Lego from ego. *Izvestiya Juzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of South Federal University. Philology sciences], (3), 12–22.
- [2] Kosova, J.A. (2017). *Alternativnaya versiya avtobiograficheskogo pisma v romanakh Zhana Ruo "Polya chesti" i "Znamenitye lyudi"* [Alternative version of autobiography writing in the novels by Jean Rouaud "Fields of Glory" and "Of illustrious men"]. Moscow: RUDN University Publ.
- [3] Viart, D. (2010). La littérature contemporaine et la question politique. In B. Havercroft, P. Michelucci, P. Riendeau (Dir.), *Le roman français de l'extrême contemporain. Écritures, engagements, énonciation* (pp. 105–123). Québec: Éditions Nota Bene.
- [4] Tondeur, C.-L., & Ernaux, A. (1995). Entretien avec Annie Ernaux. *The French Review*, 69(1), 37–34.
- [5] Dugast-Portes, F. (2008). *Annie Ernaux: étude de l'œuvre*. Paris: Bordas.
- [6] Ernaux, A. (1987). *Une femme*. Paris: Gallimard.
- [7] Ernaux, A. (2003). *L'écriture comme un couteau. Entretiens avec Frédéric-Yves Jeannet*. Paris: Éditions Stock.
- [8] Ernaux, A. (1983). *La place*. Paris: Gallimard.
- [9] Ernaux, A. (2002, 5 February). Bourdieu: le chagrin. *Le Monde*.
- [10] Landry, J.-M. (2006). La violence symbolique chez Bourdieu. *Aspects sociologiques*, 13(1), 85–92.
- [11] Bourdieu, P. (1979). *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit.

Article history:

Received: 2 January 2020

Revised: 10 January 2020

Accepted: 15 January 2020

For citation:

Kosova, Yu.A., Ponomarenko, E.B., & Siary, G. (2020). The individual and the social in Annie Ernaux's autobiographical writing. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 111–130. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130>

Bio notes:

Yulia A. Kosova, PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: uakossova@mail.ru

Elena B. Ponomarenko, PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ponomar_elena@mail.ru

Gérard Siary, Doctor of Philology, Professor of General and Comparative Literature of Department of Modern Literature, Paul Valéry University of Montpellier. E-mail: gerard-siary@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-131-136
UDC 821.214

Research article

Literary representation of Jewish departure in “The Saga of Muziris” by Sethu

Anju Ok

Pondicherry University
Pondicherry, 605014, Republic of India

Literature and history are fields of knowledge that cannot have an independent existence. This article aims to analyze the interface of literature and history with reference to the novel “The Saga of Muziris” by Sethu. It mainly focuses on the levels which historical events impact the society and the resulting changes in sociocultural realms. An important event in the history of Kerala is considered here – the Jewish departure. Authors have identified literature as history concentrating on significant historical events: for example, K.N. Panikkar in his essay “Novel as Colonial Narrative” analyzes colonisation as individual experience. The article analyzes how social constructions were altered during and after these events. The eventual conclusion is that these events contributed to the restructuring of society largely resulting in triumph of community and hence the novel can be considered as a narrative of history as a social experience.

Keywords: Sethu, The Saga of Muziris, literature as history, multiple narratives, Jewish departure, othering, triumph of community, tragedy of individual

Introduction

Can literature be considered as history? K.N. Panikkar says: “Literature does not ‘happen’ outside history, but within it” [1. P. 3]. Literature of each age has reverberations of its history: history has always been the inspiration for literature. While “A Tale of Two Cities” drew before us the intricacies of French Revolution, “Train to Pakistan” brought to us the horrifying realities of the partition of India. History and literature has this undeniable symbiosis that before the advent of colonial archiving it was literature that acted as archive of history; the famous Vadakkanpattu of northern Kerala is a perfect example of how cultural history of North Malabar was preserved in the form of ballads [2. P. 303]. As Panikkar rightly observes, history meets literature not only when historical events are fictionalized but in every work of literature [1. P. 4]. Literature develops a world of relationships and social structure from various social events and provides details to the emotional realm of people who were involved in the events. “The writer’s imagination, needless to say, is the key agent here for it transmogrifies human conditions into

© Ok A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

meaningful human experiences for the delectation of both historians and belletrist. It rectifies and amends textual and historical incongruities without cancelling the foundation of truth in human experiences. The creative writer is both the recorder and an inventor of history” [3. P. 196]. In other words, it could be said that literature presents us history as experienced by people. Every event prompts multiple perspectives to look at it. If we look at the Holocaust, Jews who had first-hand experience of it have a narrative of their sufferings and survival to share, people who saved themselves from the brutality have their narrative of escaping the scene, people who are not Jews but did not support the persecution law have their own narrative of political turmoil, and people who supported the law have their narrative of purification of Germany. People who experience a particular event happening in a society do not experience it in a homogeneous way; social experience differs with the identity of the one who is experiencing it. Therefore when social experiences vary, there arises the possibility of multiple narratives of the event. In other words, each person or group of people involved in a historical event have their own version of history. In this paper I am attempting to trace how an important event in the history of Kerala and its impact on the social and personal realms of people who lived through it is represented in “The Saga of Muziris” by Sethu thereby analyzing whether the novel could be treated as a narrative of history as a social experience. The paper analyses how departure of Jews altered the social experience of the natives and how the Jewish community experienced the same event.

Discussion

“The Saga of Muziris” is a phenomenal piece of literature by A Sethumadhavan, a renowned Malayalam novelist, known under the pseudonym Sethu. The novel was originally written as “Marupiravi” in Malayalam and was later translated to English by Prema Jayakumar. Aravindan, the protagonist of the novel, returns to his homeland Chendamangalam with his historian friend Perumal after an excavation of the ancient port of Muziris or Muchiripattanam. This journey to his homeland turns out to be Aravindan’s journey to himself and his roots. As he learns more about Muziris, which laid unseen to him all those past years, he explores a part of him that appears to be a writer; duly prompted by his friend. Aravindan discovers the 2000 year old glorious history of Muziris which had been the oasis of traders from Greece, Rome, and Arabia who scooped away our black gold (pepper) for exorbitant prices and changed the lives of the people on the shore forever. Sethu builds up a world that seems to be so exotic with lifelike characters that embodies the soul of Muziris through Aravindan’s writings; novel within a novel. He also explores the more recent social and political milestones in the history of Kerala, which he experienced as a young boy, like the departure of Jews.

Jewish departure for Aravindan was a journey from ‘own’ to ‘other’. Sethu, in one of his interviews about the making of the book, says that his home town Chendamangalam, and adjacent areas like Paravoor, Mala, etc. were among the places of early Jewish settlements [4]. There was no concrete evidence as to when they arrived here though, it could be 2000 or 1500 years ago. “According to tradition, by the time when St. Thomas, the Apostle, came to Kerala there were Jewish colonies in Palayur, Pulloot, Madai and Maliankara which are places in and around

Muziris. They were so numerous that they seem to have had eighteen synagogues and houses of studies” [5. P. 277]. The merchant community of Jews settled down on the areas easily accessible from Muziris and the tolerant society of Kerala welcomed them with rewards. Joseph Rabban, the leader of Anchuvanam group of merchants was bestowed with royal powers by Bhaskara Ravivarma Perumal, the then ruler of the kingdom (5. P. 278). This land treated them as their own showing no discrimination. Aravindan being a member of the same society shares this sense of inclusion. This social inclusion is reflected in Aravindan’s experience as a young boy. When people of lower caste were prohibited to walk through the Paliyam Sanketham (a cluster of royal administrative houses and their temple), Jews were not discriminated. Though this biased social inclusion poses a question mark on the equality of the place, it is evident that Jews were considered as a part of the society. It is also seen in the efforts to promote their language in government schools of the area: “The Cochin, now Kochi, government had decreed that if there were at least eight Jews in school there has to be a part-time teacher to teach them Hebrew during the noon intervals” [6. P. 276]. Being in a society with people from diverse religion who practiced different customs Aravindan considered the Jewish community as his own or rather he believed they considered him as their own; as ‘us’. Otherness dawned on Aravindan when his Jewish classmate Seemon proudly showed him what he called “our flag” [6. P. 270], the Israeli flag. The flag serves here as a tool for othering; us separated into ‘we’ and ‘them’. It was at that point Aravindan learned that the people he thought as their own kind were actually immigrants who are destined to leave for a distant country taking shape called Israel. Othering occurs when a particular group defines itself using another group/person as different from them. “No subject will readily volunteer to become the object, the inessential; it is not the Other who, in defining himself as the Other, establishes the One. The Other is posed as such by the One in defining himself as the One” [7. P. 26]. Though mainly used as a postcolonial concept where the occident produces an uncivilized orient other, otherness in the words of Simone de Beauvoir “is a fundamental category of human thought” [7. P. 26]. Now, to define oneself as ‘the One’ there need to be inevitable components of superiority. Therefore when an individual or group of people is exposed to a seemingly different and superior culture, he experiences a sense of not belonging to that particular culture and thereby as the ‘other’. For Aravindan as a boy, Israel, from the description of his friends and other Jews of the community, appeared as superior space with a flag made of white silk and polished coins. It was intensified by the holiness of the land: “There were separate heavens for people from Chendamangalam in Israel. If Seemon died in Israel, Seemon would go to that heaven. And that would be much higher than the paradise of people from here” [6. P. 276]. Seemon or Aron though doesn’t intentionally play a superior inferior game that would make Aravindan feel like the other, their fevered religious adherence and resulting glorification of their culture as not only different but better eventually leads to othering. Now, othering here is a two way process; while Aravindan feels himself as the other in the presence of the Jewish identity, he also feels the Jewish community is the other in his society.

Jewish departure for the Jews was a journey from the ‘other’ to ‘own’. Jews fleeing from religious persecution opted to settle down in the port city of Muziris.

Even though they were welcomed with rewards (as mentioned earlier), they never adopted the ways of this land. Sethu remembers that the Jews had their own culture, rituals customs and dress. While Christians and Muslims approved inter caste marriages, they always preserved their identity [4]. Jews of Chendamangalam while preserving their distinct religious and cultural identity managed to stay as different; there had always been ‘us’ and ‘them’. Othering, as said earlier, involves a group defining itself as ‘the One’, and here Jews while defining themselves as ‘the One’ managed to stay as ‘the other’ in the society of Chendamangalam. How do they maintain that position? Their otherness? Their otherness sprang from the belief that one day they will leave for the country promised to them and thus they are religiously superior to the rest of the society. Seemon and Aron were the first ones to expose this otherness to Aravindan and other students of their class via the flag and colourful information about Israel. They embody the unfailing spirit of a community who rigorously tried to preserve their faith and purity even while being a part of a totally different society. This otherness is even more visibly reflected when they proudly held the Israeli flag in their procession the day it was raised in Israel: “All the Jews in Chendamangalam and Parur had worn their traditional dress that evening and paraded through the main streets carrying the Israeli flag. The other people of the place had watched curiously, as their neighbours paraded with the flag of another nation. A lot of them did not know whose flag it was. But they could recognize the excitement and jubilation of those who held it aloft” [6. P. 297] and in their disappointment when they could not hear their Prime Minister’s declaration of independence through radio “what kind of land was this in which one could not hear Kol Israel?” [6. P. 275]. Jews of Chendamangalam though grateful for the tolerance and harmony shown by the people of Chendamangalam, which is evident in Moses masters speech [6. P. 282], longed to go to a place they could call their own. They lived here, but did not belong here. While the otherness that resulted from preserving their identity was rather a subtle one, the caste division among the Jews was an intentional power play to keep the black Jews in the margin. This is very much evident in the words of Solomon when he doubts white Jews were picked for the departure first: “we are always the ones who don’t have anything. At any feast, the leaf is laid for the white skinned first. If there is anything left over, the dark ones get something” [6. P. 280]. When the Jews were settling down in Chendamangalam and adjacent areas, they built synagogues. The one built in 1568 was by a group of Jews from Spain. This congregation consisted of chosen members of pure lineage among which majority were whites and therefore called as White Jews. The natives or Malabarees called them Paradesis and thus came in the division of white and black Jews [8. P 758]. The fact that caste existed among Jews was a revelation to the people of Chendamangalam. Here the black and white binary manifests othering with all its discriminative components. Otherness here “is a result of discursive process by which a dominant in-group (“Us” the Self) constructs one or many dominated out-groups (“Them” the Other) by stigmatizing a difference-real or imagined-presented as a negation of identity and thus a motive for potential discrimination” [9. P. 44]; the difference being caste. The formation of Israel and news of Jews settled in various parts of the world migrating to Israel gave the Jews of Chendamangalam pos-

sibility of a journey to a place to call their own. People dreamed of better jobs and protection from the government, after all it was their own government: “Vava would not have to drag his corn infested foot from house to house to sell eggs. The government would set up a shop for him, give him a home to stay in and money to start a new egg business” [6. P. 272]. Moses master appears here as a priest like figure, a leader, who safeguards the spirits of his people while the migration procedures were progressing. He, while asking his people to be thankful for this land, also constantly reminds that their journey to their land is above all emotional and social ties to this land [6. Pp. 282–283]. In other words, their own land filled with their own people is where they belong.

Conclusion

“The Saga of Muziris” is largely an autobiographical novel that chronicles the social and political history of Kerala. Sethu remembers that the curiosity for building the saga of Chendamangalam was ignited by the departure of Jews to Israel [4]. The Jewish departure to Israel was a cultural and political phenomenon that opened new perspectives of life to the people of Chendamangalam. For Aravindan it was a realization of the segregation of people into us and them or us and the others. Whereas for the Jews it was the joy of truly belonging to a nation of their own. The birth of a new nation, which is a political phenomenon, resulted in the triumph of a community. It was at the same time rather a tragedy for Aravindan as an individual.

References

- [1] Panikkar, K.N. (2012). Literature as history of social change. *Social Scientist*, 40(3/4), 3–15. Retrieved from www.jstor.org/stable/41633799
- [2] Reena, P.P. (2006). Woman in Vadakkan Pattukal: a historical perspective. *Proceedings of the Indian History Congress*, 67, 301–306. Retrieved from www.jstor.org/stable/44147950
- [3] Bautista, C.F. (1988). Literature as history. *Philippine Studies*, 36(2), 195–202. Retrieved from www.jstor.org/stable/42633082
- [4] Sethumadhavan, A. (2015). Writer Sethumadhavan about his novel “Marupiravi”. *Muziris Heritage*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=fjW4LOyU0sY>
- [5] Jussay, P.M. (1996). A Jewish settlement in medieval Kerala. *Proceedings of the Indian History Congress*, 57, 277–284. Retrieved from www.jstor.org/stable/44133319
- [6] Sethumadhavan, A. (2017). *The saga of Muziris*. New Delhi: Niyogi Books.
- [7] Beauvoir, Sd. (2011). *The second sex*. New York: Vintage Books.
- [8] Jussay, P.M. (1991). Caste divisions among the Jews of Kerala. *Proceedings of the Indian History Congress*, 52, 756–761. Retrieved from www.jstor.org/stable/44142698
- [9] Staszak, J.F. (2009). Other/Otherness. In R. Kitchin, N. Thrift (Eds.), *International Encyclopedia of Human Geography* (pp. 43–47). Oxford: Elsevier. Retrieved from <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080449104009809>

Article history:

Received: 22 November 2019

Revised: 25 November 2019

Accepted: 4 December 2019

For citation:

Ok, A. (2020). Literary representation of Jewish departure in “The Saga of Muziris” by Sethu. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 131–136. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-131-136>

Bio note:

Anju Ok, research scholar, Department of English, Pondicherry University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8797-944X>. E-mail: anjuok175@gmail.com

Научная статья

Литературная репрезентация отъезда евреев в «Саге о Музирисе» Сетху

А. Ок

Университет Пондичерри
Пондичерри, 605014, Республика Индия

Литература и история – это области знания, которые не могут существовать независимо друг от друга. Цель статьи проанализировать взаимодействие литературы и истории со ссылкой на роман Сетху «Сага о Музирисе». Основное внимание уделяется тем уровням, на которых исторические события влияют на общество, и вытекающим из этого изменениям в социокультурных сферах. Рассматривается важное событие в истории Кералы: отъезд евреев. Многие авторы определяли литературу как историю, концентрирующуюся на значимых исторических событиях: например, К.Н. Паниккар в своем эссе «Роман как колониальный нарратив» пишет о колонизации как об индивидуальном опыте. В статье изучается изменение социальных конструкций во время и после этих событий. Заключительный вывод состоит в том, что данные события способствовали перестройке общества, в значительной степени приведшей к триумфу сообщества, поэтому роман можно считать повествованием об истории как социальном опыте.

Ключевые слова: Сетху, Сага о Музирисе, литература как история, множественные нарративы, уход евреев, отречение, триумф общины, трагедия личности

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 ноября 2019

Дата принятия к печати: 4 декабря 2019

Для цитирования:

Ok A. Literary representation of Jewish departure in “The Saga of Muziris” by Sethu (Литературная репрезентация отъезда евреев в «Саге о Музирисе» Сетху) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 131–136. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-131-136>

Сведения об авторе:

Ок Анджу, исследователь департамента английского языка, Университет Пондичерри. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8797-944X>. E-mail: anjuok175@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-137-145
УДК 316.77(091)

Научная статья

«Библиотека для чтения» – первый массовый журнал в России

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена так называемому периоду Смирдина в развитии журнала «Библиотека для чтения» (XIX в). Это уникальное периодическое издание, которое привлекло внимание многочисленных читателей: в первый год существования «Библиотеки для чтения» ее тираж достиг колоссальной для того времени цифры в пять тысяч экземпляров, затем он дошел до семи тысяч. Одновременно раздавалось немало упреков в том, что журнал избрал коммерческое направление, предпочитая в интересах извлечения доходов печатать поверхностные, посредственные литературные произведения. Издатели «Библиотеки для чтения» первыми среди коллег поняли, что журналистика не может оставаться в стороне от становления капиталистических отношений, а труд журналиста, равно как и писателя, должен хорошо оплачиваться. Они отдавали должное роли материального стимула в творческом процессе, что во многом и предопределило успех журнала, его долголетие.

Ключевые слова: Сенковский, Смирдин, журнал, тираж, Библиотека для чтения, периодичность, коммерческая направленность, Дружинин, цензура, критик

Журнал «Библиотека для чтения» возник в 1834 году на средства издателя А.Ф. Смирдина. С первых же дней его возглавил известный востоковед, эрудит, профессор Петербургского университета Осип Иванович Сенковский. Правда, первоначально он редактировал журнал совместно с литератором и критиком Николаем Ивановичем Гречем, чья политическая благонадежность предохраняла журнал от конфликтов с цензурой. Но осторожный Греч все же оставил свой пост во многом из-за того, что в «Библиотеке для чтения» появилось стихотворение В. Гюго «Красавица» в переводе М.Д. Деларю. Перевод не понравился митрополиту Новгородскому Серафиму, который, добившись специальной аудиенции у царя, пожаловался на переводчика, Смирдина, а заодно и на пропустившего стихотворение цензора Никитенко. Комментируя случившееся, А.С. Пушкин писал, что в стихотворении Гюго «находится следующая глубокая мысль: “Если де я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои...” Отселе буря» [1. С. 39].

© Шевцов Н.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В результате из-за гнева церковного иерарха А.В. Никитенко провел восемь дней под арестом на Ново-Адмиралтейской гауптвахте, а Греч отказался редактировать журнал. Вместо него журнал с января по май 1835 года возглавлял пользовавшийся всеобщим уважением и авторитетом баснописец И.А. Крылов [1. С. 443]. Но фактическим редактором, конечно же, оставался О.И. Сенковский.

Журнал очень быстро приобрел популярность. В нем печатались самые модные, известные на тот момент всей России авторы, за что получали крупные гонорары. На титульном листе «Библиотеки для чтения» можно было прочитать: «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, составленный из литературных и ученых трудов». Далее следовали фамилии примерно шестидесяти известных литераторов, журналистов, критиков, ученых того времени. «Библиотека для чтения» выходила регулярно, на хорошей бумаге. Журнал прекрасно выглядел, его было приятно взять в руки.

В первом же томе в разделе «Русская словесность» появились стихотворения В. Жуковского «Норманский обычай», «Гусар» А.С. Пушкина, некоторые неизданные стихи Г. Державина, поэтические произведения других поэтов. Самым крупным прозаическим произведением оказалась повесть «Вся женская жизнь в нескольких часах», подписанная Бароном Брамбеусом – такой псевдоним избрал О.И. Сенковский. В разделе «Литературная летопись» высокую оценку получило творчество М. Загоскина, «сделавшегося любимым романистом публики». Рецензент писал по поводу его только вышедшего романа «Аскольдова могила»: «Обыкновенные читатели романов прочтут эту новую книгу г. Загоскина с истинным наслаждением». «Горе от ума» А. Грибоедова охарактеризовано как «прекрасное творение». Автор так писал о бессмертной комедии: «Теперь о красотах ее должно говорить так, как англичанин и испанец говорят о красотах Шекспира и Кальдерона».

В разделах «Промышленность и сельское хозяйство», а также «Смесь» внимание привлекают публикации «До какой степени возвысились наши мануфактуры?», «На какой степени находится земледелие в России?», а также материалы-рекомендации «Происхождение и различное употребление резины», «Английский способ расчисления меры досок».

«Библиотека для чтения» превратилась в доходное предприятие, что вызвало недовольство многих критиков, обвинивших журнал в стремлении извлекать прибыль за счет публикаций малохудожественных произведений и неглубоких статей. Однако тот же Крылов, согласно воспоминаниям Никитенко, жаловавшийся «на торговое направление нынешней литературы», тем не менее «взял со Смердина за редакцию «Библиотеки для чтения» десять тысяч рублей» [1. С. 264–265].

Но как бы там ни было, возникновение и успех «Библиотеки для чтения», где публиковались не только литературные произведения, но и научные статьи, давались ценные советы по ведению помещичьих хозяйств, превратилось в социальное явление. Уже в первый год журнал достиг невиданного для ежемесячного издания тиража в пять тысяч экземпляров, а затем он составил семь тысяч. Ни одно из периодических изданий того времени не

вызывало таких ожесточенных споров. Так, историк литературы, переводчик и педагог В.Ф. Кеневич писал, что «первые томы “Библиотеки для чтения” производили на публику живейшие впечатления и возбуждали горячие, иногда ожесточенные споры. Статьи Сенковского... становились вопросом дня, за неимением других вопросов... Одни утверждали, что в своих предположениях, выводах, соображениях автор обнаруживает ум чуть ли не гениальный. Другие доказывали, что все эти предположения, выводы и соображения не что иное, как парадоксы» [1. С. 299–300]. Писатель В.А. Соллогуб в рассказе «Три жениха», чем-то напоминая «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, обращал внимание на то, что журнал пользовался большой популярностью у военных: «Армейский офицер ныне воспитывается в университетском пансионе, понимает по-французски, очень любит отечественную литературу, в доказательство чего получает “Библиотеку для чтения” и бранит “Московского наблюдателя”» [2. С. 473–474].

Справедливости ради стоит признать, что «Библиотеке для чтения» и ее редактору доставалось от многих писателей и критиков, обвинявших журнал в легковесности и пренебрежении к авторскому стилю. Но в то же время они отдавали должное уму, профессионализму, предприимчивости главного редактора, сумевшего найти читателя для своего журнала. Так, И.С. Тургенев, в целом не разделяя взглядов Сенковского, укоряя его за «скептицизм», «вычурность», «педантизм», «холод», тем не менее признавал: «Сенковский был не только учен, он был остроумен, игрив, блестящ: молодые чиновники и офицеры восхищались им особенно в провинции» [3. С. 489].

В.Г. Белинский в статье «Литературные мечтания» упоминал о «Библиотеке для чтения» и его редакторе, который «смеется и издевается над всем и гонит особенно просвещение» [2. С. 647]. Но и он в письме И. Панаеву от 10 августа 1838 года признавал, что «“Библиотека для чтения” издается человеком умным и способным, и издается им для большинства, и потому очень понятен ее успех» [3. С. 187]. Белинский писал, что «“Библиотека” есть журнал провинциальный: вот причина ее силы» [4. С. 114]. Современники по достоинству оценили «неистошное, часто дельное и почти всегда едкое остроумие Сенковского» [3. С. 331], которое присутствовало в его произведениях, выходящих под псевдонимом Барон Брамбеус.

Журналы соперничали друг с другом, желая завоевать симпатии читателей и тем самым увеличить свой тираж, а значит, и прибыль. Так, журнал «Московский наблюдатель» возник, по мнению многих критиков того времени, для того, чтобы противодействовать «торгово-промышленному» направлению «Библиотеки для чтения». В программной статье «Словесность и торговля», открывавшей журнал «Московский наблюдатель», его идейный лидер и вдохновитель С.П. Шевырев обрушился с критикой на «Библиотеку для чтения», обвинив ее издателей в меркантилизме, в желании обогатиться за счет публикации статей низкого литературного уровня. Многие отказывались от издания журналов, опасаясь не выдержать конкуренции со стороны располагавшей крупными финансовыми средствами «Библиотеки для чтения». Только самые отчаянные решались вступать в схватку с журналом Сенковского. «Не испугался же Краевский, – с удовлетворением констатировал Н.А. Не-

красов, – конкуренции “Библиотеки для чтения” и с грошами начал издавать “Отечественные записки” [3. С. 307]. Когда же вышел первый номер “Отечественных записок”, И. Панаев не скрывал восторга по поводу того, что «это была, впрочем, не книжка, а книжища, вдвое – если не более – толще “Библиотеки для чтения”» [5. С. 127].

Но и сама «Библиотека для чтения» опасалась конкурентов. Так, Смирдин испугался появления «Современника» А.С. Пушкина и предложил поэту 1500 рублей за то, чтобы тот отказался от издания. Однако в дальнейшем Смирдин успокоился, поскольку «Современник» не имел коммерческого успеха. Если первые две его книжки вышли общим тиражом 2400 экземпляров, то третья – 1200, а последняя, четвертая, изданная при жизни Пушкина, насчитывала всего 900 экземпляров. Серьезный литературный журнал, каким был «Современник», не выдержал конкуренцию с «Библиотекой для чтения». Провинциальный читатель прежде всего, как считал Белинский, степной помещик и его семья, был воспитан и привык к «Библиотеке для чтения» и не проявлял особого интереса к другим журналам. Нередко Сенковский, отдавал предпочтение модным и, по его мнению, перспективным авторам. Так, ему очень нравились драмы ныне почти забытого Нестора Кукольника. По поводу появления его драматической фантазии «Торквато Тассо» редактор «Библиотеки для чтения» писал: «Я так же громко восклицаю “великий Кукольник!” перед его видением Тасса и кончиною Лукреции, как восклицаю “великий Байрон!” перед многими листами творений Байрона» [6].

Но в то же время журнал не отказывался от критики других модных авторов, романы и повести которых пользовались читательским успехом. Например, в одной из рецензий журнала резкой критике подвергся популярный роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Рецензент назвал его развлекательным, от чтения которого не остается «ни одной идеи, даже ни одного счастливого выражения для ваших всегдашних мыслей. Два раза невозможно читать этого романа» [7].

«Библиотека для чтения» не раз обращалась к творчеству одного из самых популярных писателей 30-х годов XIX столетия М.Н. Загоскина. В 1834 году был опубликован цикл его рассказов «Вечер на Хапре», а в 1836 году появилась повесть «Кузьма Роцин», по поводу которой Сенковский писал следующее: «...я спас вашего Роцина... вся вторая часть Роцина была обречена цензурою запрещению». После долгой редакторской работы повесть удалось опубликовать [8].

Сложно складывались отношения Сенковского и с другим популярным автором А.А. Бестужевым-Марлинским. Знавший Бестужева его современник Я.И. Костенецкий писал о том, что «Сенковский, в числе литераторов, приглашенных участвовать в этом журнале, поместил и Марлинского, не спросив предварительно его на то согласия» [9. Т. 2. С. 165].

Бестужев рассердился и, решив наказать Сенковского, сообщил, что впредь будет публиковать свои материалы в журнале за огромные суммы – «за каждый печатный лист по тысяче рублей ассигнациями» [9. Т. 2. С. 165]. Бестужев был уверен, что Сенковский не примет этого предложения. Но тот согласился, потому что понимал, как важно привлечь к сотрудничеству столь

популярного писателя-декабриста, каким был Бестужев-Марлинский. Кстати, как следует из рассказа Костенецкого, псевдоним «Марлинский» писатель избрал «в память небольшого Марлинского дворца и пруда в Петергофе». В 1834 году в «Библиотеке для чтения» за подписью Марлинского появились статья «Новый русский язык» и «Кавказские очерки».

И все же главная заслуга «Библиотеки для чтения» заключалась, вопреки обвинениям в коммерческой направленности и поощрении развлекательного чтения, в привлечении к сотрудничеству с журналом писателей, ставших классиками отечественной литературы.

В 1834–1835 годы в «Библиотеке для чтения» было опубликовано больше всего пушкинских произведений по сравнению с другими периодическими изданиями. Так, в 1834 году в шестом томе появилось знаменитое стихотворение «Элегия», начинавшееся с таких дивных строк: «Безумных лет угасшее веселье / Мне тяжело, как смутное похмелье». В том же году вышли номера журналов с уже упоминавшимся стихотворением «Гусар», а также «Будрыс и его сыновья», «Воевода», «Подражания древним» и знаменитый поэтический цикл «Песни западных славян». Уже во втором номере появилась «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях». В конце декабря 1834 года Пушкин дал для публикации в «Библиотеке для чтения» вступление к его запрещенной поэме «Медный всадник». Оно появилось в двенадцатой книжке журнала под заглавием «Петербург. Отрывок из поэмы». Ни Пушкин, ни редакция журнала не решились назвать поэму, зная мнение о ней, равносильное запрету, Николая I. Вступление начиналось строкой: «На берегу пустынных волн...», а заканчивалось стихом «Тревожить вечный сон Петра!». Но и в этом отрывке отсутствовали четыре запрещенные цензурой строки:

«И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова».

Их заменили четыре ряда точек [10. С. 221].

В 1835 году свет увидело еще одно пушкинское стихотворение «Красавица».

Из прозаических произведений журнал в 1834 году украсили повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и «Кирджали». С 1836 года, после того как А.С. Пушкин приступил к изданию «Современника», его произведения начали появляться в основном в этом журнале. Но еще при его жизни в «Библиотеке для чтения» в одном из номеров за 1835 год появилась поэма М.Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек». Как вспоминал учившийся вместе с Лермонтовым в юнкерской школе А.М. Меринский, осенью 1834 года юнкер Н.Д. Юрьев тайком от поэта отнес в журнал его стихотворную повесть. Более подробно о случившемся написал А.П. Шан-Гирей – троюродный брат М.Ю. Лермонтова: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе Николай Дмитриевич Юрьев, который после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи передал, тихонько от него, поэму “Хаджи Абрек” Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанною в “Библиотеке для чтения”» [2. С. 43].

Лермонтов был взбешен, узнав о выходе поэмы в журнале, так как боялся, что ее подвергнут критике. Но никто ее не ругал. Более того, появились даже положительные отклики. Поэтому автор успокоился и продолжал писать, правда, по-прежнему не решаясь публиковать свои произведения в журналах. Действительно, произведение юного Лермонтова, ставшее первой поэмой, напечатанной за его подписью, очень понравилось Сенковскому, который, как писал журналист В.П. Бурнашев, «был в восторге, просил Юрьева сказать автору, что его стихотворения все, сколько бы он их ни давал, будут напечатаны, лишь бы только цензура разрешила» [2. С. 179].

Однако появление «Хаджи Абрека» не помешало Лермонтову написать в 1836 году в адрес Сенковского эпиграмму. Ее появление, скорее всего, было вызвано тем, что в 1836 году журнал и его редактор привлекли всеобщее внимание. Не исключено, что Лермонтов написал ее, прочитав анонимную статью Н.В. Гоголя, опубликованную в первом номере «Современника» за 1836 год. Имея в виду Сенковского, Гоголь писал: «критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешится собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное ожесточение... Его собственные сочинения, повести и тому подобное являлись под фирмою Брамбеуса...» [7].

У Гоголя было двойственное отношение к так называемому коммерческому, «торговому» направлению, избранному «Библиотекой для чтения». Он выступал против, по его мнению, слабых, рассчитанных на массового читателя, на его невзыскательный вкус литературных произведений, которые печатались в журнале. Но в то же время он признавал необходимость периодических изданий ориентироваться на литературный рынок. «Литература должна была обратиться в торговлю, – писал Гоголь, – потому что читатели и потребность чтения увеличились. Естественное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые» [11. С. 558].

Хотя Гоголь критиковал «Библиотеку для чтения», обвиняя ее в «коммерческой» направленности, тем не менее, зная авторитет и влияние журнала в литературных кругах, он не оставался равнодушным к оценке своих произведений со стороны Сенковского. Так, в письме к Анненкову от 10 мая 1844 года, отправленном из Франкфурта-на-Майне, Гоголь просил: «выпишите для меня мелким почерком все критики Сенковского в “Библиотеке для чтения” на “Мертвые души” и вообще на все мои сочинения, так, чтобы их можно было послать в письме» [12. С. 333].

В приписке к письму своему другу, поэту Н.Я. Прокоповичу Гоголь перед выходом «Мертвых душ» просил: «О книге можно объявить. Постарайся об этом... Отправься также к Сенковскому и попроси от меня поместить в литературных новостях известие, что скоро выйдет такая-то книга, такого-то...» [12. С. 205].

Со своей стороны в июне 1842 года Сенковский поместил в «Библиотеке для чтения» информацию о выходе «нового романа господина Гоголя», имея в виду «Мертвые души» [12. С. 635]. Гораздо позднее, в 1857 году, П.В. Анненков напечатает в «Библиотеке для чтения» «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года». Таким образом, гоголевская тематика постоян-

но присутствовала на страницах журнала, вне зависимости от того, кто и когда возглавлял его.

Сенковский, конечно же, блестяще разбирался в литературе, редко ошибаясь в предвидении новых талантов, понимая, у каких произведений большое будущее, какие повести и романы войдут в сокровищницу отечественной классики. Так, он высоко оценил повесть И.С. Тургенева «Рудин» и «сулил большую будущность автору повести» [11. С. 393].

В 1848 году разорившийся Смирдин передал издание «Библиотеки для чтения» книготорговцу В.П. Печаткину. Сенковский тоже начал постепенно отходить от редакционных дел. Вместе с ним соредактором становится А.В. Старчевский, который фактически превращается в редактора журнала. Сенковский же в 1850-е годы часто болел и материально нуждался. И. Панаев, известный писатель, критик, принимавший вместе с Н.А. Некрасовым участие в издании журнала «Современник», вспоминал, что с Сенковским он познакомился в последние годы его жизни. Дела некогда блистательного редактора «Библиотеки для чтения» «были расстроены: от прежней роскоши, с которой он, говорят, жил, не оставалось почти и следа». Панаев приходит к выводу, что «Сенковский умер вовремя» [5. С. 114].

Список литературы

- [1] И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1932. 503 с.
- [2] М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях соотечественников. М.: Художественная литература, 1964. 534 с.
- [3] В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1977. 733 с.
- [4] *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Л.: Наука, 1980.
- [5] *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат. 1950. 472 с.
- [6] Библиотека для чтения. 1834–1865 гг.
- [7] *Лажечников И.И.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1986.
- [8] *Загоскин М.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987.
- [9] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980.
- [10] *Пушкин А.С.* Медный всадник. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- [11] *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983. 694 с.
- [12] Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1952. 720 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 октября 2019

Дата принятия к печати: 30 ноября 2019

Для цитирования:

Шевцов Н.В. «Библиотека для чтения» – первый массовый журнал в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 137–145. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-137-145>

Сведения об авторе:

Шевцов Никита Всеволодович, кандидат исторических наук, профессор, руководитель магистерской программы «Международная журналистика», заведующий кафедрой международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации. E-mail: n_shevtsov@mail.ru

Research article

“Biblioteka dlya Chteniya” – the first mass magazine in Russia

Nikita V. Shevtsov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
76 Vernadskii Ave, Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the so-called “Smirdin period” in the development of the journal “Biblioteka dlya Chteniya” (“Library for reading”) (XIX century). This is a unique periodical that attracted the attention of many readers: in the first year of the existence of the “Library for Reading,” its circulation reached a colossal figure for that time of five thousand copies, then it reached seven thousand. At the same time, there were many reproaches that the magazine had chosen a commercial direction, preferring to print superficial, mediocre literary works in the interests of generating income. Publishers of the “Library for Reading” were the first among their colleagues to understand that journalism cannot remain aloof from the formation of capitalist relations, and the work of a journalist, as well as a writer, must be well paid. They paid tribute to the role of material incentive in the creative process, which in many respects predetermined the success of the magazine, its longevity.

Keywords: Senkovsky, Smirdin, journal, Biblioteka dlya Chteniya, circulation, reading library, frequency, commercial orientation, Druzhinin, censorship, critic

References

- [1] *I.A. Krylov v vospominaniyah sovremennikov* [*I.A. Krylov in the memoirs of contemporaries*]. (1932). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [2] *M.Yu. Lermontov v vospominaniyah sootchestvennikov* [*M.Yu. Lermontov in the memories of compatriots*]. (1964). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [3] *V.G. Belinskij v vospominaniyah sovremennikov* [*V.G. Belinsky in the memoirs of contemporaries*]. (1977). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [4] Lermontov, M.Yu. (1980). *Sobranie sochinenij* [*Collected works*]: In 4 vols. Leningrad: Nauka Publ.
- [5] Panaev, I.I. (1950). *Literaturnye vospominaniya* [*Literary memories*]. Moscow: Goslitizdat Publ.
- [6] Biblioteka dlya chteniya [A library for reading]. 1834–1865.
- [7] Lazhechnikov, I.I. (1986). *Sochineniya* [*Works*]: In 2 vols. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [8] Zagoskin, M.N. (1987). *Sochineniya* [*Works*]: In 2 vols. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [9] *Pisateli-dekabristy v vospominaniyah sovremennikov* [*Decembrist writers in the memoirs of contemporaries*]: In 2 vols. (1980). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.

- [10] Pushkin, A.S. (1978). *Mednyj vsadnik [Bronze Horseman]*. Leningrad: Nauka Publ.
- [11] Annenkov, P.V. (1983). *Literaturnye vospominaniya [Literary memories]*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.
- [12] *N.V. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov [N.V. Gogol in the memoirs of contemporaries]*. (1952). Moscow: Goslitizdat Publ.

Article history:

Received: 14 October 2019

Revised: 21 November 2019

Accepted: 30 November 2019

For citation:

Shevtsov, N.V. (2020). “Biblioteka dlya Chteniya” – the first mass magazine in Russia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 137–145. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-137-145>

Bio note:

Nikita V. Shevtsov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Master’s Program “International Journalism”, Head of the Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail: n_shevtsov@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-146-154
УДК 654.197

Научная статья

Причины снижения популярности и перспективы развития информационного телевидения

Е.Л. Проскурнова

Телекомпания «ТВ Центр»

Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Большая Татарская, д. 33, стр. 1

Интерес автора фокусируется на исследовании общемировых тенденций развития информационного телевидения. На фоне широкого распространения новостных интернет-порталов наблюдается поступательное снижение зрительского интереса к линейному телевидению, привязанному к программной верстке. Основную часть телеаудитории в настоящее время составляют люди старшего возраста, молодые зрители отказываются от телепросмотра, предпочитая узнавать информацию об актуальных событиях из глобальной сети. В сложившихся условиях традиционное программное телевидение пытается предложить потребителю медиапродукцию новых форматов, найти обоснование собственного существования в стремительно меняющихся условиях. Цель статьи – представить результаты исследований, посвященных зрительским предпочтениям, инициировать дискуссию по одному из самых спорных вопросов развития современных СМИ: каким будет телевидение через 15–20 лет.

Ключевые слова: СМИ, телевидение, новости, эфир, онлайн-платформа, мобильное приложение, линейное телевидение

Кризис новостного телевидения (падение рейтингов, снижение уровня доверия со стороны аудитории, отсутствие эффективной стратегии развития) был предопределен на рубеже 1970–1980-х годов, в период наивысшего развития ТВ, когда начали активно применяться кабельные и спутниковые технологии, а телевидение в системе СМИ было самым массовым и прибыльным. Новшества нарушили традиционные формы телесмотрения – длительный период благополучия, характеризующийся стабильным интересом со стороны зрителей и непререкаемым авторитетом информационных служб крупных телеканалов, сменила эпоха неопределенности.

Телевизионные новости в Великобритании и США (службы теленовостей этих стран считаются эталоном), начиная с 2012 года, ежегодно теряют 3–4 % аудитории [1]. Нечто похожее происходило с рынком печатных изданий на рубеже XX–XXI веков, когда за десятилетний период число потребителей газет и журналов сократилось на 30 %. Зрителей сегодня теряют но-

востные отделы всех крупных вещательных европейских и американских телекомпаний: *CNN, ITV, RTL, BBC, ARD/ZDF, France Télévisions* и др.

Основных причин падения интереса к ТВ как каналу получения информации несколько. Колоссальную роль играет увеличение возраста среднестатистического зрителя. Наибольшую лояльность ТВ демонстрируют люди, чей возраст превышает 50 лет. В Великобритании это явление было зафиксировано около 10 лет назад. Сравнив данные 2013 и 2014 годов, исследователи компании *Ofcom* пришли к выводу, что за 12 месяцев на 12,4 % меньше времени за просмотром телевидения проводили дети в возрасте 4–15 лет, на 8,8 % – зрители от 25 до 34 лет и на 8 % – аудитория в возрасте от 35 до 44 лет. При этом аудитория старше 65 лет показала незначительно снижение спроса: всего 0,3 % [2]. По итогам 2017 года *Ofcom* опубликовала еще менее обнадеживающие данные: зрители от 16 до 24 лет стали проводить на треть меньше времени у экранов ТВ, чем их ровесники 10 лет назад [3]. В Германии в 1997 году немцы проводили у телевизора 183 мин в день, в 2007 году – 208 мин, пика показатель достиг в 2011 году – 225 мин в день, а далее социологи ежегодно отмечали снижение зрительского интереса. В 2018 году ежедневный просмотр в среднем отнимал у жителей Германии 217 мин. Молодые люди проводят у телевизора значительно меньше времени: в 2016 году телезрители Германии в возрасте от 14 до 49 лет смотрели телевизор в среднем 171 мин в день, а в 2017-м этот показатель был равен 160 мин [4]. При этом их внимание привлекают не новости, а сериалы и ток-шоу. Похожая ситуация в США [5]: в 2017 году – 2,6 ч в день смотрели ТВ зрители от 25 до 34 лет, 5,6 ч – аудитория в возрасте от 50 до 64 лет.

В России демографические данные по телепросмотру более оптимистичные, но общая тенденция – та же. Согласно отчету *Mediascope* [6], в городах с населением свыше 100 тыс. человек наибольшее количество времени у телевизора в 2017 году проводили жители старше 54 лет – в среднем 363 мин в сутки. Лица в возрасте от 35 до 54 лет смотрели телевизор 254 мин. Меньше всего времени за просмотром телепередач в том же году проводили россияне от 18 до 34 лет – 150 мин в день и всего 125 мин лица от 4 до 17 лет. При этом женщины смотрели телевизор чаще мужчин. В российской тележурналистской среде появилось устоявшееся выражение: «наша целевая аудитория – это женщины 55+».

Старшее поколение зрителей смотрит телевизор по привычке – так считают исследователи Института изучения проблем журналистики информационного агентства *Reuters*. Для тех, кому сегодня больше 50–60 лет, день начинается с просмотра утренних шоу, которые включают в себя и новостные выпуски, а заканчивается с отбивкой вечерних новостей. Не все представители старшего поколения могут освоить устройства, подключенные к Интернету, поэтому информация об актуальных событиях, переданная по ТВ, остается для них главным источником новостей.

В отличие от родителей у молодых людей нет привычки использовать телевизор как прибор для получения актуальной информации: для этого есть компьютер и смартфон. Современных молодых людей, выросших в цифровое

время, не удовлетворяет пассивный просмотр. Еще 15–20 лет назад считалось обычным явлением смотреть программы в том порядке и в то время, которое было назначено руководством телекомпаний. Потребители телепродукции были готовы возвращаться домой в определенное время, чтобы успеть к выпуску новостей или началу фильма. Новое поколение хочет самостоятельно создавать телерасписание, подстраивая его под свой график.

Когда у ТВ не было серьезных конкурентов, люди были готовы потреблять телевизионную продукцию в том виде, в каком ее считали нужным подавать тележурналисты. Это касалось и теленовостей. Сегодня удерживать внимание зрителя в течение 3–5 мин (столько обычно длится сюжет в рамках информационного выпуска) непросто. Сознание современного человека носит «мозаичный» (А. Моль) характер: индивид погружен в поток неупорядоченных сообщений. В результате, как утверждает А. Моль, восприятие мира состоит «из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у “тканеобразного” экрана гуманитарного образования» [7]. Новостное телесообщение должно приспособиться ко все возрастающей скорости потребления информации, стать емким и коротким, передавая суть событий. Данному аспекту информационные службы телеканалов не уделяют внимания: хронометраж выпусков новостей становятся только длиннее. Современное поколение зрителей теряет интерес к телевизионным новостям не только из-за их привязки к верстке и формату подачи информации. Людей не устраивает содержание программ. Часто они перенасыщены политическими темами, которые подаются в откровенно ангажированном виде. Каждый телеканал в мире имеет своего собственника и, так или иначе, отстаивает его интересы. Это может быть частный предприниматель или отдельно взятое государство. Когда-то подобного рода новости зрители были готовы смотреть за неимением альтернативных источников информации. Сегодня таких источников – масса. Черпая информацию из соцсетей, можно составить свое представление о мире. Однако руководство большинства телекомпаний игнорирует эту тенденцию, что вновь губительно сказывается на рейтингах.

Чаще всего, включая телевизор, зритель уже знаком с содержанием выпуска новостей, и это, по мнению большинства исследователей, – одна из главных проблем современного новостного линейного телевидения. Сама суть новости в рамках телевизионного вещания кардинально меняется. Большинство телеканалов физически не могут сообщать о событиях в момент их возникновения. Привязка линейного телевидения к верстке лишает телевизионные новости актуальности. Новости выходят в эфир в определенное время. Исключение составляют информационные телеканалы, которые работают в круглосуточном режиме. Остальным можно надеяться лишь на совпадение: если события будут разворачиваться в момент выхода в эфир выпуска новостей. Только в экстренных случаях руководство телеканала может принять

решение выйти в эфир со специальным выпуском. Подборка сюжетов в прайм-тайм – это перечисление уже известных аудитории событий, переданных в эфир в таком виде, в каком его поняли и изложили авторы материалов. По-настоящему новые новости сегодня может предложить только Интернет. Сотни новостных интернет-порталов позволяют людям постоянно быть в курсе последних событий.

Получается, что тележурналисты продолжают производить продукцию, которую по-прежнему называют «новостями», но не задумываются над тем, какой смысл сегодня содержит данный термин в применении к телевидению. С одной стороны, телевидение не может предложить ни просмотр новостей «по требованию» – в удобное для зрителя время, ни собственно, сами новости в классическом их понимании, как сообщение о прежде неизвестном актуальном событии. А с другой стороны, зритель располагает иным доступным источником данных, которым к тому же удобно пользоваться. В Великобритании, например, новости не из телеэфира, а из Интернета уже предпочитают узнавать 64 % населения страны [8]. А каждый четвертый зритель Германии планирует полностью отказаться от просмотра линейного телевидения в пользу использования интернет-ресурсов в ближайшем будущем [9]. К таким выводам пришел член Союза компаний сферы цифровых технологиях Германии *Bitkom* К. Кулик, проведя анализ последних опросов телеаудитории, в которых приняли участие несколько тысяч человек. Исследователь приводит в пример расписание дня современного немца. За завтраком он держит под рукой планшет, в автобусе по пути на работу использует смартфон, а вечером перед сном, лежа на кровати, переключает каналы на телевизоре с функцией Smart TV, которая позволяет смотреть любые программы в удобное время. Необходимости для просмотра линейного эфира телевидения у активной части населения не остается.

Телевизионному новостному сообществу необходимо отбросить иллюзии и принять тот факт, что в прежнем режиме выстраивать работу, не теряя при этом зрителей, уже невозможно. Система должна претерпеть глубинные изменения. Нужно экспериментировать с новыми форматами, искать новые способы распространения информации.

Есть несколько направлений, которым, по мнению ученых, необходимо уделять внимание в сложившихся условиях. Во-первых, телеканалам, специализирующимся на новостях, следует наращивать свое присутствие в глобальной сети, что позволит избежать дезактуализации и не лишиться узнаваемости в рядах тех, кто эфирное телевидение уже сегодня не смотрит. Пока популярность большинства телевизионных интернет-сайтов невелика. Развитие сетевых аналогов обходится дорого, нужен отдельный штат квалифицированных сотрудников. Часто на эту статью расходов не хватает средств. На онлайн-ресурсах, как правило, размещаются те же материалы, которые были подготовлены для линейного телевизионного эфира, с той разницей, что на интернет-странице, помимо видео, есть и печатный текст.

Чтобы онлайн-версии телеканалов пользовались спросом, для них необходимо производить эксклюзивный контент: им нужен собственный голос. Все

дело в специфике использования интернета. Все чаще люди смотрят видео в сети без звука: находясь в общественном пространстве, приходится считаться с интересами окружающих. Кроме того, как показывает практика, внимание современного пользователя сложно удерживать дольше 30 сек. – 1 мин, если речь не идет о каком-то незаурядном событии. Материал хронометражем в 3–4 мин для Интернета – это уже маленький фильм. Универсальный рецепт подготовки новостного материала для интернет-пространства известен: информативный видеоряд, который позволял бы понять его содержание без звукового сопровождения, продолжительностью от 20–30 сек. до 1,5 мин. В последствии новостные ролики в таком формате удобно размещать не только на собственных интернет-страницах, но также на *YouTube* и в других соцсетях.

Телекомпании все чаще создают собственные мобильные приложения для смартфонов, планшетов и компьютеров. Впрочем, в отличие от формы, содержание таких приложений нередко оставляет желать лучшего. Поддерживать информационные порталы на достойном уровне можно, лишь постоянно обновляя данные, публикуя самые свежие новости, но, как и в случае с интернет-сайтами телекомпаний, для этого нужны специалисты и финансовые ресурсы. Однако руководство телеканалов во многих странах, где качественным интернет-сигналом обеспечена относительно небольшая часть населения, не вкладывает деньги в развитие онлайн-приложений. Например, в России жители мегаполисов имеют возможность доступа к недорогому Интернету, а в небольших городах и деревнях плохой прием даже у телевизионного сигнала. Поэтому в распоряжении отечественных интернет-пользователей есть приложения только ведущих федеральных телеканалов. Кроме того, на российском рынке не хватает положительных примеров создания успешных онлайн-приложений для телекомпаний. Таких примеров сегодня мало не только в России, их в принципе немного. Тем не менее они есть. Один из них – японское новостное приложение для мобильных устройств *JX Press* [10]. Разработчик и вдохновитель проекта Катсухиро Йонешиге в 2008 году создал компанию, которая специализируется на сборе и обработке видеопроодукции о несчастных случаях, катастрофах, политических, экономических и других громких событиях. Готовые материалы передаются на коммерческой основе шести крупнейшим телеканалам Японии. Дополнительно было запущено мобильное приложение, которое получило название *NewsDigest*. Интересен подход к отбору информации, выбранный Йонешиге, который он назвал «механизацией новостей». Разработчик программы обратил внимание на то, что сегодня новости все чаще рождаются в соцсетях: очевидцы происходящего выкладывают в Интернет видео с мест аварий, взрывов и других происшествий за считанные секунды. У профессиональной бригады любого телеканала на это уходит в разы больше времени. А потому новости в *NewsDigest* предложили размещать сразу пользователям социальных сетей. К примеру, именно *NewsDigest* первым, на полчаса раньше других, сообщило об отравлении брата северокорейского лидера Ким Чен Ына Ким Чен Нама в феврале 2017 года на основании данных, переданных пользователями одной из соцсетей.

Другой пример новостного мобильного приложения – американский медиаресурс *NowThis News* [11]. Приложение предоставляет информационные видеоматериалы, собранные в соцсетях, ролики от 22 до 90 сек. сопровождаются субтитрами. Акцент компания делает на скорости публикации материала. В 2014 году ролики *NowThis News* посмотрели 1 млн раз, в 2015 – 50 млн, сегодня приложение каждый месяц просматривают 700 млн пользователей [12], 80 % – это аудитория до 35 лет. В редакции 60 сотрудников, в основном до 25 лет.

Необходимость адаптации новостей к меняющемуся медиаландшафту осознают в Китае. Департамент пропаганды принял решение о создании онлайн-приложений для мобильных девайсов или «видеосетей», где размещались бы информационные ролики с целью пропаганды коммунистической партии. Выступая в феврале 2019 года перед сотрудниками газеты «*Женьминь жибао*», председатель компартии КНР Си Цзиньпин призвал журналистов использовать современные технологии, чтобы «сделать доверие к основным средствам массовой информации более мощным» [13].

Развитие интернет-платформ позволит телеканалам остаться узнаваемыми, но привлечет ли зрителей к линейному просмотру? Раньше люди смотрели телевизор не только для того, чтобы быть в курсе событий, но и чтобы просто провести время. Сегодня эту функцию отобрали мобильные устройства, подключенные к глобальной сети. Интернет становится все доступнее и дешевле, качество сигнала постоянно улучшается. По прогнозам, к 2020 году просмотры новостных видео будут составлять 75 % всего мобильного трафика данных [14]. Для кого будут работать информационные телеслужбы новостей через 20 лет? Как будут выглядеть телевизионные новости? Пока реален один сценарий: просмотр теленовостей по ТВ с функцией Smart-TV в режиме отложенного времени.

По мнению Е.Л. Варгановой, социальная система в целом и общественные структуры неизбежно изменятся с трансформацией линейного ТВ, ведь «телевидению присущи особые функции по интеграции общества, по формированию единой идентичности граждан внутри государства или на уровне более локальных сообществ» [15]. Как бы то ни было, ясно одно: производители теленовостей, желающие привлечь молодую аудиторию, должны менять стратегию развития, поскольку «в информационном обществе, отождествляемом с обществом знаний, телевидение не может пользоваться устаревшими концепциями и управленческими методиками, взятыми из индустриальной эпохи» [16. С. 250].

Список литературы

- [1] *Nielsen R.K., Sambrook R.* What Is Happening to Television News? / Reuters Institute for the Study of Journalism. URL: <https://digitalnewsreport.org/publications/2016/what-is-happening-to-television-news/> (accessed: 06.04.2019).
- [2] The communications market report 2015. URL: https://www.ofcom.org.uk/_data/assets/pdf_file/0022/20668/cmr_uk_2015.pdf (accessed: 06.08.2019).

- [3] The communications market report 2017. URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0017/105074/cmr-2017-uk.pdf (accessed: 03.08.2019).
- [4] Daily time spent watching television in Germany 1997–2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/380182/tv-consumption-viewing-time-germany/> (accessed: 03.08.2019).
- [5] The Nielsen total audience report: Q2 2017. URL: <https://www.nielsen.com/us/en/insights/reports/2017/the-nielsen-total-audience-q2-2017.html> (accessed: 03.08.2019).
- [6] TV Index. Ежегодный отчет о проведенных исследованиях объема зрительской аудитории телеканалов (телепрограмм, телепередач) за 2017 год. URL: <https://mediascope.net/rkn/#view> (дата обращения: 03.08.2019).
- [7] *Моль А.* Социодинамика культуры / предисл. Б.В. Бирюкова. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
- [8] News Consumption in the UK: 2018. URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0024/116529/news-consumption-2018.pdf (accessed: 06.08.2019).
- [9] Klassisches TV ist auf dem Rückzug. URL: <https://www.bitkom.org/Presse/Presseinformation/Klassisches-TV-ist-auf-dem-Rueckzug.html> (accessed: 06.08.2019).
- [10] About JX Press. URL: <https://jxpress.net/about/about-jx-press/> (accessed: 10.08.2019).
- [11] Stories that move. URL: <https://www.groupninemedia.com/brands/nowthis> (accessed: 10.08.2019).
- [12] Now this. URL: <http://wikireality.ru/wiki/NowThis> (accessed: 06.08.2019).
- [13] China wants to make the Communist Party 'cool' again with digital propaganda, but is it working? URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-03-02/china-wants-to-make-the-communist-party-cool-again/10828154> (accessed: 06.08.2019).
- [14] Cisco Visual Networking Index: Global Mobile Data Traffic Forecast Update, 2017–2022 White Paper. URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/mobile-white-paper-c11-520862.html> (accessed: 06.08.2019).
- [15] *Вартанова Е.Л.* Телевидение: постсетевая модель // Искусство кино. 2015. № 4. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2015/04/televidenie-postsetevaya-model> (дата обращения: 16.09.2019).
- [16] *Уразова С.Л.* Цифровое телевидение в поиске семантического прогнозирования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 235–253.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 августа 2019

Дата принятия к печати: 29 октября 2019

Для цитирования:

Проскурнова Е.Л. Причины снижения популярности и перспективы развития информационного телевидения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 146–154. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-146-154>

Сведения об авторе:

Проскурнова Евгения Леонидовна, специальный корреспондент и ведущая телеканала «ТВ-Центр»; соискатель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: karikh.el@gmail.com

The reasons for the decline in popularity and prospects for the development of linear television

Evgeniya L. Proskurnova

TV Company “TV Center”
33 Bolshaya Tatarskaya St, bldg. 1, Moscow, 115184, Russian Federation

The author analyses what is happening to modern television news. While the Internet becomes more and more popular, driven by video-sharing sites and special mobile news apps, television viewing declines. The main part of the audience of modern TV-news programs consists now of older people, the new generation of viewers refuses to watch TV, preferring to learn the information about the world from the network. TV-managers are trying to find new ways to offer consumers the actual information, new formats of news, to reach younger audiences, as well as to discover a new philosophy of their own existence in a rapidly changing environment. The purpose of the author of the article – is to map recent changes in traditional television viewing, and to initiate discussion on one of the most controversial issues of the practice of development of modern mass communication channels: how will news broadcasting look in 10 or 20 years and whether anything can replace it. The relevance of this topic is high due to the rapid development of the Internet space as an alternative source to other media channels.

Keywords: media, television, TV-news, online platform, news app, mobile app, linear broadcasting

References

- [1] Nielsen, R.K., & Sambrook, R. (2019). *What Is Happening to Television News?* Reuters Institute for the Study of Journalism. Retrieved from <https://digitalnewsreport.org/publications/2016/what-is-happening-to-television-news/> (accessed: 06.08.2019).
- [2] *The communications market report 2015*. Retrieved from https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0022/20668/cmr_uk_2015.pdf (accessed: 06.08.2019).
- [3] *The communications market report 2017*. Retrieved from https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0017/105074/cmr-2017-uk.pdf (accessed: 03.08.2019).
- [4] *Daily time spent watching television in Germany 1997–2018*. Retrieved from <https://www.statista.com/statistics/380182/tv-consumption-viewing-time-germany/> (accessed: 03.08.2019).
- [5] *The Nielsen total audience repoty: Q2 2017*. Retrieved from <https://www.nielsen.com/us/en/insights/reports/2017/the-nielsen-total-audience-q2-2017.html> (accessed: 03.08.2019).
- [6] *TV Index. Ezhegodniy otchet o provedennykh issledovaniyakh ob'ema zritelskoy auditorii telekanalov (teleprogramm, teleperedach) za 2017 god [Annual report on the conducted research volume of the audience of TV channels (TV programs, TV shows) for 2017]*. Retrieved from <https://mediascope.net/rkn/#view> (accessed: 03.08.2019).
- [7] Mole, A. (2008). *Sociodinamica kul'tury [Sociodynamic of Culture]*. Moscow: LKI Publ.
- [8] *News Consumption in the UK: 2018*. Retrieved from https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0024/116529/news-consumption-2018.pdf (accessed: 06.08.2019).
- [9] *Klassisches TV ist auf dem Ruckzug*. Retrieved from <https://www.bitkom.org/Presse/Presseinformation/Klassisches-TV-ist-auf-dem-Rueckzug.html> (accessed: 06.08.2019).

- [10] *About JX Press*. Retrieved from <https://jxpress.net/about/about-jx-press/> (accessed: 10.08.2019).
- [11] *Stories that move*. Retrieved from <https://www.groupninemedia.com/brands/nowthis> (accessed: 10.08.2019).
- [12] *Now this*. Retrieved from <http://wikireality.ru/wiki/NowThis> (accessed: 06.08.2019).
- [13] *China wants to make the Communist Party 'cool' again with digital propaganda, but is it working?* Retrieved from <https://www.abc.net.au/news/2019-03-02/china-wants-to-make-the-communist-party-cool-again/10828154> (accessed: 06.08.2019).
- [14] *Cisco Visual Networking Index: Global Mobile Data Traffic Forecast Update, 2017–2022 White Paper*. Retrieved from <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/mobile-white-paper-c11-520862.html> (accessed: 06.08.2019).
- [15] Vartanova, E.L. (2015). Televidenie: postsetevaya model' [Television: Post Network Model]. *Iskusstvo kino*, (4). Retrieved from <http://old.kinoart.ru/archive/2015/04/televidenie-postsetevaya-model> (accessed: 16.09.2019).
- [16] Urazova, S.L. (2018). Cifrovoe televidenie v poiske semanticheskogo prognozirovaniya [Digital Television in Search of Semantic Prediction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (6), 235–253.

Article history:

Received: 20 August 2019

Revised: 30 September 2019

Accepted: 29 October 2019

For citation:

Proskurnova, E.L. (2020). The reasons for the decline in popularity and prospects for the development of linear television. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 146–154. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-146-154>

Bio note:

Evgeniya L. Proskurnova, reporter and TV-host of TV-Center Channel; applicant of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: karikh.el@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-155-162
УДК 070.19

Научная статья

Новые тенденции в формировании образа России французской прессой в контексте Чемпионата мира по футболу – 2018

В.С. Отт, А.А. Грабельников

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье рассматривается вопрос конструирования образа России качественной французской прессой (газеты Le Figaro, Le Monde, Le Parisien и журналы Le Point, Le Nouvel Observateur, Paris Match). Контент- и дискурс-анализ их публикаций позволил выявить позитивную динамику образа, связанную с уровнем организации Чемпионата мира по футболу – 2018, гостеприимством россиян, улучшенной инфраструктурой и атмосферой праздника в Москве. Французские журналисты отходят от тактики одностороннего освещения событий, предлагая читателю многогранный взгляд на происходящее в России. Публикации характеризуются меньшей тенденциозностью и субъективностью взглядов. Тем не менее сложно представить, что «один месяц футбола» может переломить годами формировавшийся негативный образ, связанный с более глубинными вопросами: политикой, демократическими ценностями, менталитетом.

Ключевые слова: Франция, Россия, СМИ, пресса, медиаобраз, противостояние, сотрудничество, спорт

Одним из важнейших инструментов управления происходящими в социуме процессами является общественное мнение. Сегодня о нем необходимо говорить и как о регуляторе международных отношений [1. С. 219]. Наиболее действенным средством формирования и развития общественного сознания в современном мире считаются средства массовой информации, создающие образы государств. Эти образы имеют свойство прочно закрепляться в сознании и влиять на различные сферы межгосударственных отношений [2]. По сей день уровень востребованности прессы как источника информации остается высоким. Аудитория авторитетных изданий зачастую включает в себя широкие слои интеллигенции. С мнением качественных газет и журналов, предоставляющих глубокий и достоверный анализ событий, считаются и в коридорах власти.

Франция – крупная держава, которая является членом многих международных организаций. Будучи одним из ключевых игроков на мировой арене, Россия представляет для Франции важного политического, стратегического

© Отт В.С., Грабельников А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и экономического партнера. На протяжении нескольких столетий Россия и Франция совместно влияют на состояние всей международной системы. Важность их диалога неоспорима. В XXI в. отношения между двумя государствами развиваются неоднозначно, что активно освещается в прессе и содействует формированию определенного восприятия странами друг друга. Образ России во Франции отличается преимущественно негативной окраской [3]. Объектом пристального внимания французских журналистов является ряд факторов и событий: личность Владимира Путина, война в Чечне, судебный процесс над Михаилом Ходорковским, вооруженный конфликт в Южной Осетии, война в Сирии и поддержка Россией правительства Башара Асада, конфликт в Украине, предполагаемое вмешательство России в выборы в США (2016 г.) и Франции (2017 г.) В основу демонизированного образа вошли следующие стереотипы: агрессия как способ решения конфликтов, отсутствие демократических свобод, нарушение прав человека, консерватизм, коррумпированность госслужащих, национализм и ксенофобия, насилие, низкий уровень жизни, суровый климат.

На процесс конструирования образа государства особое влияние оказывают события мирового масштаба. В 2018 г. Россия выступала в роли принимающей стороны Чемпионата мира по футболу, матчи которого проходил в одиннадцати городах страны, в том числе и в Москве. Он стал важным поводом для спортсменов, болельщиков, журналистов и официальных лиц приехать в столицу страны и увидеть реальную обстановку своими глазами. На принимающую сторону как организатора такого мероприятия была возложена большая ответственность. Проблема отражения происходящего в России в рамках чемпионата и, как следствие, создание ее образа вызывают научный интерес, поскольку восприятие Францией и Россией друг друга влияет на развитие двусторонних отношений, а также на международный политический климат в целом.

Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы определить новые тенденции в формировании французской прессой образа России в контексте данного спортивного мероприятия.

Применение методов контент- и дискурс-анализа, а также сравнения и дедукции при анализе публикаций общественно-политической направленности, посвященных вопросам организации чемпионата и обстановке на мероприятиях, позволило изучить медиатексты и проследить в них положительную динамику геополитического образа России. В рамках исследования были изучены материалы газет *Le Figaro*, *Le Monde*, *Le Parisien* и журналов *Le Point*, *Le Nouvel Observateur*, *Paris Match*. Перечисленные издания отличаются аналитическим характером публикаций, высоким уровнем достоверности информации, надежностью экспертных мнений.

Так, журналист *Le Figaro* Пьер Авриль публикует статью под названием «*Чемпионат мира, приятное отступление для россиян*», в которой описывает Москву, «обычно грубую и враждебную», как «оживленную и энергичную» [4]. Из этого видно, что французы, «обычно» отрицательно воспринимающие Россию, уже выделяют положительные аспекты. Однако в их словах по-прежнему сохраняется доля иронии: «А россияне, одержимые своим образом, сформировавшимся на Западе, стараются, *хотя это пока еще ни о чем не говорит*, проявить себя в лучшем свете». То есть даже к доброжела-

тельной обстановке корреспондент относится с неким недоверием и осторожностью. Тем не менее в целом *Le Figaro* создает положительный образ России в своей статье, описывая яркую и веселую атмосферу на улицах Москвы.

Крупный аналитический материал выпустила газета *Le Monde*. В своей статье «Чемпионат мира – 2018: а почему бы русским также не узнать побольше о своих иностранных гостях?» журналист Бенуа Виткин не оспаривает тот факт, что в отношении России существует множество клише, и многие из них были «разбиты» благодаря блестящей организации и праздничной атмосфере, которую Россия создала для своих гостей [5]. Виткин обращает внимание на стремление россиян разрушить сложившиеся на Западе стереотипы. *Le Monde* пишет, что представителям многих стран, находящихся далеко за пределами евразийского континента (в Африке, Латинской Америке), удалось увидеть происходящее в Москве своими глазами. Используя прием контраста, газета раскрывает и отрицательные стороны: мусор, беспорядок на стадионах после каждого матча, «неубранная одноразовая посуда для фаст-фуда». Отмечает Виткин в негативном ключе и «существенную» разницу в ценах в меню ресторанов на русском и английском языках. По его словам, цены для иностранцев были гораздо выше. Нарекания журналиста связаны также с не особым желанием россиян здороваться и улыбаться. Такие детали в действительности закрепляют сформировавшийся на Западе образ россиян. Не осталась в стороне и проблема толерантности. Виткин указывает на высказывания отдельных россиян, свидетельствующие о высмеивании образа жизни жителей других стран. В пример журналист приводит случай, когда русские сказали, что жители Уругвая, «должно быть», привыкли к жаре, поскольку живут в Уругвае. Интересен тот факт, что французские СМИ представляют россиян в том же ключе, когда говорят о суровом холоде [6]. Права ЛГБТ и освобождение политических заключенных, по мнению *Le Monde*, до сих пор остаются в России нерешенными вопросами. Освещение французской прессой проблемы демократии в России продолжается в течение долгих лет и по-прежнему сохраняет негативный характер [7]. Тем не менее необходимо обратить внимание на то, что *Le Monde* в контексте чемпионата, в отличие от привычного тона своих публикаций в отношении России, так или иначе отходит от техники одностороннего освещения событий.

В ходе анализа становится очевидным, что французские СМИ и в этот раз не обходят стороной личность Путина. Политический журнал *Le Point* после победы Франции публикует статью под названием «Путин, еще один победитель мундиаля». Автор Антуан Гренапен указывает на то, что «житель Кремля уже давно понял преимущества мягкой силы посредством спорта» [8]. Тем самым *Le Point* дает читателю понять, что Россия все же способна участвовать в международной жизни посредством невоенных методов. Это резонирует с ее образом относительно событий в Чечне, Южной Осетии, Сирии и Украине. Журналист считает, что чемпионат лишь еще больше закрепляет положительный образ России «в час, когда позиции страны ослабляет поддержка Башара Асада, а также дипломатические и экономические санкции». Вместе с тем *Le Point* представляет иную точку зрения. По словам специалиста по бывшему СССР Режиса Жанте, на которого ссылается журнал, «Путин как никто другой осознает политическую направленность такого меропри-

ятия». Жанте заявляет, что президент хочет убедить всех, что событие носит исключительно спортивный характер и не имеет никакого отношения к политике, тем самым желая создать положительный образ России. Ранее, перед началом чемпионата Изабель Мандро из *Le Monde* опубликовала статью «Чемпионат мира – 2018: Путин хочет выиграть матч по образу», в которой говорила о том, что «месяц футбола может исправить образ страны» [9]. По ее мнению, цель Путина заключается в том, чтобы «продемонстрировать всему миру лучшее лицо страны». В данных высказываниях четко прослеживается ирония и предвзятый тон в отношении Путина, что может иметь политический подтекст и говорит о стремлении Франции настроить общественность против российского лидера.

Газета *Le Parisien* также отличилась неоднозначной оценкой политики Путина. 25 июня 2018 г. в ней публикуется интервью Жанника Алими с Сильвен Дюфрес, лектором по истории спорта в Университете Нанта. В интервью Дюфрес подчеркивает важность чемпионата для Путина в геополитическом плане. В самом названии статьи говорится о его намерениях: «Чемпионат мира: Путин хочет “восстановить образ страны посредством этого мундиала”» [10]. По мнению французов, Путину необходимо «продемонстрировать способность принимать у себя в стране миллионы фанатов, журналистов со всего мира, исключить насилие со стороны хулиганов». «На локальном уровне этот Чемпионат мира позволил ускорить модернизацию инфраструктуры в нескольких регионах». В этих словах четко прослеживаются давно закрепившиеся в западном сознании элементы негативного образа, связанные с низким уровнем жизни, преступностью, слаборазвитой инфраструктурой. В целом *Le Parisien* транслирует довольно негативный образ России, воспроизводя его отрицательные аспекты с помощью таких слов, как, например, «насилие», которое неоднократно использовалось французскими СМИ в последние годы.

Журнал *Le Nouvel Observateur* также определил, что на чемпионате победит Путин. Журналист Пьер Аски в своей статье «Чемпионат мира – 2018: и в итоге побеждает Путин» с иронией пишет об «успехе применения мягкой силы». В формировании образа России *Le Nouvel Observateur* не сильно отличился от *Le Parisien*. В статье говорится о стремлении Путина «заставить всех забыть о самых непривлекательных аспектах режима» [11]. Журнал не представляет иных точек зрения по чемпионату, а его публикации о России по-прежнему не отличаются положительной направленностью.

Более позитивный образ формирует *Paris Match*, публикуя статью «Для FIFA мундиаль 2018 – “лучший за все времена”». Ее автор Янник Вели приводит слова президента ФИФА Джанни Инфантино: «Изменилось восприятие России. Около миллиона приезжих в России, Москве, а также во всех городах проведения чемпионата, осознали, что приехали в красивую, гостеприимную страну, готовую показать миру, что реальность отличается от той, которую мы, как мы сами считаем, знаем. Это страна, богатая культурой, историей, историей человечества» [12]. *Paris Match* считает, что намного больше эмоций вызвали чемпионаты, прошедшие с 1970 по 1986 гг., и чемпионат 2006 г., но это мнение связано непосредственно со спортивными аспектами мероприятий, нежели с вопросами их организации, поэтому в целом статья

сохраняет положительный образ России, несмотря на свой неоднозначный заголовок. Перед началом мероприятия *Paris Match* выпустил статью «Чемпионат мира по футболу: спортивный туризм набирает обороты», в которой говорится о благоприятной туристической обстановке в Казани, динамичном развитии города и инфраструктуры [13].

По результатам анализа необходимо отметить неоднозначный характер публикаций. Взгляд на мероприятие в каждом издании отличается, что может быть связано с определенным «заказом» руководства издания или властей, которым выгодна та или иная позиция. Исходя из этого, можно предположить, что французские СМИ стремятся повлиять на отношения между Россией и Францией и международный климат вообще посредством определенного образа. Положительная оценка действий России свидетельствует о настрое на сотрудничество и укрепление отношений. Так, в последние годы Франция высказывалась за снятие санкций против России. Освещение отрицательных аспектов говорит о сохраняющемся противостоянии на фоне событий последних лет. Проблема демократии в России до сих пор является одним из главных вопросов, затрагиваемых французскими СМИ.

Подводя итоги, можно констатировать, что достойная организация Чемпионата мира – 2018 оказала положительное влияние на образ России. Журналисты отходят от характерной для них тактики одностороннего освещения событий, предлагая читателю взгляд на события с разных сторон. Корреспонденты дают как положительную оценку мягкой силы Путина, так и критикуют его дипломатические амбиции. Упоминание мягкой силы меняет образ «страны-агрессора» в лучшую сторону. Издания не ограничиваются одним мнением, а представляют различные точки зрения. Наряду с сохраняющейся местами лексикой негативного характера («беспорядок», «насилие», «нетерпимость») журналисты в свете чемпионата начинают говорить о России как о «дружелюбной», «оживленной» и «современной» стране. Формированию двойного образа России также способствует ироничный тон публикаций («А россияне... стараются, *хотя это пока еще ни о чем не говорит*, проявить себя в лучшем свете»). Так или иначе, восхищение гостеприимством, атмосферой праздника и высоким уровнем организации мероприятия свидетельствует во многом о позитивных сдвигах в восприятии России. Однако формировавшийся годами отрицательный образ страны связан с более глубинными и сложными феноменами, чем организация спортивных мероприятий. Среди них: права человека, вооруженные конфликты, власть, менталитет. Логично предположить, что вряд ли «один месяц футбола» может переломить всю матрицу восприятия России французами.

Список литературы

- [1] Крикунова В.В. Общественное мнение как средство международной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 218–221.
- [2] Заяц Д.В. Географические образы в зеркале СМИ // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/geograficheskie-obrazy-v-zerkale-smi> (дата обращения: 28.10.2019).

- [3] *Федоров С.М.* Франция – Россия, Россия – Франция: асимметрия восприятия // Перспективы. 2008. URL: http://www.perspektivy.info/book/francija_rossija_rossija_francija_ (дата обращения: 28.10.2019).
- [4] *Avril P.* La Coupe du monde, parenthèse enchantée pour les Russes // *Le Figaro*. 2018, 21 juin. URL: <http://sport24.lefigaro.fr/football/coupe-du-monde/russie-2018/actualites/la-coupe-du-monde-parenthese-enchantee-pour-les-russes-914413> (дата обращения: 28.10.2019).
- [5] *Vitkine B.* Coupe du monde 2018: et si les Russes avaient eux aussi appris de leurs visiteurs? // *Le Monde*. 2018, 05 juillet. URL: https://www.lemonde.fr/mondial-2018-la-campagne-de-russie/article/2018/07/05/coupe-du-monde-2018-et-si-les-russes-avaient-eux-aussi-appris-de-leurs-visiteurs_5326279_5314218.html (дата обращения: 28.10.2019).
- [6] *Jégo M.* Il est temps de se tirer! // *Le Monde*. 2011, 17 février. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2011/02/17/il-est-temps-de-se-tirer_1481549_3214.html (дата обращения: 28.10.2019).
- [7] *Bourgin F.* Démocratie et droits de l'Homme en Russie depuis 1991: la place des archives russes dans le processus de “modernisation autoritaire” de la Fédération de Russie. Mémoire de Master. 2014. URL: <http://dune.univ-angers.fr/documents/dune2658> (дата обращения: 28.10.2019)
- [8] *Grenapin A.* Poutine, l’autre gagnant du Mondial // *Le Point*. 2018, 16 juillet. URL: https://www.lepoint.fr/monde/poutine-l-autre-grand-gagnant-du-mondial-16-07-2018-2236573_24.php (дата обращения: 28.10.2019).
- [9] *Mandraud I.* Coupe du monde 2018: Poutine veut gagner le match de l’image // *Le Monde*. 2018, 14 juin. URL: https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/14/coupe-du-monde-2018-poutine-veut-gagner-le-match-de-l-image_5314537_5193650.html (дата обращения: 28.10.2019).
- [10] *Alimi J.* Coupe du monde: Poutine veut “restaurer l’image du pays avec ce Mondial” // *Le Parisien*. 2018, 25 juin. URL: <http://www.leparisien.fr/sports/football/coupe-du-monde/coupe-du-monde-poutine-veut-restaurer-l-image-du-pays-avec-ce-mondial-25-06-2018-7792044.php> (дата обращения: 28.10.2019).
- [11] *Haski P.* Coupe du Monde 2018: et à la fin, c’est Poutine qui gagne // *Le Nouvel observateur*. 2018, 14 juin. URL: <https://www.nouvelobs.com/chroniques/20180611.OBS8015/coupe-du-monde-2018-et-a-la-fin-c-est-poutine-qui-gagne.html> (дата обращения: 28.10.2019).
- [12] *Vely Y.* Pour la Fifa, le Mondial 2018 est “le meilleur de tous les temps” ...et c’est faux // *Paris Match*. 2018, 13 juillet. URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Sport/Pour-la-Fifa-le-Mondial-2018-est-le-meilleur-de-tous-les-temps-et-c-est-faux-1560377> (дата обращения: 28.10.2019).
- [13] *Costil C.* Coupe du monde de foot: le tourisme sportif marque des points // *Paris Match*. 2018, 12 juin. URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Economie/Coupe-du-monde-de-foot-le-tourisme-sportif-marque-des-points-1538129> (дата обращения: 28.10.2019).
- [14] *Mandraud I.* Vladimir Poutine et la diplomatie du ballon // *Le Monde*. 2018, 28 juin. URL: https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/28/coupe-du-monde-2018-vladimir-poutine-et-la-diplomatie-du-ballon_5322534_5193650.html (дата обращения: 28.10.2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 31 октября 2019

Для цитирования:

Отт В.С., Грабельников А.А. Новые тенденции в формировании образа России французской прессой в контексте Чемпионата мира по футболу – 2018 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020. Т. 25. № 1. С. 155–162. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-155-162>

Сведения об авторах:

Отт Виктор Сергеевич, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: ott-victor@yandex.ru

Грабельников Александр Анатольевич, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: grab@mail.ru

Research article

The image of Russia in the French print media: a new tone in the context of the 2018 FIFA World Cup

Victor S. Ott, Aleksandr A. Grabelnikov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

This article looks at the issue of constructing the image of Russia in the French quality press (the newspapers *Le Figaro*, *Le Monde*, *Le Parisien* and the magazines *Le Point*, *Le Nouvel Observateur*, *Paris Match*). The content and discourse analysis of their publications has revealed the positive dynamics of the image associated with the level of organisation of the 2018 FIFA World Cup, the hospitality of Russians, the improved infrastructure and the festive atmosphere in Moscow. French journalists are abandoning the tactics of one-side reporting offering the reader a multifaceted view of what is happening in Russia. Their publications are less tendentious and subjective. Nevertheless, it is difficult to imagine that “one month of football” can radically change the negative image that had been formed over the years. That image is rather connected with more complex issues, such as politics, democratic values and the mindset.

Keywords: France, Russia, media, press, media image, confrontation, cooperation, sport

References

- [1] Krikunova, V.V. (2009). Obschestvennoye mnenie kak sredstvo mezhdunarodnoy politiki [Public Opinion as a Means of International Politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sotsiologiya i politologiya*, (4), 218–221.
- [2] Zayats, D.V. (2002). Geograficheskiye obrazy v zerkale SMI [Geographical Images Mirrored by the Media]. *Otchetstvenniye zapiski*, 6(7). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2002/6/geograficheskie-obrazy-v-zerkale-smi> (accessed: 28.10.2019).
- [3] Fedorov, S.M. (2008). Frantsiya – Rossiya, Rossiya – Frantsiya: assimetriya vospriyatiya [France – Russia, Russia – France: The Asymmetry of Perception]. *Perspektivy*. Retrieved from http://www.perspektivy.info/book/francija__rossija__rossija__francija__ (accessed: 28.10.2019).
- [4] Avril, P. (2018, 21 June). La Coupe du monde, parenthèse enchantée pour les Russes. *Le Figaro*. Retrieved from <http://sport24.lefigaro.fr/football/coupe-du-monde/russie-2018/actualites/la-coupe-du-monde-parenthese-enchantee-pour-les-russes-914413> (accessed: 28.10.2019).
- [5] Vitkine, B. (2018, 05 July). Coupe du monde 2018: et si les Russes avaient eux aussi appris de leurs visiteurs? *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/mondial-2018-la-campagne-de-russie/article/2018/07/05/coupe-du-monde-2018-et-si-les-russes-avaient-eux-aussi-appris-de-leurs-visiteurs_5326279_5314218.html (accessed: 28.10.2019).

- [6] Jégo, M. (2011, 17 February). Il est temps de se tirer! *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/europe/article/2011/02/17/il-est-temps-de-se-tirer_1481549_3214.html (accessed: 28.10.2019).
- [7] Bourgin, F. (2014). *Démocratie et droits de l'Homme en Russie depuis 1991: la place des archives russes dans le processus de "modernisation autoritaire" de la Fédération de Russie. Mémoire de Master*. Retrieved from <http://dune.univ-angers.fr/documents/dune2658> (accessed: 28.10.2019).
- [8] Grenapin, A. (2018, 16 July). Poutine, l'autre gagnant du Mondial. *Le Point*. Retrieved from https://www.lepoint.fr/monde/poutine-l-autre-grand-gagnant-du-mondial-16-07-2018-2236573_24.php (accessed: 28.10.2019).
- [9] Mandraud I. (2018, 14 June). Coupe du monde 2018: Poutine veut gagner le match de l'image. *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/14/coupe-du-monde-2018-poutine-veut-gagner-le-match-de-l-image_5314537_5193650.html (accessed: 28.10.2019).
- [10] Alimi, J. (2018, 25 June). Coupe du monde: Poutine veut "restaure l'image du pays avec ce Mondial". *Le Parisien*. Retrieved from <http://www.leparisien.fr/sports/football/coupe-du-monde/coupe-du-monde-poutine-veut-restaure-l-image-du-pays-avec-ce-mondial-25-06-2018-7792044.php> (accessed: 28.10.2019).
- [11] Haski, P. (2018, 14 June). Coupe du Monde 2018: et à la fin, c'est Poutine qui gagne. *Le Nouvel observateur*. Retrieved from <https://www.nouvelobs.com/chroniques/20180611.OBS8015/coupe-du-monde-2018-et-a-la-fin-c-est-poutine-qui-gagne.html> (accessed: 28.10.2019).
- [12] Vely, Y. (2018, 13 July). Pour la Fifa, le Mondial 2018 est "le meilleur de tous les temps" ...et c'est faux. *Paris Match*. Retrieved from <https://www.parismatch.com/Actu/Sport/Pour-la-Fifa-le-Mondial-2018-est-le-meilleur-de-tous-les-temps-et-c-est-faux-1560377> (accessed: 28.10.2019).
- [13] Costil, C. (2018, 12 June). Coupe du monde de foot: le tourisme sportif marque des points. *Paris Match*. Retrieved from <https://www.parismatch.com/Actu/Economie/Coupe-du-monde-de-foot-le-tourisme-sportif-marque-des-points-1538129> (accessed: 28.10.2019).
- [14] Mandraud, I. (2018, 28 June). Vladimir Poutine et la diplomatie du ballon. *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/28/coupe-du-monde-2018-vladimir-poutine-et-la-diplomatie-du-ballon_5322534_5193650.html (accessed: 28.10.2019).

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 20 October 2019

Accepted: 31 October 2019

For citation:

Ott, V.S., & Grabelnikov, A.A. (2020). The image of Russia in the French print media: A new tone in the context of the 2018 FIFA World Cup. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 155–162. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-155-162>

Bio notes:

Victor S. Ott, PhD student of Mass Communication Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ott-victorr@yandex.ru

Aleksandr A. Grabelnikov, Doctor of History, PhD in Philology, Professor of Mass Communication Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: grab@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-163-167
УДК 654.197

Научная статья

«Эфир» и «вещание»: этимология, сущность, характеристика понятий

С.В. Карпий¹, Х.Ю.Д. Ашур²

Донецкий национальный университет
Украина, 283001, Донецк, ул. Университетская, 24
Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье рассматриваются два базовых понятия современного телевидения (в русском и арабском языках), их этимология и эволюция в развитии тележурналистики в системе средств массовой коммуникации. Сделана попытка определить, какие общеизвестные инструменты телевидения являются первичными, каким образом и почему отождествляются понятия «эфир» и «вещание», в чем их сходство, почему существует подмена их сути и, как следствие, ошибочная трактовка. Приведены примеры толкования обоих понятий известными исследователями журналистики, с помощью которых и была предпринята попытка конкретизации функций, формы и содержания того или иного феномена.

Ключевые слова: эфир, вещание, телевидение, контент, трансляция, онлайн-вещание, контент, феномен, явление

Этимологию основополагающего для телевидения понятия «эфир», которое изначально связано с мистикой, в свое время пытался проследить филолог и философ А.Ф. Лосев. В его работе «Античная философия истории» указывается, что «эфиром» (греч. *aithēr* – верхний слой воздуха) в древности называли тончайший огонь, из которого состояло небо [1], верхний лучезарный слой, в котором обитали боги. Эфир рассматривался греками как особая духовная среда, обладающая энергией. Гесиод, автор поэмы «Теогония (о происхождении богов)», видел в нем живой организм, другие называли его местом, где обитает сверхсила, третьи – рассматривали эфир как всевидящее око, существующее везде и всюду. Отметим, что быть везде и всюду – это природное свойство телевидения, которое исследователи называют *вездесущностью* [2. С. 18].

Арабское слово *الأثير* (эфир) происходит, согласно словарям, от греческого *αἰθήρ/αιθέρας* (эфир), производного от глагола *αἶθω* – сжигать [3]. Как отмечают лингвисты, «арабский и русский язык обладают богатой морфологией, в которой центральное место занимает глагол, характеризующийся многообразием грамматических категорий и лексико-грамматических раз-

рядов в рамках этих категорий» [3]. Глагол «жечь» напоминает об известной цитате А.С. Пушкина: «глаголом жги сердца людей», отсылая и к журналистике в том числе.

Если в древности эфирное пространство рассматривалось в контексте магии и искусства, то в XVII веке Рене Декарт первым ввел понятие эфира в науку, утверждая, что эфир обладает механическими свойствами. В настоящее время эфир воспринимается преимущественно как технологическое пространство – путь экранного сообщения. Профессор В.В. Егоров в терминологическом словаре телевидения дает лаконичное техническое определение данного понятия, из которого следует, что эфир используется для мгновенного массового распространения какого-либо контента с различной формой и содержанием: «совокупность частот, используемых для целей телевидения» [4]. То есть данное определение связано прежде всего с конкретной технологией, это уже не всевидящее око, а всего лишь элемент логистики. Объясняет этот подход сформулированная автором прагматическая цель издания – сверка традиционных и новых представлений о природе и особенностях телевидения. Целевая аудитория – профессионалы ТВ и телезрители.

В другом современном словарном источнике эфир описывается следующим образом: «обобщенное наименование среды, в которой возможно распространение радиоволн» [5]. В этом же словаре есть определение эфирного вещания (английский аналог – *over-the-air broadcasting*): «передача радио и телевизионных сигналов через эфирное пространство» [5]. Речь идет о традиционной форме передачи информации, в отличие от неэфирных форм вещания (например, кабельное телевидение, проводное радио). В «Толковом словаре Ожегова» обозначено еще одно значение эфира: «Прямой эфир (радио- или телепередача без предварительной записи) [6]». То есть в этом случае эфиром называется контент (содержание) эфирного пространства. Особенность прямого эфира в том, что «намеренно становясь очевидцем того или иного события, автор (репортер, ведущий) вместе со зрителем по ту сторону экрана может проследить динамику действия, приглядеться (спасибо технике!) к наиболее значимым его моментам [7. С. 194]».

Применительно к тележурналистике запрашивается следующее определение: эфир – вездесущее специфическое пространство, которое посредством различных телевизионных экранных сообщений воздействует на социокоммуникативную среду общества и тем самым организует его бытие. Таким образом, в глобальном масштабе эфир является едва ли не основным инструментом управления массами и по своей природе он первичен, так как существовал до того, как его смогли определить, осмыслить, а позднее – использовать. Это значит, что телевидение, по сути, проявило социальный характер эфира: прямое включение – это специфическое отображением эфира, как и прямая трансляция, радиоэфир, телемост, телеэфир и сетевой эфир, составляющие в комплексе основу медиапространства.

Исследование научных источников продемонстрировало – эфир детально изучается в области классической физики. В журналистике как филологической области знаний феномен рассматривается в контексте вещания, хотя имеет более широкий смысл в социальных коммуникациях, например при изучении глобальных телесетей.

О природе эфира применительно к современным медиасистемам В.И. Михалкович высказался так: «чтобы эффективно и быстро выполнить требование и *предстать пред очи* телезрителя, наличное бытие само претерпевает метаморфозу – как бы развоплощается, преобразуясь в электромагнитные волны, которые суть не вещи, но чистые энергии. Они пребывают в физическом пространстве, их совокупность именуется *эфиром*» [8]. Рассуждая о сущности телевидения, А.П. Свободин приходит к следующему выводу: «стало очевидным, что оно не только средство распространения информации, но и первоисточник культуры, создающий ценности, присущие только ему. Видимый эфир оказался эфиром плодоносящим» [9].

После появления видеозаписи эфир обрел уточнение – *прямой эфир*. С одной стороны, «феномен телевизионного прямого эфира исторически вписан в контекст однонаправленной коммуникации по модели Г. Лассуэла» [10. С. 111], с другой – он является обязательным условием нелинейной модели коммуникаций в интернет-пространстве. «Здесь прямой эфир получил другое название – *стриминг*» [10. С. 111].

Вещание в медийном понимании неразрывно связано с эфирным пространством, освоение которого осуществляется посредством материально-технических средств и творческой составляющей. В настоящее время *вещать* могут не только работники телевидения и радио, но и блогеры, интернет-пользователи. Понятие «вещание» А.А. Князев трактует как распространение информации с помощью технических средств и одновременный ее индивидуальный прием обладателями телевизоров [5]. С учетом изложенного к этому определению можно добавить: вещание – это еще и «вхождение», «излучение» в эфирное пространство посредством технических средств и осуществление коммуникативного процесса, одновременно адресуемого всем и каждому персонально в зависимости от сферы интересов масс или личности. Следовательно, и прямое телевизионное включение является гибридным способом «внедрения» в вещание, осуществляемое в прямом эфире. Тоже можно сказать и о прямой трансляции. Медиапродукты печатной журналистики также выходят в *эфирное пространство*, но «вещание» в этом случае является размещение контента.

Интересно отметить трактовки глагола «вещать» (البث) и существительного «прямой эфир» (البث المباشر) в арабском языке: вбросить нечто и распространить это во всех направлениях подобно тому, как рыбак бросает сеть в воду или крестьянин семена в поле.

Таким образом, тот мистический ореол, который до сих пор существует вокруг телевидения, привлекает исследователей и порождает, как замечает А.Н. Фортунатов, языковые нюансы для собственного описания, поскольку «то, что выходит за пределы логических рассуждений, одновременно преодолевает и привычные границы традиционных оценок роли и места технологий в нашей жизни» [11].

Список литературы

- [1] Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
- [2] Телевизионная журналистика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Ю.И. Долговой, Г.В. Перипечиной. М.: Аспект Пресс., 2019. 208 с.

- [3] Etymology of Arabic words of Greek origin. URL: http://arabic-greek-etymology.blogspot.com/2012/09/blog-post_271.html (дата обращения: 28.06.2019).
- [4] *Егоров В.* Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии. М., 1997. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/09.htm> (дата обращения: 28.06.2019).
- [5] *Князев А.А.* Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: КPCY, 2002. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm> (дата обращения: 28.06.2019).
- [6] Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/view_search.php (дата обращения: 28.06.2019).
- [7] *Березин В.М., Волкова И.И., Грабельников А.А.* Экранная коммуникация в современном обществе. М.: РУДН, 2008. 347 с.
- [8] *Михалкович В.И.* О сущности телевидения. М.: ВИПК, 1999. 64 с.
- [9] *Свободин А.П.* Откровения телевидения. М., 1976. 272 с. URL: <https://public.wikireading.ru/97339> (дата обращения: 28.06.2019).
- [10] Экранные коммуникации как фактор социализации медиaprостранства: межвузовская коллективная монография / под ред. С.Л. Уразовой. М.: Академия медиаиндустрии, 2019. 398 с.
- [11] *Фортунатов А.Н.* Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения. М.: Флинта, 2018. 174 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 мая 2019

Дата принятия к печати: 24 октября 2019

Для цитирования:

Карпий С.В., Ашур Х.Ю.Д. «Эфир» и «вещание»: этимология, сущность, характеристика понятий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 163–167. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-163-167>

Сведения об авторах:

Карпий Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры журналистики филологического факультета, Донецкий национальный университет; главный редактор Первого республиканского канала ДНР. E-mail: eskalive25@gmail.com

Ашур Хая Юсеф Джамиль, аспирантка кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: haya_ashour4@yahoo.com

Research article

“Ether” and “broadcasting”: etymology, essence, characterization of concepts

Sergey V. Karpiy¹, Haya Yousef Jamil Ashour²

¹Donetsk National University

24 Universitetskaya St, Donetsk, 283001, Ukraine

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The article discusses two basic concepts of modern television broadcasting (in Russian and Arabic), their etymology and evolution in the development of television journalism in the system of mass communication. An attempt was made to determine which well-known television tools are primary, how and why the concepts of “ether” and “broadcasting” are iden-

tified, what are their similarities, why is there a substitution of their essence and, as a result, an erroneous interpretation. Examples of the interpretation of both concepts by well-known researchers of journalism are given, with the help of which an attempt was made to concretize the functions, forms and contents of one or another phenomenon.

Keywords: broadcast, broadcasting, television, content, online broadcasting, content, phenomenon

References

- [1] Losev, A.F. (1977). *Antichnaya filosofiya istorii* [Ancient philosophy of history]. Moscow: Nauka Publ.
- [2] Dolgova, YU.I., & Peripechina, G.V. (Eds.) (2019). *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]: textbook for university students. Moscow: Aspekt Press.
- [3] Etymology of Arabic words of Greek origin. Retrieved from http://arabic-greek-etymology.blogspot.com/2012/09/blog-post_271.html (accessed: 28.06.2019).
- [4] Egorov, V. (1997). *Terminologicheskij slovar' televideniya: Osnovnye ponyatiya i komentarii* [Terminological Dictionary of Television: Basic Concepts and Comments]. Moscow. Retrieved from <http://evartist.narod.ru/text2/09.htm> (accessed: 28.06.2019).
- [5] Knyazev, A.A. (2002). *Enciklopedicheskij slovar' SMI* [Encyclopedic Dictionary of Media]. Bishkek: KRSU Publ. Retrieved from <http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm> (accessed: 28.06.2019).
- [6] *Tolkovyj slovar' Ozhegova* [Explanatory Dictionary Ozhegova]. Retrieved from https://slovarozhegova.ru/view_search.php (accessed: 28.06.2019).
- [7] Berezin, V.M., Volkova, I.I., & Grabel'nikov, A.A. (2008). *Ekrannaya kommunikaciya v sovremennom obshchestve* [Screen communication in modern society]. Moscow: RUDN University.
- [8] Mihalkovich, V.I. (1999). *O sushchnosti televideniya* [About the essence of television]. Moscow: VIPK Publ.
- [9] Svobodin, A.P. (1976). *Otkroveniya televideniya* [Revelations of television]. Moscow. Retrieved from <https://public.wikireading.ru/97339> (accessed: 28.06.2019).
- [10] Urazova, S.L. (Ed.). (2019). *Ekrannye kommunikacii kak faktor socializacii mediapros-transtva* [Screen communications as a factor in the socialization of the media space]: Interuniversity collective monograph. Moscow: Akademiya mediaindustrii Publ.
- [11] Fortunatov, A.N. (2018). *Ego-media. Social'no-filosofskie shtrihi k istorii televideniya* [The ego media. Socio-philosophical touches on the history of television presidency]. Moscow: Flinta Publ.

Article history:

Received: 16 May 2019

Revised: 12 September 2019

Accepted: 24 October 2019

For citation:

Karpiy, S.V., & Ashour, H.Y.J. (2020). “Ether” and “broadcasting”: Etymology, essence, characterization of concepts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 163–167. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-163-167>

Bio notes:

Sergey V. Karpiy, senior teacher of the Journalism Department of Philological Faculty, Donetsk National University; Editor-in-Chief of The First Republican Channel of DPR. E-mail: eskalive25@gmail.com

Haya Yousef Jamil Ashour, PhD student, Department of Mass Communications of Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: haya_ashour4@yahoo.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-168-176
UDC 316.77(4/9)

Research article

Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization

Zenebe Tafesse Kinfu, Alina A. Fadeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

This article is devoted to the study of the functional features of the media space in Kazakhstan under the rapidly changing globalization trends and information confrontation of world powers. Since gaining independence, Kazakhstan is striving to create its own independent information space. The process of information space formation in the country has several traits, such as low competitiveness of national news agencies, slow development of the regulatory and legal framework in the field of information security, high politicization, including the language issue. These features occurred due to the heterogeneous language environment, the problems of the formation of national independent news agencies, the challenges of globalization, the most pressing of which is the growing influence of global media. In this article, authors touch upon the transition of Kazakhstan to the Latin alphabet, as well as the views of Western, Russian and Kazakhstan researchers on the current state of the media landscape of Kazakhstan. Authors justify the need to work out ways to minimize external information impact on the media landscape of Kazakhstan that is still undergoing media transformation processes.

Keywords: media space, information area, information security, globalization, external influence, Kazakhstan, West, Russia, Eurasian integration

Introduction

The speed and direction of social and political changes and ongoing ways of social development will be highly determined by the formation of media sphere and information technology. According to the new political paradigm, Kazakhstan is considered as a driver for Eurasian integration in the post-Soviet area thereby having a significant impact on the formation of the Eurasian media sphere. In Kazakhstan and other post-soviet countries, politicized media are the most popular as they influence the ongoing domestic policy and political transformation in the independent republics. The issues of the modern information society make modern media an object of influence from various global forces.

In modern conditions of information confrontation between Russia and the West, it is necessary to monitor the degree of global media influence on the information space of individual countries. In the context of abovementioned rapidly growing tensions, the authors of this article aim to analyze the current state of the media

sphere in Kazakhstan, its transformation peculiarities in the context of rapidly changing globalization trends, information confrontation of world powers, and the growing politicization of society as a whole.

Thesaurus “information space” and “media space”

There are various definitions, concerning the terms “media space” and “information space”. R. Stults and S. Harrison (1980) define media space as a space created by electronic means of communication, in which individuals or their groups and other communities can act together at the same time and influence each other [1]. In his works the Canadian philosopher, philologist and literary critic Marshall McLuhan referred to media space as the electronic information space [2].

Evgeniy Prokhorov’s definition of a single information space deserves attention: “...an integral information space means the presence of an information field of high density that enables everyone to receive all the necessary and sufficient information according to the realities of life – region, country, world and to develop opinions, attitudes, and make decisions” [3].

Therefore, the development of media sphere is directly related to the density of information space and political space. The greater the amount of information circulating in society, the more actively the media system works, providing complete coverage of events occurring in society.

The term “media”, like “data”, is the plural form of a word borrowed from Latin, and this term is now common in the fields of mass communication and advertising. The definitions of “media” adopted in different countries carry the same meaning [4]. Probably for this reason, the terms “information space”, “media space” and “media sphere” are often used as synonyms in Russia.

It should be noted that the degree of development of the media system in any state today directly depends on the degree of integration of its media into the global media sphere. Media globalization includes many aspects, given that the media themselves form the global information field, at the same time they are the main channel through which information flows, forming the interconnectedness system of the whole world [3].

Nowadays, the state of the media is largely determined by the quantity and quality of Internet publications and the development of Internet technologies. Several researchers believe that the media space contains all sorts of psychological and political threats, for example, D. Rushkoff argues that the components of the modern media contain information viruses that affect people’s worldview. In the huge flow of information, modern media “catch” their readers with the help of controversial, compelling images or ideas, the so-called media viruses, that allow countercultural politics to infiltrate mainstream media [16]. Politically oriented media mostly use these inserts to increase their ratings as this information attracts a sizable audience.

Modern media influence the establishment of the agenda in any state, transforming the mechanisms of its interaction with society, changing the basic technologies and methods of mass communication. Thus, the study of the Kazakhstan information space development is relevant for the analysis of the attitudes and political views, expressed by the citizens of Kazakhstan.

Formation of the Kazakhstan's national media space and information security

Current media system of the Republic of Kazakhstan is at the stage of its formation. The modern information space is variable and the patterns of interaction with information security risks are not yet fully developed.

In the summer of 2003, the Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, KazNU Al-Farabi and the Center for Humanitarian Studies in Almaty presented the peer review of the Kazakhstan's media space. According to this review, Russian media space remains the most advanced among the CIS countries and has a strong influence on the information space of other post-Soviet Central Asian countries [5]. The official languages of Kazakhstan are Kazakh with 5,290,000 speakers around the country and Russian, which is spoken by 6,230,000 people. Despite the intention of state-owned media to withdraw from Russian sources of information to preserve their own national viewpoints, a high prevalence and popularity of Russian-language content, partly derived from Russian media characterizes the media space in Kazakhstan as a whole. According to official statistics, in 2009, 84.8% of Kazakhstanis showed a high degree of proficiency in writing and reading skills in Russian language (Kazakh language – 62%, in English – 7.7%), 94.4% understood oral Russian (74% in Kazakh, English – 15.4%) [6]. According to the country's Ministry of Culture and Sports, in 2016 the share of Russian-speaking citizens was 89.4% [7]. Since 2011, Kazakhstan has a state program for the development and functioning of languages within the framework of the Kazakhstan-2050 strategy. According to this program, the proportion of the Russian-speaking population is planned to be increased to 90% by 2020 [17]. In addition, by 2020 it is planned to increase the number of people who speak three languages (official Kazakh language, Russian, and English) by 15% [17].

Currently, there are 2,972 mass media units in Kazakhstan. Statistics indicate that in 2016 the number of operating media increased by 10% compared with the previous year [8]. According to the 2016 census, ethnic Kazakhs make up about two-thirds of the population, while ethnic Russians are about 20%. However, statistics shows that nearly everyone in country speaks Russian – roughly 94% of the more than 18 million citizens are fluent in it. Kazakh language fluency is at second place, at 74%. The language of Kazakhstan's media varies by region. For example, in the Karaganda region, there are 36% of Russian-language media organizations, 61% of the media operates two or more languages, and only 3% of the media operates national language (Kazakh). In Zhambyl oblast there are 21% of Russian-language mass media and 23% of Kazakh-language mass media and 56% of mass media publish materials in two or more languages. In Almaty there are 19% of the Kazakh-language media, 46% of the Russian-language media, 35% of media are published in two or more languages [8]. According to statistics, more than 70% of the media in Kazakhstan are officially independent, but over the past few years, the number of state-owned media steadily increases. For instance, in 2014, the share of state-owned media made up only 16%, but in 2016, it increased to 25% of the total [9. P. 14].

Dosym Satpayev, a prominent political analyst in Kazakhstan claimed in an interview that the Russian media in the Internet have a significant influence on the pub-

lic opinion in Kazakhstan. According to D. Satpayev “in the near future, Kazakhstan will be a bone of contention in terms of informational clashes between various large geopolitical players, who already use information weapons as an important element of their geopolitical game” [10].

Thus, many experts believe, that Kazakhstan is weakly integrated into the global media space; however, the state officials stand for creation of the Eurasian media space in the region [10]. Despite the need for information interaction with the outside world, many researchers express their concerns about external influence, which causes such problems as a relatively high rating of foreign media in Kazakhstan, Russian influence over Kazakhstan’s media and information space, the impact of Western values distributed through entertainment programs on the country’s young generation [11]. According to statistics, young people between the ages of 20 and 44 are active Internet users and they express interest in globalization trends. Programs broadcasted through the BBC, Radio Liberty, the Current Time TV & digital network, and the Russian media are quite popular among Kazakhstanis. In Kazakhstan, more than 80 foreign media representatives from two dozen countries of the world are accredited, including the largest information agencies – BBC, Associated Press, Interfax, France-Presse, Xinhua, Reuters, ITAR-TASS, etc. [8].

Among all media sectors, the Internet and computer technologies show the highest rates of development in Kazakhstan. The country is gradually becoming a full-fledged member of the international media market and the Kazakhstani media shows relative impact on neighboring countries [5]. The Internet in Kazakhstan first appeared in 1991 and in 2001 the Internet websites received the status of the media [11. Pp. 55–60]. On September 19, 1994, the domain .kz was registered in the database of the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN).

Despite the obvious effects of globalization represented by steady influence of foreign media on Kazakhstani society, national and regional press and electronic media ratings keep growing. They remain in demand as they highlight the situation in the regions. 35% of newspapers are circulated in major cities – Astana and Almaty, in the regions there are 65% of them, and it indicates the demand for newspapers in the regions. According to the Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, about 30% of electronic media are accumulated in Almaty and Astana and 70% of them are distributed in the remaining regions [9]. According to Kazakhstani analysts, usage of Kazakh language makes regional media less vulnerable to external information influence. Many Kazakhstani media experts have repeatedly expressed the need for information sovereignty and the transfer of foreign electronic media to cable networks. The owner of the TAN media group, Armanzhan Baytasov, and a PR technology specialist, Yerlan Askarbekov, openly called for limiting the retransmission of Russian TV channels that “disseminate political information” [12]. However, such a measure can only be effective in relation to television, while the main information threats today are spread through the Internet, which has no limits.

Eric Freedman, Associate Professor of Journalism, Assistant Dean of International Studies & Programs, Michigan State University, and Richard Schafer, Ph.D. Professor of Journalism, Department of English, University of North Dakota [13], in their studies of Central Asian media consider the information struggle

of superpowers eager to impact the media space of post-Soviet countries. During the opening of the third session of the Parliament President Nursultan Nazarbayev also mentioned threats to the information space security, saying, “We need a reliable ‘Cyber shield of Kazakhstan’. We cannot postpone its creation. It is necessary to protect the interests of our country, our culture, our values. It is a matter of safety” [14]. In 2009, Karim Masimov, the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan openly stated that 55% of the citizens of Kazakhstan live in the Russian information space [11. P. 49].

According to Eric Freedman and Richard Shafer, the press in five Central Asian countries is still in the shadow of the post-Soviet past. However, after the collapse of the Soviet Union, western democracies offered the democratic system of media development, which was actively introduced through the preparation of a new generation of journalists. Barbara Junisbai, Assistant Professor of Organizational Studies at Pitzer College in her research emphasizes the negative role of “financial-industrial” groups, related to the country officials that use the media as a “strong weapon” in the internal struggle for wealth and power. In her work, Barbara Yunisbai describes how an authoritarian government uses formally “independent” media to retain power, without officially violating democratic standards [13]. Thus, many foreign researchers consider the functioning of the information space of Kazakhstan exclusively through the prism of the political situation in the country.

In 2018, significant language changes started in Kazakhstan after President Nursultan Nazarbayev signed a decree on amending the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 26, 2017 No. 569 “On translation of the Kazakh alphabet from Cyrillic to the Latin alphabet”. The President of the Kazakhstan ordered to develop a schedule and begin the necessary preparatory work, planning to complete the transition by 2025 [17]. This decree aroused the indignation of the Russian-speaking audience and the cautious attitude of Russian experts, some of them regarded the transition as ideologically motivated act [15]. This led to anti-Russian rhetoric among Kazakh-speaking Internet users and experts. “The transition of the Kazakh script to the Latin alphabet is an important step towards decolonization; it means release of the imposed alphabet, gaining freedom. We can see that some political circles in Russia have expressed concern that we are moving away from the Russian cultural space. However, it cannot be denied that many peoples who use Latin script have close ties with Russian culture. Therefore, the Kazakh-Russian economic, cultural and scientific ties will develop further,” said the Kazakh scholar Amangeldy Aitaly on the Kazakh-language portal kerey.kz [15]. The transition to the Latin-based style in the Kazakhstani media is often associated with the language and inter-ethnic issues, directly affecting the information space of Kazakhstan as a whole. Western media, like BBC, described this transition as a positive step towards globalization.

Conclusion

In conclusion, the media space of Kazakhstan is at the active stage of forming its own national information field. The information space of the country is formed by both external and internal factors, such as: the influence of the world media space, the lack of a clear social and political position, including the language is-

sues as well; financial difficulties and the lack of properly educated professionals to create due amount of relevant content; global data verification problems. In order to reduce the influence of external sources, Kazakhstani media have to produce competitive content of high quality. The lack of financial and qualified human resources remains an obstacle for further development of media space. Therefore, there is a need to obtain information from the outside, which is then processed by the owners of the state media, interpreted and supplemented according to the desired effect. In addition, there is a need to study the development of Kazakhstani media space as a system with specific regional characteristics and the need to develop adequate responses to global challenges.

Moreover, the media forming the national media space should precisely reflect the social and political processes currently taking place in the country and in the world. Weak representativeness of the modern media space in Kazakhstan is obvious as it mainly reflects the position of the media owners or the position of a certain NGO or foreign information agency, that forms the information field in the country according to its own agenda. Kazakhstani media should develop risk management and find proper ways to minimize external information threats.

References

- [1] Stults, R. (1986). *Media Space, Xerox PARC*. Retrieved from <http://people.cs.vt.edu/srh/Downloads/Media%20Space%20Report.pdf> (accessed: 15.03.2019).
- [2] McLuhan M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press.
- [3] Prokhorov, E.P. (1999). *Regional'naya pressa v informatsionnom prostranstve Rossii [Regional press in Russian media landscape]*. Retrieved from <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/regional-press/prohorov.html> (accessed: 16.03.2018). (In Russ.)
- [4] Fedorov, A.V. (2014). *Slovar' terminov po mediaobrazovaniyu, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti [Dictionary of media education, media pedagogy, media literacy, media competence terms]*. Moscow: Direct-media Publ. (In Russ.)
- [5] Ibraeva, G.Zh., Petrenko, S.Yu., & Buluktaev, Yu.O. (2004). *Ekspertnaya otsenka mediaprostranstva Kazakhstana [Expert evaluation of the media landscape in Kazakhstan]*. Retrieved from <http://ecsocman.hse.ru/data/832/922/1219/013.IBRAEVA.pdf> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
- [6] Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Committee on Statistics. (2018). *Pokazатели gosudarstvennykh i pravitel'stvennykh program [Indicators of state and government programs]*. Retrieved from http://stat.gov.kz/faces/homePage/homeProgramm.pokazатели?_adf.ctrl-state=jr925mgus_86&_afLoop=2339583839098541#%40%3F_afLoop%3D2339583839098541%26_adf.ctrl-state%3Db8ferpvz7_4 (accessed: 20.06.2019). (In Russ.)
- [7] Slobodyan, E. (2018, 20 February). Skol'ko v Kazakhstane russkoyazychnogo naseleeniya? [How many Russian-speaking population is in Kazakhstan?] *Argumenty i Fakty [Arguments and Facts]*. Retrieved from http://www.aif.ru/society/people/skolko_v_kazahstane_russkoyazychnogo_naseleniya (accessed: 20.06.2019). (In Russ.)
- [8] Interorga.ru. (2018). *O razvitii SMI v Kazakhstane [The Development of Mass Media in Kazakhstan]*. Retrieved from <http://interorga.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya/kazahstan-v-mezhdunarodnyh-organizatsiyah/o-razvitii-smi-v-kazahstane.html> (accessed: 20.06.2019). (In Russ.)
- [9] BISAM Central Asia. Sociological and Marketing Research Center. (2016). *Itogovyi otchet po rezul'tatam marketingovogo issledovaniya faktorov tarifoobrazovaniya uslug*

- sredstv massovoi informatsii respubliki Kazakhstan s tsel'yu rascheta tarifnykh stavok dlya zakupki uslug po realizatsii gosudarstvennoi informatsionnoi politiki [Final report on the results of marketing research of rates setting factors for media services in the Republic of Kazakhstan with a view to calculating rates setting for the procurement of public information policy services]*. Almaty. Retrieved from mic.gov.kz/sites/default/files/pages/finalnyy_itogovyy_otchet_rus.pdf (accessed: 20.06.2019). (In Russ.)
- [10] Drobyazko, E. (2015). V Kazakhstane nachalas' informatsionnaya voyna – politolog [Information war started in Kazakhstan – politologist]. *OpenAsia*. Retrieved from <http://theopenasia.net/articles/detail/v-kazakhstane-nachalas-informatsionnaya-voyna-politolog/> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
- [11] Sabitov, D. (2016). *Informatsionnaya bezopasnost' Kazakhstana: zashchita dannykh i smyslov [Information security of Kazakhstan: protection of data and meanings]*. Institute of World Economy and Politics (IWEP) under the Fund of the First President of the Republic of Kazakhstan – The Leader of the Nation. Astana, Almaty. Retrieved from http://iwep.kz/files/attachments/article/2016-04-07/doklad_informacionnaya_bezopasnost_daniyar_sabitov.pdf (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
- [12] Central Asia Monitor. (2014). *Ugrozhayut li Kazakhstanu rossiiskie SMI? [Does Russian media threaten Kazakhstan?]*. Retrieved from <https://camonitor.kz/13908-ugrozhayut-li-kazakhstanu-rossiiskie-smi-aivanov.html> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
- [13] Fridman, E., & Sheifer, R. (2011). New developments in Central Asian mass media research. *Central Asia and the Caucasus*, 14(4), 143–162.
- [14] Digital Report. (2017, 7 September). *Prezident Kazakhstana rasstavil priority: tsifrovizatsiya i kiberbezopasnost' na 8 meste [The President of Kazakhstan prioritized: digitalization and cybersecurity in the 8th place]*. Retrieved from <https://digital.report/prezident-kazakhstan-rasstavil-priority-tsfrovizatsiya-i-kiberbezopasnost-na-8-meste/> (accessed: 20.06.2018). (In Russ.)
- [15] Bakhtigareev, R. (2017, 10 May). Bol'she ne mnogonatsional'nyi: Obzor SMI Kazakhstana [No longer multinational: Review of Kazakhstani media]. *Regnum*. Retrieved from <https://regnum.ru/news/2273031.html> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
- [16] Rushkoff, D. (1994). *Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture*. New York: Ballantine Books.
- [17] Strategy “Kazakhstan-2050”. (2018). *Gosudarstvennaya programma razvitiya i funktsionirovaniya yazykov v RK [State Program for the Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan]*. Retrieved from <https://strategy2050.kz/ru/page/gosprog5/> (accessed: 20.06.2019). (In Russ.)

Article history:

Received: 31 January 2019

Revised: 15 March 2019

Accepted: 10 October 2019

For citation:

Kinfu, Z.T., & Fadeeva, A.A. (2020). Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 168–176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-168-176>

Bio notes:

Zenebe Tafesse Kinfu, PhD, Associate Professor of the Department of Mass Communication, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: zen888kin@yandex.ru

Alina A. Fadeeva, PhD student, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: alina.fadeeva1092@gmail.com

Особенности функционирования медиапространства Казахстана в условиях глобализации

З.Т. Кинфу, А.А. Фадеева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Статья посвящена исследованию медиапространства Республики Казахстан в условиях стремительно меняющихся глобализационных трендов и информационного противостояния мировых держав. С момента получения независимости Казахстан стремится к созданию собственного независимого информационного пространства. Этот процесс имеет ряд особенностей, таких как низкая конкурентоспособность национальных информационных агентств, медленное развитие нормативно-правовой базы в сфере обеспечения информационной безопасности, высокая политизированность, в том числе и в языковом вопросе, что обусловлено неоднородной языковой обстановкой, проблемами формирования национальных независимых информационных агентств, вызовами глобализации, самым актуальным из которых является растущее влияние глобальных СМИ. В статье затрагивается вопрос перехода Казахстана на латиницу, а также взгляды западных, российских и казахстанских исследователей на современное состояние медиапространства Казахстана. Обосновывается необходимость выработки путей минимизации внешнего информационного влияния на медиапространство Казахстана, которое все еще находится на этапе цифровой трансформации.

Ключевые слова: медиапространство, информационное поле, информационная безопасность, глобализация, внешнее влияние, Казахстан, Запад, Россия, евразийская интеграция

Список литературы

- [1] Stults R. Media Space, Xerox PARC. 1986. URL: <http://people.cs.vt.edu/srh/Downloads/Media%20Space%20Report.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
- [2] Маклюэн М.Г. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
- [3] Прохоров Е.П. Региональная пресса в информационном пространстве России. URL: <http://www.dzvalosh.ru/01-comm/books/regional-press/prohorov.html> (дата обращения: 16.03.2019).
- [4] Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М.: Директ-медиа, 2014. 62 с.
- [5] Ибраева Г.Ж., Петренко С.Ю., Булуктаев Ю.О. Экспертная оценка медиапространства Казахстана. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/832/922/1219/013.IBRAEVA.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
- [6] Показатели государственных и правительственных программ / Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. 2018. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage/homeProgramm.pokazатели?_adf.ctrlstate=jr925mgus_86&_afzLoop=2339583839098541#%40%3F_afzLoop%3D2339583839098541%26_adf.ctrl-state%3Db8ferpvz7_4 (дата обращения: 20.06.2019).
- [7] Слободян Е. Сколько в Казахстане русскоязычного населения? // Аргументы и факты. 2018, 20 февраля. URL: http://www.aif.ru/society/people/skolko_v_kazahstane_russkoyazychnogo_naseleniya (дата обращения: 20.06.2019).

- [8] О развитии СМИ в Казахстане // Interorga.ru. 2018. URL: <http://interorga.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya/kazahstan-v-mezhdunarodnyh-organizatsciyah/o-razviti-smi-v-kazahstane.html> (дата обращения: 20.06.2019).
- [9] Итоговый отчет по результатам маркетингового исследования факторов тарифообразования услуг средств массовой информации Республики Казахстан с целью расчета тарифных ставок для закупки услуг по реализации государственной информационной политики / Центр бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia. Алматы, 2016. URL: mic.gov.kz/sites/default/files/pages/finalnyu_itogovyy_otchet_rus.pdf (дата обращения: 20.06.2019).
- [10] Дробязко Е. В Казахстане началась информационная война // OpenAsia. 2015. URL: <http://theopenasia.net/articles/detail/v-kazahstane-nachalas-informatsionnaya-voynapolitolog/> (дата обращения: 15.03.2019).
- [11] Сабитов Д. Информационная безопасность Казахстана: защита данных и смыслов / Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации. Астана – Алматы, 2016. URL: http://iwep.kz/files/attachments/article/2016-04-07/doklad_informatsionnaya_bezopasnost_daniyar_sabitov.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
- [12] Угрожают ли Казахстану российские СМИ? // Central Asia Monitor. 2014. URL: <https://samonitor.kz/13908-ugrozhayut-li-kazahstanu-rossiyskie-smi-aivanov.html> (дата обращения: 15.03.2019).
- [13] Фридман Э., Шейфер Р. Новые исследования СМИ Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 4. С. 143–162.
- [14] Президент Казахстана расставил приоритеты: цифровизация и кибербезопасность на 8 месте. URL: <https://digital.report/prezident-kazahstana-rasstavil-prioritetyi-tsifrovizatsiya-i-kiberbezopasnost-na-8-meste/> (дата обращения: 20.06.2019).
- [15] Бахтигареев Р. Больше не многонациональный: обзор СМИ Казахстана // Regnum. 2017, 10 мая. URL: <https://regnum.ru/news/2273031.html> (дата обращения: 15.03.2019).
- [16] Раишхофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. М.: Ультра.Культура, 2003. 368 с.
- [17] Государственная программа развития и функционирования языков в РК. 2018. URL: <https://strategy2050.kz/ru/page/gosprog5/> (дата обращения: 20.06.2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 31 января 2019

Дата принятия к печати: 10 октября 2019

Для цитирования:

Kinfu Z.T., Fadeeva A.A. Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization (Особенности функционирования медиапространства Казахстана в условиях глобализации) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 168–176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-168-176>

Сведения об авторах:

Кинфу Зенебе Тафессе, кандидат философских наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: zen888kin@yandex.ru

Фадеева Алина Александровна, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: alina.fadeeva1092@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-177-183
УДК 316.77.001

Научная статья

Научная тематика в цифровой реальности

Е.В. Якубович

Академия медиаиндустрии

Российская Федерация, 127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2

В статье представлены результаты исследования более двухсот научных интернет-ресурсов, значительная часть которых – сайты научных журналов, имеющих печатную версию. Остальные ресурсы – электронные отраслевые и научно-популярные издания, онлайн-информационные порталы, аккаунты сообществ в блогосфере, социальных сетях, мессенджерах. На основании полученных результатов показано, что эти медиа-продукты особым образом формируют современную цифровую реальность, усложняя и качественно улучшая ее. Создателями и авторами научных изданий являются журналисты, специализирующиеся в сфере научно-популярных проблем, ученые – представители научного сообщества, а также пользователи Сети, что отражает одну из современных тенденций развития медиа. В статье ставится вопрос об использовании системного подхода (комплекс естественно-научного, гуманитарного и технологического) при создании медиаресурсов научного направления как основы содержательно-предметных моделей научных и научно-популярных медиа.

Ключевые слова: научная тематика, медиареальность, цифровая реальность, естественно-научный, гуманитарный и технологический факторы, социальные сети

В настоящее время многократно возрастает значение научной тематики в современной медийной системе, которая органично вбирает в себя журналистику, рекламу, связи с общественностью, маркетинговые коммуникации. Исследователь конвергенции информационно-коммуникативных практик в естественно-научную тематику В.И. Штепа определяет понятие «научная тематика» следующим образом: «это совокупность, система основных и побочных тем научного или научно-популярного произведения или ряда произведений одного автора или целой группы, школы, направления, отражающих действительность в понятиях научного знания о ней» [1. С. 9].

Объект проведенного исследования – медиапродукт по научной тематике в современной медийной цифровой системе. Понятие «медиапродукт» включает в себя зафиксированную реальность в виде текста, медиаконтента, то есть собственно текста, аудиовизуального материала, видео, инфографики и других компонентов в едином целом, а также более крупные структурные образования, такие как журнал, газета, телевизионная или радиопро-

грамма, обновляемые сайты, порталы, социальные сети. Последние три относятся к сетевым ресурсам, которые достаточно разнообразны. В них входят электронные версии традиционных изданий, онлайн-версии информационных ресурсы, аккаунты сообществ в блогосфере, социальных сетях и мессенджерах. Предмет исследования – естественно-научный, гуманитарный и технологический подходы, которые способствуют увеличению доли медиапродуктов по научной тематике в медиа, качественно улучшают их и предлагают разнообразные форматы, что позволят расширить целевую аудиторию, заинтересованную в изучении окружающего мира. Цель исследования – показать, что научная тематика может стать одной из ведущих направлений медиа при условии системного использования естественно-научных, гуманитарных и технологических подходов.

Первым среди равных следует считать *естественно-научный подход*, который традиционен, когда речь идет о научном знании и, соответственно, о научной тематике. Это принцип организации научного исследования и интерпретации результатов по критериям проверяемости, неизменности, воспроизводимости. Естественно-научное знание априори объективно, непредвзято, беспристрастно. Именно из этих постулатов исходит автор (журналист или ученый), который берется за разработку научной тематике в медиа. По мнению И.Ю. Гутник, автор (как исследователь), «занимает по отношению к объекту познания позицию извне, позицию незаинтересованного, беспристрастного субъекта», каковой является сама наука, оперирующая только доказанными фактами [2. С. 134].

Естественнонаучный подход в подаче научных тем сложился не сразу, его можно соотнести со становлением научного знания, с преодолением наивно-натуралистической установки сознания естествоиспытателя, который абсолютизирует процесс собственного восприятия. Это связано с понятием «классической рациональности», когда получаемые результаты во многом зависят от используемых средств, в том числе и мыслительных, от личностных качеств и непосредственно деятельности ученого [3]. При этом существенное влияние на характер получаемого знания оказывала и сегодня оказывает субъективная переменная, что в конечном счете приводит к эволюции естественно-научного подхода. То же самое наблюдается и в деятельности журналиста, от его умения *наблюдать и исследовать* зависит создаваемая им картина научных проблем, предлагаемая широкой аудитории.

Логично предположить, что совместно со становлением научного знания идет становление научной тематике в медиа. В ее развитии можно выделить несколько периодов: *директивный* (1950–1990-е гг.), *поисковый* (1990–2000-е гг.), *инновационный* (с 2000-х гг. по настоящее время) [1]. Сегодня в подаче научных тем естественно-научный подход сохраняется, обнаруживая тенденцию к эволюции. Это видно на примере традиционной прессы, которая осваивает новые форматы в сетевом пространстве. Благодаря цифровой реальности, научное знание может иметь практическое применение и использоваться специалистами разных областей знания.

Автором было изучено более двухсот научных медиаресурсов, большая часть которых сайты научных журналов, имеющих и печатную версию. Почти

все они входят в тематический каталог интернет-портала по фундаментальной науке «Элементы» [4]. Особое внимание было обращено на издания по химии, что объясняется спецификой деятельности автора данной статьи. Во Всемирной сети представлены следующие научные журналы по данной дисциплине: «Известия Российской академии наук. Серия химическая», «Журнал общей химии», «Российский химический журнал», «Mendeleev communications», «Вестник Московского университета. Серия: Химия», «Журнал аналитической химии», «Журнал неорганической химии», «Журнал органической химии» и др. Данные журналы, предназначенные для коммуникаций внутри специалистов химической отрасли, теперь доступны для широкой интернет-аудитории. Химия многомерна и часто выходит за пределы узкоспециального знания, создавая на стыке наук новые направления. К числу изданий, работающих в этом сегменте, следует отнести следующие, представленные в Интернете: «Геохимия», «Биоорганическая химия», «Биохимия», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Физика. Химия», «Журнал физической химии», «Журнал эволюционной биохимии и физиологов», «Молекулярная биология», «Нейрохимия», «Успехи биологической химии», «Химическая физика».

Как показало исследование, авторы изданий этих двух групп используют адаптированный естественно-научный подход, учитывающий цифровые реалии. Ученые и журналисты, стоящие у истоков этого подхода, обращают внимание на специфику объекта исследования, отмечают его рефлексивную природу, ситуативную изменчивость. Однако во всех естественно-научных ориентациях традиционных научных изданий и их онлайн-версий обнаружено инвариантное допущение – установка на независимую сущность научной тематики, параметры которой искажаются неадекватным методом или непрофессионализмом автора (журналиста или ученого), а трактовка научного знания зависит от тех, кто создает контент.

Следующим по значимости является *гуманитарный подход*, который ставит во главу угла человека, обладающего как научным, так и повседневным мышлением. Термин «гуманитарный» (лат. *humanitas*) означает «обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека» [5]. Когда речь идет о научной тематике, гуманитарный подход вносит «человеческое измерение» в медиапродукты научной направленности» [6. С. 59]. Этому способствует и междисциплинарный характер, что позволяет создателю медиапродукта (журналисту, ученому, пользователю) наблюдать и исследовать окружающий мир, природу, общество и человека с антропологической человековедческой позиции. В связи с этим обозначим три формата научной тематики: собственно, научная (в основе теоретическое знание); отраслевая или специализированная тематика (в основе технологии, способствующие созданию конкретного продукта или механизма на основе теоретических разработок); научно-популярная тематика (в основе язык, понятный образованному человеку, не специалисту в той или иной области знания) [7].

Очевидно, что каждый из этих форматов подачи научной тематики, представленный конкретным медиа, определяет содержательно-предметные модели традиционных изданий: научные, отраслевые (специализированные) и научно-популярные журналы (печатные и онлайн-версии). Каждое из них субъек-

тивно в передаче научной тематики. Одни стремятся объяснить явление, другие – проинформировать о свершившемся открытии в научной сфере и тем самым внести в трактовку того или иного явления новый смысл. Третьи обучают, влияя на существующие у аудитории представления. Каждый тип изданий с помощью своих содержательно-предметных моделей живет в том мире, который сам и создает. Но при разности этих «миров» все издания, ставя во главу угла своей деятельности гуманитарный подход, используют *понимание* как особый журналистский метод. При этом понимание – это и процесс, и результат познания.

Это свойственно герменевтике – истолкованию и интерпретации текстов, в данном случае по научной тематике. На герменевтике базируется профессиональная деятельность журналистов (специалистов в научной тематике) и представителей науки, которые создают аналогичные медиапродукты. Как показало исследование сетевых ресурсов, разрабатывающих научную тематику в дисциплине «химия», наибольшую потребность дойти до читателя испытывают научно-технические отраслевые и корпоративные издания. К этому сегменту относится, к примеру, журнал «Химическая промышленность сегодня», который включен в перечень ВАК.

Анализируемые издания в традиционном виде и в онлайн-формате сохраняют естественно-научный подход в подачи информации, но при этом активно реализуют и гуманитарный подход. Например, интернет-портал «Сырье и упаковка» является единственным полным источником научно-технической и практической информации для производителей парфюмерии, косметики и средств бытовой химии, при этом он сохраняет печатный вариант (десять номеров в год, тираж более 3 тыс. экз.). Можно говорить о модификации гуманитарного подхода в подаче научной тематики, на который оказывает существенное влияние цифровая реальность. Пример – электронное издание «Химия. Химическая промышленность», не имеющее печатных аналогов. Это характерно для научно-популярной периодики, которая строит свою деятельность на основе гуманитарного подхода. Общеизвестные отечественные издания «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Вокруг света» и другие активно представляют себя в сети. Свои оцифрованные архивы предлагают онлайн-версии журналов «Наука и жизнь» (с первых номеров XIX века), «Химия и жизнь» (архив с 2000 года).

Благодаря цифровой среде, обусловленной появлением новых информационных технологий, актуализировался *технологический подход*, который во многом предопределил трансформацию традиционных форматов подачи научной тематики в медиа. Это не только новое понятие, но и новое постижение окружающего мира, которым владеет в большей степени молодое поколение, выросшее в этой реальности. Поэтому, прежде всего, для цифрового поколения важно, чтобы в Сети появились новые цифровые ресурсы, разрабатывающие научную тематику. С развитием технологий изменились формы ее подачи: коммуникации с конечным потребителем происходят с вовлечением его в процесс познания, способствующего приобретению нового научного знания. В Интернете существует пользовательский сегмент, авторами материалов о науке становятся представители научного сообщества: науч-

ные институты, учебные заведения, научно-производственные корпорации, инициативные увлеченные люди. Предпринятый анализ показал динамичное развитие этого сегмента. Например, на сайте *Science-digest* и других подобных ресурсах помимо информации о событиях, происходящих в мире науки, большое количество авторских текстов, обзоров, рецептов. На *Science-digest* их более 25000.

Постоянно обновляющиеся технологии позволяют, с одной стороны, расширять пользовательскую аудиторию, с другой – формировать тематически однородные группы. Предметно разрабатывать однородную тематику стали даже новостные интернет-ресурсы. Например, новостной сайт *In-chemistry* сосредоточен на освещении химической тематики. «Медиа Химия» – группа информационных ресурсов (шесть тематических порталов), посвященных химии и отраслевым сегментам, имеет ежедневную аудиторию в 40 тыс. человек. Именно технологический подход в освещении научной тематики способствует формированию широкой любительской аудитории, для которой химия – сфера увлечения. На них ориентирован, к примеру, онлайн-форум «Форум химиков-энтузиастов», созданный журналом «Химия и химики» и содержащий разделы «Эксперименты по химии», «Практическая химия», «Книги по химии», «Физика», «Астрономия», «Биология», «Научный юмор».

Таким образом, исследование показало, что научная тематика по специальности «химия» активно представлена в цифровых медиа. При создании контента используются естественно-научный, гуманитарный и технологический подходы. Каждый из них ключевой, но не единственный для определенной группы медиа. Это позволяет утверждать, что, используя их совместно, медиа более объемно заявляют о научной тематике в цифровой реальности, тем самым включая в процессы постижения окружающего мира все больше людей. При этом анализ интернет-изданий по химии показал недостаточное использование социальных сетей, отсутствие маркетинговых усилий по продвижению контента. Во-первых, не используются игровые и вирусные методы распространения информации [8], во-вторых, нет стратегии моделирования коммуникаций, исследовательское поле которых не ограничивается взаимодействием аудитории и контента, требуется выработка механизмов и алгоритмов, оптимизирующих распространение и потребление научной информации [9. С. 100].

Список литературы

- [1] *Штена В.И.* Естественнонаучная тематика в отечественной прессе середины XX – начала XXI века (на примере химической отрасли): автореф. дис. ... д-р филолог. наук. Воронеж, 2009. 38 с.
- [2] *Гутник И.Ю.* Естественнонаучный, гуманитарный и бипарадигмальный подходы к педагогической диагностике // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 11. С. 130–139.
- [3] *Степин В.С.* Философия науки: Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- [4] Наука в Рунете: каталог. URL: <https://elementy.ru/catalog> (дата обращения: 12.11. 2019).
- [5] Современная энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termin/gumanitarnyi.html> (дата обращения: 12.11. 2019).
- [6] *Слободчикова В.И., Исаева Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.

- [7] Лазаревич Э.А. Популяризация науки в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 244 с.
- [8] Будовская Ю.В., Волкова И.И. Распространение медиаконтента в социальных медиа и социальных сетях: теория игр против виральности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5. С. 69–74.
- [9] Экранные коммуникации как фактор социализации медиaprостранства: межвузовская коллективная монография / под ред. С.Л. Уразовой. М.: Академия медиаиндустрии, 2019. 398 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 июня 2019

Дата принятия к печати: 20 ноября 2019

Для цитирования:

Якубович Е.В. Научная тематика в цифровой реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 177–183. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-177-183>

Сведения об авторе:

Якубович Екатерина Вячеславовна, кандидат химических наук, начальник научного отдела химического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; докторант Академии медиаиндустрии. E-mail: kate@sci.chem.msu.ru

Research article

Scientific topics in digital reality

Ekaterina V. Yakubovich

Academy of Media Industry
105 Octobrskay St, bldg. 2, Moscow, 127521, Russian Federation

The article presents the results of a study of more than two hundred scientific Internet resources, a significant part of which are the sites of scientific journals that have a printed version. The remaining resources are electronic industry and popular science publications, online information portals, community accounts in the blogosphere, social networks, and instant messengers. It is shown that these media products form a modern digital reality. The article presents the results of a study of more than two hundred scientific Internet resources, a significant part of which are the sites of scientific journals that have a printed version. The remaining resources are electronic industry and popular science publications, online information portals, community accounts in the blogosphere, social networks, and instant messengers. Based on the results obtained, it is shown that these media products in a special way form the modern digital reality, complicate and improve it. The creators and authors of scientific publications are journalists specializing in the field of popular science problems, scientists – representatives of the scientific community, as well as web users. The article raises the question of using a systematic approach (a complex of natural science, humanitarian and technological) when creating media resources of the scientific direction as the basis of informative-subject models of scientific and popular science media, complicating and qualitatively improving it. The creators and authors of scientific publications are also journalists specializing in the field of popular science problems, scientists – representatives of the scientific community, as well as web users,

which reflects one of the modern trends in the development of media. The article raises the question of using a systematic approach (a complex of natural science, humanitarian and technological) in creating scientific media resources. This will be the basis of substantive-subject models of scientific and popular science media.

Keywords: scientific topics, media reality, digital reality, natural science, humanitarian and technological factors, social networks

References

- [1] Shtepa, V.I. (2009). *Estestvennonauchnaya tematika v otechestvennoj presse serediny XX – nachala XXI veka (na primere himicheskoy otrasli)* [Natural science topics in the domestic press of the mid XX – early XXI century (on the example of the chemical industry)] (abstract of the dissertation of the Doctor of Philology). Voronezh.
- [2] Gutnik, I.Yu. (2013). Estestvennonauchnyj, gumanitarnyj i biparadigmal'nyj podhody k pedagogicheskoj diagnostike [Natural, humanitarian and biparadigm approaches to pedagogical diagnostics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, (11), 130–139.
- [3] Stepin, V.S. (2006). *Filosofiya nauki: Obshchie problemy* [Philosophy of Science: General Problems]. Moscow: Gardariki Publ.
- [4] Nauka v Runete [Science in Runet]: Catalog. Retrieved from <https://elementy.ru/catalog> (accessed: 12.11. 2019).
- [5] *Sovremennaya enciklopediya* [The Modern Encyclopedia]. Retrieved from <https://terme.ru/termin/gumanitarnyi.html> (accessed: 12.11.2019).
- [6] Slobodchikova, V.I., & Isaeva, E.I. (1995). *Osnovy psichologicheskoy antropologii. Psichologiya cheloveka. Vvedenie v psichologiyu sub"ektivnosti* [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the Psychology of Subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
- [7] Lazarevich, E.A. (1981). *Populyarizaciya nauki v Rossii* [Popularization of science in Russia]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- [8] Budovskaya, Yu.V., & Volkova, I.I. (2012). Rasprostranenie mediakontenta v social'nyh media i social'nyh setyah: teoriya igr protiv viral'nosti [The distribution of media content in social media and social networks: the theory of games against virality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (5), 69–74.
- [9] Urazova, S.L. (Ed.). (2019). *Ekrannye kommunikacii kak faktor socializacii mediapros-transtva* [Screen communications as a factor in the socialization of the media space]: Interuniversity collective monograph. Moscow: Akademiya mediaindustrii Publ.

Article history:

Received: 24 June 2019

Revised: 10 October 2019

Accepted: 20 November 2019

For citation:

Yakubovich, E.V. (2020). Scientific topics in digital reality. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 177–183. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-177-183>

Bio note:

Ekaterina V. Yakubovich, Candidate of Chemical Sciences, Head of the Scientific Department of the Chemistry Department, Lomonosov Moscow State University; doctoral student at the Academy of Media Industry. E-mail: kate@sci.chem.msu.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-184-192
UDC 316.775

Research article

Indian social media politics: new era of election war

Keshav Patel¹, Himani Binjola², Taha Siddiqui²¹Mahatma Gandhi Chitrakoot Gramoday University*Kamtan, Janki Kund, Chitrakoot, Madhya Pradesh, 485334, Republic of India*²Graphic Era Hill University*566/6 Bell Road, Society Area, Clement Town, Dehradun, Uttarakhand, 248002, Republic of India*

The role of social media during 16th Lok Sabha elections has led to several insights in the manner in which the youth of today is consuming political news. Several social media platforms have played a significant role in voting behaviour. Social media platform acted as a game changer and a catalyst in wooing young voters and influencing their opinion. While Internet users grew 7% in Urban India reaching 315 million users in 2018, digital adoption is now being propelled by rural India, registering a 35% growth in Internet users over the past year. Also, there have come a general perception that television will play a lesser role in this upcoming election and digital media will play a never before seen influence on voters. This research examines the behaviour of youth in India and examines the level of influence by social media in casting their vote in Lok Sabha elections. Whether social media can be a game changer or an influencer. These findings will be carried out by this research work.

Keywords: social media, politics, general election

Introduction

With the advent of *Social media* definition of expression of thoughts has profoundly changed for the masses and new era of expression is emerging with the dawn of social media. Earlier media usage was restricted to newspapers, magazines, television and radio but with social media definition of media usage has completely changed. Perception of people has eventually transformed for social media earlier social media was only considered as a new technology medium but with changing times social media is not only considered as the medium of information but it is also measured as reliable medium of information [1]. Social media brought change in every domain and astoundingly politics was also not untouched by its magnetism and splendour. 16th Lok Sabha elections witnessed the upsurge of social media and were underway very different from all the previous elections. In Independent India 2014 elections were the elections where social media was used as a weapon to woo 149 billion first time voters and to these first-time voter's

social media convention comes easy. This is evidently seen and observed that each and every political party after 2014 elections actually understood that how “NaMo Campaign” of Bharatiya Janata Party (BJP) changed the dynamics of politics and before 16th Lok Sabha elections importance of social media in politics was not that perceptible [6; 2].

In earlier times traditional media played a very substantial role in creating awareness among populace but over period of time social media became the primary tool of promotion and publicising because with time social media has proved that it is not only the medium to inform or educate masses but also to fascinate and charm masses. The dearth of social media was not only seen in the 16th Lok Sabha elections but the same was seen in the 2008 US Presidential elections where the value and assistance of social media was proved by Barack Obama’s political campaign. In fact every morsel of his political campaign included social media which included its usage in advertising, fund raising, advance work and this was propagated in 50 states. Obama used Twitter, Facebook and YouTube to tell masses how he felt about important issues and his concern for the country. It was evident that US presidential elections changed the dynamics of communication and vitally used the new technology ‘social media’ for influencing voters and creating impact on voter’s behaviour. The same was dispensed in India in 2011 where vigorous usage of social media was seen in movement called “India against Corruption” (IAC). It was clearly seen that primarily social media was used by the organizers and supporters of IAC [3] to earn people support and attract thoughtfulness of people. This movement not only created awareness among masses but it was also seen that social media was a low cost medium of communication for connecting with masses. Power of social media was reflected through IAC and the campaign received massive support by youngsters... [2].

Interestingly the number of Internet users in India has manifolded. According to a report on digital adoption and usage trends in India, by Kantar IMRB’s I-CUBE 2018, the number of Internet users in India has exceeded half a billion people in 2018! Fixed at a whopping 566 million, the rural Internet usage and growth has also increased man times. The report further says that the number of Internet users in India grew 18% annually. This figure is estimated at 566 million as of December 2018; a considerable 40% Internet penetration in India. The report further highlights the probability of double-digit growth for 2019 and estimates that the number of Internet users in India will reach a huge 627 million in 2019 [4]. India has actually seen the revolution of communication with such a fast speediness and has advanced with it. Social media’s importance fuelled when India witnessed its influence on US Presidential elections and the way IAC was buoyed by individuals. A speculation about impact of social media is a much-gabbed issue among politicians around elections. Political parties have realized that old fashioned techniques and strategies of campaigning, i.e. posters, cardboard, rallies, house to house canvassing, cut-outs, and promotion vans have to be fuelled with capturing of Internet platforms as well so that each and every individual voter could be tapped and new voters could be influenced. Many politicians have understood that social media is the new need of the hour and will be the new definition of political campaigning. In 2014 there were total of 149 million new voters registered which were

tech savvy and to them access of social media came easy [1]. In 2019 election 900 million voters registered themselves and in which 15 million new voters aged 18–19 registered themselves.

Literature review

Classification of social media

Social media emanates as a network of information and technology which uses communication for user-produced content and interaction and also interpersonal relations are shaped and sustained. Few features that could be identified with social media are collaboration (user groups and user), social networking, use of different sources (blogs, search engines etc.), and participation.

Web 2.0 is also one of the tools of social media. Web 2.0 can also be defined as developments in technology utilized online that allows interactive capabilities in an environment characterised by user control, freedom and dialogue and brings a new degree of interactivity and consumer involvement to advertising applications. It truly enables two way communication between brand and consumer [5].

Social networking influence on Indian youth

Human beings have perpetually hunted to live in social surroundings. Social networking has emerged as a mass online activity where millions of people are networking through various platforms and are engaged on social media platforms during their ease and work time. If we talk of olden time's man has always been a social animal and through various modes of communication humans have been communicating with each other via various kinesics, insignia language, eruditions, telecommunication and many such modes but times have really altered with institution of social networking sites to hominids. In less than five years these social sites have gained popularity among millions and have made their space in every individual's life whether it is their professional space or personal space. One thing more that is coming in reality is that technological dependence is increasing with each passing day for communication and that is how social networking sites are affecting daily progressions and developments. SNS (social networking sites) have grown from niche online activity into a phenomenon. Parameters of friendship and relations is everyday changing from close to casual acquaintances on various social networking sites, i.e. Friendster, LinkedIn, Facebook where on Facebook it is easy to highlight your relationship status by marking it single, committed or complicated. According to the market research agency Kantar IMRB, India is registering rapid growth in rural areas and India's Internet users are expected to rise in double digits and will grow to 627 million in 2019. Interestingly digital revolution has touched upon small towns and villages and this could only be possible due to increased accessibility and affordable Internet data charges by companies like Jio and Airtel. Rural Indians are now more comfortable in using smartphones and browse Internet to meet their entertainment and information needs.

Social media's influence over Indian politics

Narratives of politics has eventually changed with social media because election and selection of any candidate is not about getting elected but it has changed

its meaning from simply elected to getting socially elected. The expression of thought and expressions has gradually changed over with social media, social media is affecting all the senses of individual whether it is writing, thinking, communicating or responding to a situation socially. Degree of expression is also changing with social media where people are freely expressing themselves on various platforms through their writing pieces and blogs. Social media's influence is also over the voting pattern and impacts the manner people vote. Social media is not only the part of new media but is also a democratic tool for the political parties and candidates for persuading voting comporment. With changeable times political parties are not only focused to political rallies, manifesto, political gatherings but digital platforms have become an integral part of political planning. Twitter, YouTube, Google Plus, Facebook, WhatsApp and other media platforms have truly transformed the definition and essence of political promotions. In 2014 Vivekananda Foundation was the think tank of BJP which framed the political draft for making MODI as the hero of nation and made a perception among people that MODI was the political hero and definition of development. They not only used social media platforms but all possible mode of communication i.e. advertisement, interactions for establishing MODI as a brand. In 2014 it was for the very first time on social media where the term "NaMo" was used [6]. Prime Minister Narendra Modi was the one who essentially realized the importance and standing of social media. He was the one who knew that how social media could be used as a boon for connecting with masses and for influencing voters. His team kept no stone unturned for linking with populace and used best possible social media platforms, i.e. Google Hangouts, Facebook, WhatsApp, Twitter and also live webcasts of his speeches.

Change is the definitive desire of the relationship between social media and politics. The civil society is vexing to use social media for revolution. One thing more is to be seen that this online revolution is more about fluctuating human behaviour and less about technology.

Social networking sites can be described as networks of friends for social or professional interactions. Indeed online social networks have absolutely changed the diffusion of information by constructing it easy to share and digest information on the Internet [7].

If we look at the overall perspective of social networking sites it is acting as a prodigious medium for view mobilization. Youth is not only sharing their personal or professional lives on social media platforms but are also outreaching and casting their opinions regarding social issues, i.e. corruption, human rights, gender insensitivity, child trafficking and many more [8] discovered that in German Federal elections relative volume of tweets closely mirrored the results of the German elections. Researchers found that Twitter was used for political deliberation and voters presence was calculated by their tweets. UK Members of Parliament (MPs) have been using Twitter to augment communication with their constituency since 2007. The influence of media on political participation has been studied extensively in the United States [9]. The presidential elections of USA proved the importance of social media in 2008 and Barack Obama made the world realize that social media could be a blessing for politicians. Also, a study by Masahiro Yamamo-

to and Matthew James Kushin published in *Mass Communication and Society*, provided acumen into the social media behaviours of young people (adults under the age of 30), a demographic embattled by Barack Obama.

It is established in the study that young minds fetch more of political information from social media platforms than any other age group. It is becoming transparent that social media tools are playing a vital role in setting governmental schemas and shaping public opinion [10]. Journalists, citizens and politicians are adopting various social media platforms for expressing their political ideologies and for engaging various stakeholders for propagating and retrieving information and also contribute to critical-rational deliberation [11]. Therefore, this study is an attempt to understand the impact of social media on Indian politics Understanding perception of youth on social media and its impact on politics The fast changing trends in the media industry has prompted technological shift as well as a drastic change in the consumption of news among the youth. The students of journalism and mass communication have started conceptualizing the profession against the backdrop of rapid changing practices and principles of journalism. There have been several researches done to assess journalism student's perception about the notion of professional media practices in media [12]. Recent developments especially in context of 2014 and 2019 General Elections suggest a strong relationship between social media usage and political engagement in terms of awareness, accountability and participation. The youth of today has become more expressive and responsive to political scenario as compared to previous generation. Keeping the above context in mind, this study seeks to examine the issues with present pedagogic approaches in journalism education in India based on journalism student's perception of social media impact on politics.

Methodology

A total of five focus group discussions were conducted with students enrolled in Journalism Bachelors program in two different journalism/media department at an Indian University. Each session had 10 participants who were selected based on the submission of a consent form. Discussions were done by a moderator and were also recorded on a digital audio recorder. This was further transcribed and categorised as per the recurring theme and pointers. The responses in regional languages mainly in Hindi were translated into English. The transcripts were then axially coded by the three coders (the first, second and third author of the study) to identify relevant themes and key points. Once the relevant themes were identified and finalized representative quotes were selected after a discussion based on final coding.

Analysis

Discussions on the following themes were done during the focus group discussions:

1. Choice of social media platform for political news consumption. A discussion revolving around social media platform for news consumption was done in order to assess the choice of journalism students and the reason behind the same. Several participants identified social media platform as their only source of news

consumption, while others felt that TV news channel and newspapers are better source of political news, for being credible and detailed. However, 83% of the journalism students believed that social media has changed the public discourse among youth in context of political news and they have become more aware and interested as compared to five years ago.

“Being a journalism student, I have developed interest in political news because everything is easily accessible. All the political news is available on my smart phone. I don't have to go to library to read newspaper or switch on a TV program at a particular time to watch a political discussion”.

2. Popular social media platforms among youth. With advent of Internet and consequently social media platforms, there has been an increase in the number of Internet users. As per the Cisco report the number of smartphones users in India is expected to double to 829 million by 2022 from 404.1 million in 2017 [13]. The report further states that by 2022, the smartphone data consumption in India will increase by five times – which proves the dominance of smartphones as the communications hub for social media, news, video consumption, communications, and business purpose. If we look at the social media penetration in India, the most popular social network was YouTube and Facebook having a total penetration narrate of 30 each. On the other hand, WhatsApp was ranked third with 28% reach. India ranks second among countries having maximum number of Facebook users, accounting for 11% of global Facebook audiences in April 2017.

“I feel that since the time I have joined Facebook, I have become more politically aware, especially in context of political news. Although there have been lot of fake news doing the rounds, but amongst all this one is able to sift authentic news. If I was not on social media, I might have not developed interest in general elections 2019. Social media has gained momentum in India with the social movement, ‘India against Corruption’ and since then there has been no looking back. I am a first-time voter and I regularly use YouTube and news apps for political information and awareness”. [6].

3. Social media and credibility factor. There is no doubt that social media has open several platforms for news consumption and with multiple news sources, there is also a rise in fake news and misinformation. In the digital age, where a huge amount of free information is easily accessible in public domain, the problem of misinformation, disinformation and propaganda is quite obvious. While the growing popularity of the use of social media platform, especially Facebook, and its potential to propagate misinformation, the ability to judge credible information is becoming more important. Social media users need to pay attention to information credibility because online rumour may cause serious harm to individuals and society [14]. In the last one month, India has witnessed unprecedented levels of misinformation, lies, and fake statistics being offered to people through their smartphones. Because there is an evident rise in fake news, which is being circulated in a very systematic and organised way, a large chunk of misinformation is being consumed by the public. This in turn leaves the public confused between right and wrong and between fake and real. Although, Facebook has taken several steps to identify fake news articles, false claim as “disputed by 3rd party fact-checkers”, show fewer false articles in users’ news feeds, and help users avoid accidentally

sharing false articles by notifying them that a story is “disputed by 3rd parties” before they share it [15].

“Sometimes it becomes very difficult to assess whether a piece of article or a photo is real or fake. I have also felt that there has been more fake news around Lok Sabha elections 2019 and there should be some mechanism to bust this problem” [16].

References

- [1] Patel, K. (2015). Social Media in the Indian Context: New Flavor of the Season. *Global Journal of Multidisciplinary Studies*, 4(6), 268–270.
- [2] Biswas, A., Ingle, N., & Roy, M. (2014). Influence of Social Media on Voting Behavior. *Journal of Power, Politics & Governance*, 2(2), 127–155.
- [3] Patel, K. (2018, November). *Impact of Advancements in Technological Aids in Communication Media in Bringing About Social Reformation*. Global Conference on Journalism and Mass Communication, Colombo, Sri Lanka.
- [4] Nayak, D. (2019, 8 March). Internet Users In India Exceeds Half A Billion People In 2018, 97% Use Mobile To Connect. *Dazeinfo*. <https://dazeinfo.com/2019/03/08/india-Internet-users-2018-mobile-report/> (accessed: 12.09.2019).
- [5] West, A. (2010). *Advertising 2.0: social media marketing in a Web 2.0 world*. Routledge Journals, Taylor & Francis Ltd.
- [6] Patel, K. (2017). Lok Sabha 2014, Narendra Modi and Social Sites. *International Journal of Recent Advances in Psychology & Psychotherapy*, 1(1), 24–28.
- [7] Akrimi, Y., & Khemakhem, R. (2012). What drive consumers to spread the word in social media? *Journal of Marketing Research & Case Studies*, (1), 1–14.
- [8] Tumasjan, A., Sprenger, T.O., Sandner, P.G., & Welpe, I.M. (2010). *Predicting elections with twitter: What 140 characters reveal about political sentiment* (pp. 178–185). Fourth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media.
- [9] Chaffee, S.H., & Kanihan, S.F. (1997). Learning about Politics from the Mass Media. *Political Communication*, 14(4), 421–430. doi: 10.1080/105846097199218.
- [10] Wallsten, K. (2007). Agenda setting and the blogosphere: An analysis of the relationship between mainstream media and political blogs. *Review of Policy Research*, 24(6), 567–587.
- [11] Sauter, T., & Bruns, A. (2013). *Social Media in the Media: How Australian Media Perceive Social Media as Political Tools*. ARC Centre of Excellence for Creative Industries and Innovation, Brisbane, Queensland, Australia.
- [12] Williams, A., Guglietti, M.V., & Haney, S. (2018). Journalism students’ professional identity in the making: Implications for education and practice. *Journalism*, 19(6), 820–836.
- [13] Express Computer. (2018, 5 December). *India To Have Over 800 Million Smartphone Users By 2022: Cisco*. Retrieved from <https://www.expresscomputer.in/Internet/india-to-have-over-800-million-smartphone-users-by-2022-cisco/30512/> (accessed: 20.12.2019).
- [14] Li, R., & Suh, A. (2015). Factors influencing information credibility on social media platforms: Evidence from Facebook pages. *Procedia computer science*, 72, 314–328.
- [15] Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of economic perspectives*, 31(2), 211–236.
- [16] Golan, G., & Wanta, W. (2001). Second-level agenda setting in the New Hampshire primary: A comparison of coverage in three newspapers and public perceptions of candidates. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 78(2), 247–259.

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 30 October 2019

Accepted: 28 November 2019

For citation:

Patel, K., Binjola, H., & Siddiqui, T. (2020). Indian social media politics: New era of election war. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 184–192. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-184-192>

Bio notes:

Keshav Patel, researcher (academic), Department of Communication, Mahatma Gandhi Chitrakoot Gramodaya University. E-mail: mgcgv@rediffmail.com

Himani Binjola, Assistant Professor, Department of Media & Mass Communication, Graphic Era Hill University (GEHU). E-mail: enquiry@gehu.ac.in

Taha Siddiqui, Assistant Professor, Department of Media & Mass Communication, Graphic Era Hill University (GEHU). E-mail: enquiry@gehu.ac.in

Научная статья

Индийская политика социальных медиа: новая эра избирательных процессов

К. Патель¹, Х. Бинжола², Т. Сиддики²

¹Университет Махатмы Ганди Читракут Грамодайа
Республика Индия, 485334, Мадхья-Прадеш, Читракут, Джанки Кунд, Камтан

²Университет График Эра Хилл
Республика Индия, 248002, Уттаракханд, Дехрадун, Клемент Таун,
Общественная зона, Белл-роуд, 566/6

Социальные сети сыграли важную роль в период 16-х выборов в нижнюю палату парламента Индии, что стало поводом для анализа поведения современной молодежи при получении политических новостей. Сегодня соцсети вовлекают молодых избирателей в коммуникацию и формируют их мнение. Число пользователей Интернета в городах Индии выросло на 7 % и достигло 315 миллионов пользователей. В настоящее время в сельских районах Индии активно внедряется цифровое вещание, за последний год число пользователей Интернета увеличилось на 35 %. Прогнозируется, что роль телевидения уменьшится в период предстоящих выборов, на избирателей будут оказывать огромное влияние цифровые СМИ. В статье представлены результаты исследования поведения молодежи, изучено влияния соцсетей на голосование. Ставится вопрос – можно ли признать социальные сети фактором, существенно влияющим на молодежь в период выборов.

Ключевые слова: социальные медиа, политика, всеобщие выборы

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 28 ноября 2019

Для цитирования:

Patel K., Binjola H., Siddiqui T. Indian social media politics: new era of election war (Индийская политика социальных медиа: новая эра избирательных процессов) //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 184–192. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-184-192>

Сведения об авторах:

Патель Кешав, исследователь (академик), департамент коммуникаций, Университет Махатмы Ганди Читракут Грамодайа. E-mail: mgcgv@rediffmail.com

Бинжола Химани, доцент кафедры средств массовой информации и массовых коммуникаций, Университет График Эра Хилл. E-mail: enquiry@gehu.ac.in

Сиддики Таха, доцент кафедры средств массовой информации и массовых коммуникаций, Университет График Эра Хилл. E-mail: enquiry@gehu.ac.in

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-193-197
УДК 821.161.1

Рецензия

Новая книга о творчестве Б. Пильняка

Рецензия на монографию Л.Н. Анпиловой
«Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х гг.».
СПб.: Нестор-История, 2019. 214 с.

Гун Цинцин, А.Г. Коваленко

Чжедзянский университет
*Китайская Народная Республика, 310058, Ханчжоу, Чжэцзян,
район Сианьху, ул. Юйхантан, 388*
Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В рецензии дается анализ новой работы о творчестве Бориса Пильняка, в которой проза известного русского писателя рассмотрена с позиции эстетики экспрессионизма. Оцениваются общая концепция труда и научная методология монографии, освещаются вопросы авторской стратегии, жанровых модификаций, специфики и форм выражения авторского сознания. В структуре книги отмечаются стройность и строгая аргументированность авторской концепции, обосновывается теоретическая значимость монографии для рассмотрения эстетики экспрессионизма в прозе Б. Пильняка.

Ключевые слова: Б. Пильняк, эстетика экспрессионизма

Монография Л.Н. Анпиловой представляет собой новую попытку осмыслить творческий путь замечательного писателя, имя которого некогда вычеркивалось из литературы как идейно чуждое советской действительности, которое «выпало» из историко-литературного контекста и было возрождено и реабилитировано лишь в постсоветскую эпоху. Однако и будучи воскресшим, оно в поздние 1980-е годы являлось лишь знаком его антисталинской разоблачительной тенденции, как, например, в «Повести непогашенной луны». И лишь спустя время творчество писателя, взятое в его полном объеме, стало объектом пристального исследования и продолжающихся по сей день попыток обосновать системность и оригинальность его художественного мировоззрения.

Одной из примечательных особенностей новой книги является ее целостность и системность. Автор не только вчитывается и скрупулезно анализирует тексты романов и повестей писателя, не только соотносит их с линией жизненного пути, вписывает их в исторический контекст сложной и

трагической эпохи. Исследователь намечает путь и методологию теоретического осмысления художественного метода Б. Пильняка. О писателе уже сказано и написано достаточно много предшественниками, и здесь автор подробно останавливается на исследованиях известных литературоведов, делавших попытку объяснить феномен Б. Пильняка. Но существенно важной представляется научная гипотеза, последовательно доказываемая в монографии, – творчество Б. Пильняка, его поэтика и художественная методология с наибольшей вероятностью относятся к эстетике экспрессионизма.

Последовательная аргументация этой идеи опирается как на общетеоретические работы российских и зарубежных исследователей, так и на практику анализа текстов Б. Пильняка, в которых проявляются особенности его стиля и мировоззрения. Стремление разобраться в разногласии противоречивых мнений о сущности экспрессионизма приводит к твердой убежденности в том, что этот феномен возник и формировался именно как художественный метод и не только на западноевропейской почве, но и на русской. Его нельзя сводить к авангарду или *экспрессионистичности* стиля, он созрел как особый мировоззренческо-эстетический комплекс, сущность которого сводится к стремлению художника прорваться сквозь Хаос окружающего мира, понять мир во всей его противоречивости и антиномичности, объявить бунт против него и заявить о своей индивидуальности. Творчество Б. Пильняка, по убеждению исследователя, подчинено именно этой имманентной, но отчетливо обнаруживающейся «программе» нравственных и художественных поисков.

Стоит отметить, что авторская концепция экспрессионизма, заключенная в прозе Б. Пильняка, опирается на подмеченную ранее Н.Л. Лейдерманом семиотическую идею антиномии Космоса и Хаоса: «В раннем экспрессионизме, – писал исследователь, – безусловной конструктивной доминантой была гротескная деформация, а всепоглощающей тональностью – крик ужаса. Но в процессе развития экспрессионизма, прежде всего – в произведениях его лидеров, стала все явственнее проступать тенденция к поиску секретов саморегуляции Хаоса – тех центростремительных сил, которые не дают миру распасться».

Сквозь сгущенную метафоричность повествования, внимание к деталям, трансформированные деформированные пространство и время писатель стремился увидеть «вечное» и запечатлеть «невыразимое» словами. И в этом контексте тема любви занимает у Б. Пильняка особое место. В главе под названием «Лики любви в прозе Б. Пильняка: метафизика любви в контексте русского экспрессионизма» Л.Н. Анпилова раскрывает специфику художественного воплощения этой темы. Для писателя она имеет три лика: Любовь-эксперимент (социальное), Любовь-рождение (природное), Любовь-восхождение (нравственное). Рассмотрение творчества под углом зрения такой типологии многое объясняет в логике творчества, позволяет избежать представления о склонности к «физиологии», дает возможность в полной мере понять сложную организацию его эстетической системы.

С проблемой экспрессионизма связан, в сущности, и другой вопрос, – эволюция авторского сознания и способы его проявления в тексте. В моно-

графии рассматриваются специфика и формы выражения авторского сознания, направленность литературных экспериментов писателя в сфере мотивной структуры и стиля. Исследовательница показывает глубокую связь текстов Б. Пильняка с контекстом русской культуры эпохи рубежа XIX–XX вв., с мифологией и фольклором как важнейшими истоками современного художественного сознания, а также с реализмом и модернизмом.

Работа создает впечатление целостности и завершенности научной проработки вопроса: сначала серьезно обоснованная теория экспрессионизма, затем анализ отдельных составляющих темы. Всего в работе шесть глав, свидетельствующих о сбалансированности и стройности представленного в ней материала. Главы монографии соединяют в себе основные теоретико-, историко-литературные и литературно-критические аспекты рассматриваемой темы. Каждая глава начинается с краткого вступления, содержащего в себе теоретико-литературную постановку разбираемой проблемы. Теоретическая значимость работы Л.Н. Анпиловой состоит в том, что в ней доказывается важность и возможность анализа русской версии экспрессионизма на материале прозы Б. Пильняка 1920-х годов. Цельность и системность, как свидетельствует анализ, важнейшие параметры воплощения эстетики экспрессионизма у Б. Пильняка. Изучение теоретической составляющей способствует раскрытию специфики поэтики Б. Пильняка и его художественного мышления.

Стоит обратить внимание на перспективность некоторых творческих подходов, используемых автором при анализе творчества Б. Пильняка: это прежде всего интермедальность (термин и метод, предложенные О. Ханзен-Лёве; Л.Н. Анпилова не использует это определение, но работает в данном направлении, исследуя синестезии в творчестве Б. Пильняка, в том числе музыкальные, живописные и кинематографические ассоциации писателя). Работа анализирует влияние разных видов искусств на мировоззрение писателя, расширяет диапазон междисциплинарности и теоретического подхода к анализу его творчества. Так, во второй главе автор полагает, что «в соответствии с характером симфонической композиции “Голый год” имеет четко выраженную экспозицию (“Вступление”), разработку (“Изложение”), репризу (“Заключение”) и коду (вне триптиха, в конце)» (С. 73).

Свидетельством междисциплинарности авторского подхода является и обращение к музыковедческим трудам по симфонизму и полифонии при анализе текста. Именно симфония, по мнению Л.Н. Анпиловой, представляет собой важный принцип создания художественной целостности. При этом исследовательница обращает внимание на связь смеха, гротеска с хаосом в повести «Красное дерево». Заслуживают дальнейшего изучения и развития мотив ликов любви в аспекте хронотопа литературного текста и тема диалога культур между Россией и Китаем, Россией и Японией.

В произведениях изучаемого периода автор доказывает, что способы выражения авторской позиции и шире – авторского сознания – получают дальнейшее развитие в последующей прозе. Исследовательница не только ссылается на предшественников, разрабатывавших теоретические основы анализа текстов симфонического типа, текстов с выраженными гротеском и антитезой, но и сопоставляет произведения Б. Пильняка с произведениями современников.

Тем не менее можно говорить о недостаточно последовательном различении таких понятий, как «авторское сознание», «авторская позиция», «авторская интенция», «авторская поэтика», «авторская концепция», «авторский замысел», и подчас кажется, что они смешиваются в работе. Так, автор констатирует, что «в современной Пильняку критике так или иначе главным являлся как *вопрос о целостности* и самостоятельности, а соответственно, и художественной ценности произведений писателя, так и вопрос о цельности самого авторского сознания» (С. 9), и при этом: «Приступая к анализу *целостности авторской концепции*, многие современные исследователи обращают внимание на то, что организующим звеном произведений Б. Пильняка становятся многочисленные параллели, а повествование строится на основе столкновений разного рода оппозиций...» (С. 14), а также: «Итак, в чем же конкретно проявляется симфонизм романа “Гольф год”? Следуя данному нами определению, прежде всего, в способах раскрытия *авторского замысла*: в характере повествования, особенностях композиции» (С. 72).

Л.Н. Анпилова убедительно доказывает, что русская версия экспрессионизма, воплощенная в прозе Б. Пильняка, характеризуется сложной структурой, отражает особенности мировоззрения писателя, личный экзистенциальный опыт, художественную философию, эстетические принципы, связь его прозы с другими видами искусства. Немаловажным достоинством новой книги является и то, что она богато и со вкусом иллюстрирована. Академическая основательность приобретает живость благодаря иллюстрациям В. Фаворского и Ю. Анненкова, фотографиям обложек его книг, портретам писателя разных лет.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2019

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019

Для цитирования:

Гун Цинцин, Коваленко А.Г. Новая книга о творчестве Б. Пильняка. Рецензия на монографию Л.Н. Анпиловой «Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х гг.». СПб.: Нестор-История, 2019. 214 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 193–197. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-193-197>

Сведения об авторах:

Гун Цинцин, кандидат филологических наук, Чжецзянский университет. E-mail: qingqinggong@mail.ru

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов. E-mail: ak-taurus@mail.ru

A new book about the work of B. Pilnyak

Review of L. N. Anpilova's monograph
“Russian version of expressionism: Prose of Boris Pilnyak of the 1920s”.
Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 214 p.

Gong Qingqing, Alexander G. Kovalenko

Zhejiang University

388 Yuhantang St, Xianhu district, Zhejiang, Hangzhou, 310058, People's Republic of China

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The review analyzes a new monograph about the work of Boris Pilnyak, in which the prose of the famous Russian writer is considered from the standpoint of the aesthetics of expressionism. The authors of the review evaluate the scientific methodology of the monograph, focus on the issues of author's strategy, genre modifications, specifics and forms of expression of the author's consciousness. Considering the structure of the book, the reviewer notes the harmony and strict reasonableness of the author's concept, justifies the theoretical significance of the monograph for the consideration of the aesthetics of expressionism in the prose of B. Pilnyak.

Keywords: Boris Pilnyak, aesthetics of expressionism

Article history:

Received: 08 December 2019

Revised: 20 December 2019

Accepted: 25 December 2019

For citation:

Gong, Qingqing, & Kovalenko, A.G. (2020). A new book about the work of B. Pilnyak. Review of L.N. Anpilova's monograph “Russian version of expressionism: Prose of Boris Pilnyak of the 1920s”. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 214 p. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 193–197. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-193-197>

Bio notes:

Gong Qingqing, Ph.D. of Philology, Zhejiang University. E-mail: qingqinggong@mail.ru

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ak-taurus@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-198-200
УДК 316.772

Научное сообщение

Вузовский проект «Я – Экоманифест» в системе цифровых коммуникаций

М.В. Смыкова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

В декабре 2019 года в Садовниках в кампусе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) открылась выставка плакатов и состоялась презентация интерактивного проекта «Я – Экоманифест», посвященного экологическим проблемам. Организаторами стали студенты Института общественных наук Школы медиакоммуникаций РАНХиГС.

В 2019 году тема экологии и изменения климата вышла на первый план, стала популярным трендом. Рано говорить об экологической осознанности в России, а тем более об идеологических аспектах экологической культуры, но можно отметить положительную динамику в отношении к экообстановке на уровне государства и общества. Показательно для мировых процессов, что 16-летняя шведская экоактивистка Грета Тунберг была выбрана «Человеком года – 2019» по версии журнала Time, обойдя Д. Трампа, В. Зеленского и М. Цукерберга.

Идея проекта «Я – Экоманифест» возникла в процессе освоения дисциплины «Визуальные коммуникации». Изучая разные способы передачи сообщения, студенты осознанно выбрали и по-новому открыли для себя тему заботы о мире, в котором мы живем и обмениваемся не только информацией, но и чувствами, эмоциями, опытом. Для каждого участника, по задумке преподавателя, выбранная экопроблема стала личным высказыванием.

В современном мире средства визуальной коммуникации – обычный способ популяризации личного бренда или коммерческого продукта. «Я – Экоманифест» – прежде всего, переосмысление современных цифровых инструментов и их влияния на решение социальных проблем.

В рамках реализации проекта был разработан комплекс визуальных решений, который предполагает вовлечение «с любой точки». Выпущены графические плакаты с QR-кодами, которые ведут на сайт, где у каждой проблемы есть свое описание и конкретное решение, и фирменная продукция –

сумки с индивидуальным дизайном, на которых также размещен QR-код, ведущий на страницы сайта. На сайте ecomanifest.me размещено видеосообщение, а также ссылки на Instagram-маски для участия в экомарафоне, когда каждый участник может выложить сториз, привлекая внимание к проблеме, создан Instagram-профиль [@ecomarafonme](https://www.instagram.com/ecomarafonme).

Таким образом, «Я – Экоманифест» из учебного задания превратился в самостоятельный, реализованный проект с использованием всех современных, в том числе новейших (дополненная реальность), визуальных коммуникаций, представляющий собой систему с множеством точек контакта с целевой аудиторией.

В рамках курса «Визуальные коммуникации» использовались возможности креативной педагогики, когда осознание рассматриваемой проблемы, свободный творческий процесс и современные диджитал-технологии были объединены для создания уникального многоуровневого проекта, аналогов которому нет.

На первом этапе студенты разрабатывали основу для плаката, а именно – творческую композицию, которая олицетворяла имя участника, стала личной дизайн-монограммой, каждый студент должен был выразить себя без каких-либо ограничений. Вторым этапом стал выбор экологической проблемы, которую хотелось бы решить, с последующим ее выражением через подбор сложной, нелинейной ассоциации в виде графики. Третьим этапом стало создание Instagram-маски, которая могла бы быть проводником конкретной экотемы в цифровом мире. Последние этапы – запуск сайта и Instagram-профиля, изготовление фирменной продукции.

Основа выставки – графические плакаты, которые являются яркой частью замысла, его печатным высказыванием. Планируется, что экспозиция будет выставляться в разных корпусах академии, а также за пределами вуза в качестве независимого коммуникационного социального проекта, актуальность которого не может быть утрачена в связи с гибкостью использованных инструментов, способных меняться в зависимости от целей проекта на разных этапах развития.

Неслучайно выбрано название «Я – Экоманифест». Каждый студент вложил в выбор и визуализацию проблемы свои чувства, видение, индивидуальный посыл и смысл – серия плакатов, масок и сумок стала манифестом, выражением позиции небезразличия.

««Я – Экоманифест» – это возможность решить конкретную экопроблему, решить по-настоящему. Решить в ближайшее время. Планета моя, твоя, ваша – личное, живое, настоящее. Мы учимся передавать сообщения. Мы пропускаем их через себя. Станьте частью нашего высказывания. Станьте глаголом», – выдержка из экоманифеста участников. Вузовский проект, реализованный с применением новейших технологий, стал шагом к новой экологической культуре.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 декабря 2019

Дата принятия к печати: 14 января 2020

Для цитирования:

Смыкова М.В. Вузовский проект «Я – Экоманифест» в системе цифровых коммуникаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 198–200. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-198-200>

Сведения об авторе:

Смыкова Мария Владиславовна, преподаватель Института общественных наук Школы медиакоммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: smykova.maria@gmail.com

Scientific report

High school project “I am Ecomanifest” in the system of digital communications

Maria V. Smykova

Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave, Moscow, 119571, Russian Federation

An exhibition of posters and a presentation of the interactive project “I am Ecomanifest”, dedicated to environmental issues, took place at the Institute of Public Policy of Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration on December 20, 2019. The training project has become an independent communication statement. A system of visual communications has been developed, using modern digital tools that help to solve the environmental problems.

Article history:

Received: 18 December 2019

Accepted: 14 January 2020

For citation:

Smykova, M.V. (2020). High school project “I am Ecomanifest” in the system of digital communications. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 198–200. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-198-200>

Bio note:

Maria V. Smykova, lecturer of Institute of Public Policy of School of Media and Communication, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration. E-mail: smykova.maria@gmail.com